

ТАЙНЫЕ АГЕНТЫ

Светозар Чернов

БАРАБАНЫ ЛЮБВИ

и

Подлинная
история

ПОТРОШИТЕЛЕ

Светозар Чернов
Барабаны любви, или
Подлинная история
о Потрошителе
Серия «Тайные агенты», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18340928

С. Чернов Барабаны любви, или Подлинная история о Потрошителе:

Издательство Эдвенчер Пресс; 2016

ISBN 978-9-934-53611-3

Аннотация

В августе 1888 года тайные агенты Степан Фаберовский и Артемий Владимиров (он же Гурин) прибывают в Лондон. Глава департамента Заграничной агентуры Рачковский поручил им проверить политическую интригу с целью нейтрализовать русскую революционную эмиграцию. В результате их действий дело останется в истории как «Дело Джека-потрошителя». Предыстория романа С. Чернова «Три короба правды, или Дочь уксусника».

Содержание

От редактора	4
Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	48
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	101
Глава 7	114
Глава 8	125
Глава 9	155
Глава 10	177
Глава 11	216
Глава 12	231
Глава 13	243
Глава 14	250
Глава 15	271
Глава 16	287
Конец ознакомительного фрагмента.	302

С. Чернов

Барабаны любви, или

Подлинная история

о Потрошителе

От редактора

Мы опять говорим: «Эту книгу можно читать с любого места». Если вы ещё не знакомы с серией «Тайные агенты», стало быть, судьба привела вас к её середине. Клянусь, не только эту, а и вообще любую книгу можно (а иногда даже нужно!) читать с любого места. Хоть с конца, хоть с середины.

Далее последуют объяснения.

Так вышло, что серию эту мы запустили с конца. Если вы не можете без строгой хронологии и законченности, лучше всего сейчас же бежать, не оглядываясь. Ну, а если вы не сбежали, продолжим. В 2007 году вышел справочник Светозара Чернова «Бейкер-стрит и окрестности». Никто тогда понятия не имел, что никакой справочник холмсианца никогда бы не был написан, когда бы двое, Степан Поберовский и Артемий Владимиров, тогда ещё не назвавшие себя Светоза-

ром Черновым, не писали авантюрный роман, действие которого происходило в викторианскую эпоху – времена Шерлока Холмса. За викторианскую основу, как несложно догадаться, был взят дом на Бейкер-стрит со всем, что его окружало. В процессе сбора материала образовался справочник. Авторы писали его для себя и лишь позже сообразили, что он, возможно, будет интересен не только им. То, ради чего справочник появился, так и осталось бы неизвестным, если бы не внезапная и увы! ранняя смерть одного из соавторов. Это было в 2010. Покойный едва не унёс рукопись с собой в могилу.

Зная о рукописи, я надела на живую половину Светозара Чернова с просьбой позволить опубликовать. Публиковать нечего, злилась половина. Автор умер. Продолжать в одиночестве половина автора отказалась. Последняя часть более или менее завершена – и что толку, если третья, вторая и первая существуют в виде разрозненных фрагментов разной степени незаконченности.

– Дайте, – сказала я. – Дайте мне эту последнюю часть.

Часть эта вышла первой три месяца спустя после смерти Степана Поберовского под названием «Три короба правды, или Дочь уксусника». В 2013 последовала третья (с конца) часть квадрологии, «Операция "Наследник"». Шесть лет с момента смерти автора ушло на то, чтобы собрать варианты «Потрошителя» и сложить из них... сложить из них ту историю, которая проносилась перед моими глазами в поез-

де, по пути из Лондона в Уокинг осенью 2009 года. Я читала с экрана размером со спичечный коробок, чертыхаясь от того, что листать приходилось, по десять раз возвращаясь к началу, спотыкаясь о суховатый, трескучий язык немолодого викторианского джентльмена. Таким языком говорит с читателем справочник Бейкер-стрит. Им же разговаривает один из главных героев – Фаберовский, бывший лондонский сыщик. Это его голос рассказывает историю.

– Но, – спросите вы, – если текст так и не был закончен, да ещё и написан сухо, длинно etc. – зачем же подсовывать его нам?

Не потому, что автор потратил на него всю жизнь. Он вполне мог упокоиться вместе с рукописью. Но я читала эту длинную вещь, несмотря ни на что, пока не закончила. К началу главы, описывающей верховую прогулку в Гайд-Парке уже не было никакой осени 2009 года. Была осень 1888, какой-то мужик обещал взять меня в содержанки, подарить ночной горшок и только спрашивал, с цветочками брать или без цветочков. Меня звали то Пенелопа, то Эстер, то инспектор Абберлайн, то Артемий Иванович.

Кровавый маньяк, полиция, эмигранты, социалисты и проститутки, нищета и безумие. Но, как ни парадоксально, история о любви.

Что самое важное? Абсурд. Безумие реальности, в которой не сомневаешься ни секунды. Всё было именно так, потому что по-другому не могло быть.

Поезд прибыл на станцию. Я была в Англии. Прожила в 1888 году до самого возвращения. Боюсь, так и живу там по сей день.

Вот какова эта история.

Версию, которую читала я, авторы признали неудачной. Они так хотели сделать совершенную вещь, что едва не выплеснули младенца вместе с водой. Они утверждали, что мне достался старый текст. Что у них есть свежие, лучшие версии. Оставалась ерунда: их найти.

Всего версий было не то шесть, не то четыре, все хранились в трёх или четырёх вариантах в разных местах, все более или менее одинаково назывались и все содержали фрагменты новых редакций. Я была согласна, что кое-какие места следует улучшить. Охотно соглашалась, что такие-то новые фрагменты существенно лучше, и ими следует заменить старые. Дипломатично пожимала плечами, слушая, что текст вообще нельзя трогать, любая редакция, пусть даже самая лучшая, окажется не Светозаром Черновым, а солоВладимирова, а он без соавтора не хочет, потому что вещь писали вдвоём, etc., etc.

История должна была быть ТОЙ. Это я знала точно.

Я ведь могу сделать копию и работать с ней как душа пожелает? От этого ведь ничего не случится?

А это ради бога, сказал Владимиров.

Но не тут-то было.

Устройство, с которого я читала в поезде, к тому времени

не сохранило текст.

Я спросила Владимирову, где ТОТ вариант. Ответить он не мог. Но текст я всё-таки нашла. К этому моменту были перечитаны все старые версии, все исправленные старые версии, все новые версии и выслушаны все диалоги с покойным соавтором, который незримо предстоял перед нами. Эти двое спорили даже так: один за рабочим столом, второй в могиле. Пока они этим занимались, я уже видела текст целым. Из всех версий и вариантов. Пусть даже кое-какие кусочки и придётся оставить только в виде планов, набросков и описаний.

То, ради чего пишется книга, уже было. Они жили. Бывший лондонский сыщик, Стивен Фаберовский и бывший агент III отделения, художник-передвижник, автор ряда бесмертных рукописей Артемий Гурин (он же Владимиров).

Оставалось вырвать согласие живой половины автора. Уговорами. Чтением вслух. Цитатами. Искренними восхвалениями и грубой лестью.

Взяла убеждением и измором.

Теперь оно перед вами. Третья часть с конца, вторая с начала.

Елена Соковенина

24 марта 2016

1.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТА-
МЕНТА ПОЛИЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

— —

ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ

— —

По Особому Отделу

— —

3 декабря 1909 г.

№ 168019

Лично

Совершенно секретно.

Заведующему Заграничной агентурой

Департамент полиции просит Ваше благородие срочно со-
общить все имеющиеся сведения о Гурине, состоявшем на
службе в Заграничной агентуре в 1883–1888 годах секрет-
ным сотрудником.

Полковник

Еремин

2.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТА-
МЕНТА ПОЛИЦИИ

Чиновник

ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

при

Министерстве Внутренних

Дел

—

№ 157

17/29 декабря 1909 г.

Париж

Совершенно секретно

Его высокоблагородию

Заведывающему Особым Отделом

полковнику Еремину

Вследствие запроса Вашего превосходительства от 3 де-
кабря 1909 года за № 168019 имею честь сообщить нижесле-
дующее:

Гурин, он же Артемий Иванов Владимиров, купеческий
сын, образования домашнего, происходил из семьи псков-
ского купца 2 гильдии Владимирова. В 1874 году, имея от
роду 18 лет, был отвезен собственным отцом из Пскова в
Санкт-Петербург для отдачи в услужение купцу 1 гильдии

Нижебрюхову, однако его отец, не завершив сего дела и заболев тифом, умер того же года зимою и Владимиров, в три месяца промотав полученное им наследство, оказался безо всяких источников существования, несколько раз делал попытки поступить на частную службу, но различными причинами был вынуждаем оставлять ее. В январе 1874 года поступил классным надзирателем в 3-ю мужскую прогимназию, в связи с чем последовало освобождение сего Владимирова от воинской повинности.

В апреле 1878 года встретился в трактире с означенным купцом Нижебрюховым, коему в частном разговоре сообщил о незаконном ведении дел в прогимназии, причем Нижебрюхов порекомендовал ему сделать формальный донос о замеченных злоупотреблениях.

В июле 1878 года Владимиров был арестован на Лафонской площади у Смольного института за непристойное поведение по отношению к воспитанницам. В связи с таким проступком был сочтен нетерпимым на воспитательной должности и из гимназии уволен.

Вскоре после того, под влиянием вышеозначенного Нижебрюхова и ввиду полного отсутствия средств к существованию, Владимиров написал письмо на имя исполняющего должность главноуправляющего Третьим Отделением Собств. ЕИВ Канцелярии генерал-адъютанта Селиверстова с предложением услуг. В бытность агентом III Отделения был отмечаем как образцовый агент, имеющий к своему делу

особую склонность.

В 1880 году с открытием четырехклассной мужской прогимназии в Петергофе был определен туда в качестве классного надзирателя старшего класса.

В 1881 году, после злодейского покушения на жизнь в бозе почившего Государя Императора, явился деятельным членом Святой Дружины и был отмечен денежным вознаграждением 500 рублей за проявленную им бдительность, вследствие чего отправлен с агентурным поручением за границу, в Австрию и Швейцарию под начало г-на де Лагранжа. При передаче дел Святой Дружины в 1883 году Департаменту полиции Владимиров перешел в ведение Департамента и оставлен на своем месте в Женеве с сохранением его прежнего жалования по 200 руб. в месяц. Владимиров-Гурин в Женеве был, по отзыву Зволянского, несомненно внутренним агентом, человеком добросовестным, находился в сношениях с видными представителями эмиграции, в связи с чем переведен в Париж. Все сообщения Гурина представляли интерес и некоторые из них подтверждались фактами. Получал 275 руб. с разъездами.

За участие в разгроме подпольной типографии «Народной Воли» в Женеве в 1886 году получил денежную награду в 3000 франков.

В 1888 году был командирован в Лондон с жалованием 350 руб. Более никаких сведений о нем в делах Заграничной агентуры не имеется.

Чиновник особых поручений
Красильников

Глава 1

13 июля 1888 года

Париж он не любил по двум причинам: во-первых, для уважающей себя европейской столицы в нем жило слишком много русских, а во-вторых, всякий приезд сюда означал для него начало крупных неприятностей.

На этот раз все начиналось вроде бы относительно благополучно. Ранним солнечным утром он высадился на Северном вокзале и шагом отправился по пустынным еще улицам в гостиницу на рю Дону, ставший уже почти родным недорогой отель с милым сердцу английским названием «Чатам». Путешествие было пешим, так как он предпочитал ходить пешком: это полезно и для перистальтики, и для кошелька. Впрочем, сейчас кошелек был пуст и это являлось подлинной причиной его пешего путешествия с багажом подмышкой от вокзала к Большим Бульварам. В его высокой худощавой фигуре, облаченной в длинное дорожное пальто-ольстер с откинутым на спину капюшоном, в тяжелой трости в руке, в гордо поднятой голове с элегантно надетым дюрстокером, охотничьим картузом с двумя козырьками и завязанными на макушке ушами, во всем его облике, даже в ма-

леньком кожаном саквояже с привязанной к нему сыромятными ремнями скаткой из пледа и засунутого в него зонта, без труда угадывался надменный сын туманного Альбиона. «Bon matin, Mister!» – обратилась к нему из стоявшей у отеля коляски шикарная дама и попросила помочь ей спустится на тротуар, но мистер прошел мимо, сжав губы в гримасе ледяного презрения. Когда швейцар распахнул перед ним стеклянную дверь, сзади донеслось хоть и с акцентом, но по-русски: «Поляк надутый!» Запоздавшая ассенизационная арба на огромных колесах, проехавшая мимо, обдала его густой волной зловония. И не так обидно было то, что его обругала невесть откуда знающая русский язык проститутка, сколько то, что в ее словах была сушая правда – приезжий и впрямь был поляком. Получив от портье ключи от номера, заказанного и оплаченного русским консульством на имя Стивена Фаберовского, он поднялся наверх, снял дорожный ольстер и дирстокер, и повесил их в шкаф.

Месяц назад он встретился с помощником комиссара лондонской Столичной полиции по Департаменту уголовных расследований Джеймсом Монро, предложившим ему еще раз поработать на благо Британской империи в той же роли, в какой ему уже приходилось выступать в прошлом году. Финансовые обстоятельства были таковы, что Фаберовский согласился не особенно раздумывая, хотя заниматься созданием фиктивной динамитной мастерской в выдуманном правительством ирландском заговоре с целью убить королеву во

время празднования золотого юбилея ее пребывания на троне оказалось делом трудным, опасным и, в итоге, совершенно невыгодным – в благодарность он получил на память только серебряную юбилейную медаль. На этот раз Фаберовский был намерен сорвать-таки свой куш.

И вот теперь Монро распорядился о том, что поляк должен выехать в Париж и встретиться там с представителем министерства внутренних дел Российской империи при тамошнем посольстве неким господином Рачковским. В своей телеграмме поляку Рачковский назначил встречу на час дня в кабаре «Моя деревня» где-то на Монмартрском холме.

До встречи было еще черт знает сколько времени, поэтому Фаберовский велел кельнеру принести в номер завтрак и мрачно заглотив большую чашку скверного кофе, в котором плавали неразмолотые куски кофейных зерен, черствую булочку и пересушенный круассан. Спустившись вниз, он пролистал разложенные на столике только что доставленные утренние газеты, но не нашел в них ничего интересного, кроме анонсов объявленной дуэли между разругавшимися вчера в парламенте генералом Буланже и премьер-министром Флоке. Затем он покинул отель и отправился на улицу, где дворник облил его туфли водой из резиновой кишки вместе с асфальтовым тротуаром.

К полудню он устал, проголодался и стал еще более зол и раздражен. Хотелось засесть где-нибудь в кафе, спрятаться среди рабочих и барышень из модных салонов, магазинов и

швейных мастерских, заполнивших все заведения в этот святой для всех парижан час завтрака, но пора было искать назначенное место. Выйдя на улицу Тулуз, он поднялся по ней до крутой лестницы, выходящей прямо на кабаре, устроенное под ветряной мельницей, и спросил дорогу. Веселый могильщик с лопатой на плече, возвращающийся после завтрака обратно на старое кладбище Сен-Венсан, проводил его почти до самого искомого кабачка. Заведение «Моя деревня» на углу улиц Соль и Сен-Венсан оказалось небольшим приземистым домиком с садом, отделенным от улицы низкой оградкой и тремя ивами, за которыми сиротливо ютился простой стол с двумя лавками. Внутри кабаре представляло собой небольшой полутемный зальчик с пианино и несколькими столиками.

Фаберовский сел у столика напротив двери и, заказав стакан легкого кисловатого пикколо, стал наблюдать за входящими. Наконец, один из вошедших привлек его внимание. Это был высокий, плотный, цветущего вида человек, с густыми черными усами и румяным добродушным лицом, в петличке скромного сюртука которого краснела узкая ленточка ордена Почетного Легиона. Человек сел за соседний столик и сосредоточенно рассмотрел всех находившихся здесь. Потом достал из-за пазухи старый номер «Нового Времени», который должен был служить по договоренности с Рачковским опознавательным знаком, разложил его перед собой и заказал себе бутылку божоле и пулярку с салатом ромен. Он

явно располагался здесь надолго.

Фаберовский пересел к нему за стол.

– Прошу прощения, мсье, что пригласил вас в это странное место, но сейчас среди высшего общества становится модно посещать Монмартр, – пояснил собеседник Фаберовского. – Вот и приходится совмещать приятное с полезным, осваивать здешние заведения.

– Та ласковая панна около хотелю имеет отношение к пану Рачковскому? – спросил поляк.

– Шарлотта, – снисходительно улыбнулся Рачковский. – Она не привыкла общаться со стесненными в средствах. Но мне же надо было убедиться в вашем прибытии. Кстати, вы, наверное, хотите есть? У нас еще достаточно времени, сейчас сюда должен прибыть еще один экземпляр, некто Гурин, с которым вам придется иметь дело.

Хозяйка, мадам Адель, принесла поляку бифштекс и стакан желтовато-зеленой анисовой водки, разбавленной содовой.

– М-мм-м, надо сказать, что здесь неплохо готовят, – сказал Рачковский, отведав принесенные хозяйкой блюда. – Если убрать со стен эти жутковатые картинки, – русский чиновник кивнул на стену, где висели несколько панно, изображавших историю кровавых преступлений Тропмана, вырезавшего ради денег целую семью: двух мужчин, беременную женщину и пятерых детей, и его казнь у тюрьмы Ля Рокет, – сюда можно будет приводить даже великих князей.

Фаберовский не захотел поддержать разговор на опасную тему о великих князьях. Десять лет назад, по рекомендации своего деда, жандармского полковника Фаберовского, поляк поступил на службу в Третье отделение в качестве заграничного агента. Третьего отделения уже давно не было, и поляк мог только догадываться о том, какие нравы господствуют ныне в ведомстве, замещавшем это пресловутое заведение. Возможно, это была проверка на лояльность, а при его катастрофическом положении с деньгами он не мог рисковать.

– Петр Иванович! Петр Иванович! – раздался от двери взволнованный оклик. – Господи Иисусе, вы здесь!

Рачковский привстал из-за стола и к нему бросился невысокий упитанный человек в грязновато-серых чесучовых штанах и вытертом на локтях темном твидовом пиджаке с блестящим жирным следом поперек живота от кабацких столов.

Чиновник по-отечески приобнял новоприбывшего и тот, повизгивая от радости, поцеловал начальника в плечо.

– Присаживайся, Артемий Иванович, – сказал Рачковский. – Что будешь?

– Все. Лишь бы не лягушек. Меня от этих тварей что-то тошнит.

– Когда это ты лягушек успел отведать? Мне же тебя ни разу не удалось заставить их попробовать.

– Тут такая история вышла! – всплеснул руками Артемий Иванович. – Мы с Ландезеном уговорили швейцарских на-

родовольцев лягушек разводить, а они все разбежались...

Рачковский пояснил поляку, что Ландезен – другой заграничный агент русского правительства, и заказал Артемию Ивановичу лукового супа в горшочке.

Из рассказа Гурина выяснилось, что два года назад Ландезен на дружеской попойке русских эмигрантов в Женеве в задней комнате кафе «Грессо» рекомендовал его в качестве крупного специалиста по разведению лягушек и предложил использовать опыт и таланты Артемия Ивановича в этой области для пополнения эмигрантской кассы и одновременно для сплочения товарищей общим трудом по очистке лягушачьих водоемов от водорослей с целью получения выгоды, в том числе в денежном выражении. Сам Артемий Иванович поддержал энтузиазм и постарался представить дело в наиболее выгодном свете.

– Лягушка – вещь капитальная! – говорил он. – Затраты на нее пустяковые, а прибыль до трехсот процентов! Представляете, с каждого головастика мы получим пятьдесят франков чистого барыша!

– Но как же пятьдесят франков, когда в ресторане порция лапок и десятой доли не стоит? – спрашивали сомневающиеся.

– Так то ж уже мертвая лягушка, а я говорю о живых! Мы будем их сдавать в аренду для воспроизводства!

Неожиданно этой идеей загорелся сам патриарх русской эмиграции Петр Лавров и дал поручение Артемию Ивановичу

чу составить инструкцию для товарищей по технологии разведения съедобных земноводных. И дело закрутилось. Ландезен пообещал Артемию Ивановичу помочь, но затем от этого дела увильнул и инструкция была составлена лже-лягушатником единолично. Эту инструкцию предполагалось напечатать в качестве приложения к 5 номеру «Вестника «Народной Воли», но в одну ноябрьскую ночь 1886 года по наводке Ландезена Артемию Ивановичу и еще одному агенту, французу Анри Бинту, вместе с нанятым ими швейцарским медвежатником было велено разгромить женеvскую типографию. Для Артемия Ивановича это был страшный удар. На его глазах Бинт рассыпал готовый набор его трехмесячного труда, который мог стать для начинающего автора первым печатным изданием. С горя он напился, благо что Бинт обнаружил в типографии бутылку коньяку, и устроил на сонных улицах Женевы настоящий дебош, результатом которого оказалось попадание в полицейский участок.

Но вскоре Лавров утешил Артемия Ивановича, пообещав, что к весне они найдут способ напечатать инструкцию. Заказ на ее изготовление действительно был размещен в подпольной типографии в Париже, но надо же такому случиться – в феврале, как раз когда все было готово для печати, и эту типографию обнаружили и тоже разгромили!

Однако дело все-таки не заглохло. Благодаря кипучей революционной энергии, подогревавшейся мечтами о возможных барышах, русская община закупила по каталогу племен-

ных головастика и арендовала небольшой пруд в окрестностях Женевы на летний сезон, истратив все деньги, имевшиеся у «Народной Воли» для революционной борьбы.

– Это ничего, – говорил сомневающимся Лавров. – Я чувствую, что это мероприятие принесет нам больше денег, чем даже мы получили от Лизогуба!

– Да мы не только этого царя на такие деньги казним, – поддерживали Лаврова сторонники террористической борьбы, – мы на них его потомков сто лет потом казнить будем!

Артемий Иванович был посажен у пруда старшим смотрителем на символическое жалование, ему даже сняли комнатку по соседству. По субботам и воскресеньям из города приезжали унылые революционеры, неумело возили граблими по дну пруда, как требовал Артемий Иванович, и таскали туда воду ведрами от колодца.

Среди них особенно выделялся долговязый хохол с тараканьими усами, который постоянно ломал себе руки, ноги и ребра. Все товарищи звали его Мишель, хотя его матушка, поехавшая вслед за ним в эмиграцию, чтобы ее сыночек не остался там без присмотра и не попал под влияние нехороших людей или оглобли конки, утверждала его происхождение по ее линии из рода графов Соллогубов. Он и от товарищей требовал, чтобы его называли Сигизмундом.

– Как же тебя матушка называет? – приставал к нему Артемий Иванович. – Сизей?

– Нет, по-другому... – смутился Мишель.

– Ну вот что, – обычно начинал самодурствовать Артемий Иванович. – Раз у тебя такое нецензурное имя, полезай в пруд. Там Петр Лаврович давеча очки обронил.

Во время этих очкоискательств Мудя и нашел под водою свой конец. Ему были учинены пышные похороны. Его матушка вместе с его сожительницей, разведенной купчихой мадам Казаковой, на пару закатали настоящий пир на берегу пруда, на который съехались голодные товарищи не только из Женева и Парижа, но даже несколько представителей из России.

– В этом грязном пруду последний раз екнуло пламенное сердце, отдававшее все свои соки лону русской революции... – сотворил Артемий Иванович гражданскую панихиду, после чего взял жестяную тарелку и стал обходить пирующих товарищей для сбора денег на покупку паровой землечерпалки и на новые очки безутешному Петру Лаврову, не сумевшего по причине их отсутствия приехать из Парижа с деньгами на празднество.

На собранные гроши удалось прикупить только траурный венок, который был пущен мадам Казаковой и матерью с борта лодки на воду в том самом месте, указанном Артемием Ивановичем, где их сын и муж пускал последние пузыри. Лодка оказалась очень неустойчивой, а Артемий Иванович нетрезв, и спустя несколько минут они тоже пускали здесь пузыри, но на их похороны денег уже не было и они были похоронены за счет кантона. С этих пор энтузиазм остальных

вовсе заглох и пруд был отдан Артемию Ивановичу в единоличное попечение, в то время как революционеры с жаром и пеной у рта обсуждали грядущие многомиллионные дивиденды, сидя в женевских кафе за купленным на последние деньги пивом. К началу июля пруд пересох и племенные лягушки бесследно исчезли. Артемий Иванович понял, что ему тоже пора исчезать, что тут же и сделал, предварительно испросив последний кредит у революционеров на хлорную известь для освежения воды, пообещав получить в Париже компенсацию у Лаврова и тут же все вернуть.

– Одним словом, мсье Фаберовский, – сказал Рачковский, многозначительно подняв вверх палец – ваш будущий сотрудник, мсье Гурин, съел, как говорят французы, лягушку – растратил все общественные деньги господ женевских революционеров. Прошу знакомиться.

– Я не виноват, – приподнял над стулом свой зад Артемий Иванович и пожал руку поляку. – Они сами перестали приезжать воду в пруд носить!

– А вы не боитесь, пан Артемий, что вас из Женевы битый приедут или здешние о вас прознают? – спросил Фаберовский.

– Боюсь. Только покамест они не приедут, у них ни копейки не осталось, а чтобы прознать здешним, так тамошним не на что телеграммы посылать. Но все равно мне бы куда припрятаться, неровен час – убьют.

– В Лондоне скроешься. Да, – сказал Рачковский, глядя

на приунывшего поляка, – я понимаю, о чем вы думаете. Но денег-то у вас нет! А у меня немножко есть.

– И что же нам предстоит делать?

– Я знаю, – сказал Артемий Иванович. – Мы с вами в Лондоне бомбы делать будем.

Рачковский подтвердил, что их общей целью действительно будет создание настоящей динамитной мастерской в Восточном Лондоне, в районе, с давних пор облюбованном как русскими эмигрантами, так и ирландскими динамитчиками. На замечание поляка, что Ист-Энд заплотнили евреи, которые вскоре вовсе выживут оттуда ирландцев, Рачковский возразил, что мастерскую они заводят не на столетия, а на несколько месяцев.

– Как вы сами только что убедились из рассказа господина Гурина, русская революционная эмиграция в Швейцарии нейтрализована им надолго. Мы со своей стороны надеемся проделать что-то похожее здесь, во Франции. Но остается Англия, которая наотрез отказывается сотрудничать с русским правительством в деле наказания русских террористов. Тем не менее в этом отношении наметился некоторый прогресс, когда в июне я посетил Лондон и встретился с мистером Монро. Хотя английская тайная полиция по-прежнему отказывается помогать нам открыто, некоторую тайную помощь она готова нам оказать – конечно, в обмен на услуги с нашей стороны.

Рачковский огляделся вокруг и, убедившись, что никто из

немногочисленных посетителей кабаре не проявляет к ним ни малейшего интереса, продолжил, понизив голос:

– Мы договорились о том, что мистер Фаберовский со стороны британского правительства и господин Гурин со стороны русского организуют нечто вроде динамитного товарищества на паях, в которое будут входить ирландские террористы из Ирландского республиканского братства, за которыми охотится Монро, и наши русские революционеры, которые интересуют меня. После провала прошлогоднего заговора, ставившего целью произвести взрыв Вестминстерского аббатства во время празднования юбилея королевы Виктории, ирландцы намерены в этом году убить министра по делам Ирландии Бэлфура. Наши драгоценные товарищи революционеры должны им в этом помочь, с тем чтобы и те в свою очередь помогли устроить покушение на Его Величество государя императора.

– Видали мы о прошлом годе ваших ирландцев, – сказал Артемий Иванович, отвлекаясь от супа. – Цирк, да и только!

– А кто именно из ирландцев будет готовить динамит? – спросил поляк.

– Вы их даже, наверное, знаете. Некий Патрик Конрой, участник восстания фениев шестьдесят седьмого года, и Шон Даффи, о котором говорят, что он участвовал в подготовке взрывов в лондонской подземке в восемьдесят четвертом. Вашей непосредственной задачей будет обеспечение организации динамитной мастерской и возникновения вза-

имных обязательств между русскими и ирландцами. Разумеется, Боже упаси вас допустить, чтобы та или иная сторона добилась своих целей. Они ни в коем случае не должны выйти из-под вашего и нашего присмотра. Должен также предостеречь вас обоих от контактов с русскими представителями в Лондоне как по министерству иностранных дел, так и по духовной части. У них всех в Лондоне свои интересы, и если они узнают о наших действиях, то немедленно донесут по начальству, а это наверняка получит превратное толкование.

– Добже. Предположим, нам с паном Артемием все удалось. Британское и русское правительства берут террористов в оборот и получают с этого свои дивиденды. А что будет с нами?

– Артемий Иванович просто покинет Англию, а мистер Фаберовский, как мне обещал Монро, исчезнет и возродится под другим именем как добропорядочный натурализованный британский гражданин. Считается, что английское правительство не забывает оказанных ему услуг.

– Единственное, чего я не понял, так это какое отношение имеет чиновник, призванный выполнять роль чичероне для высокородных мышинных жеребчиков, ко всем этим высоким международным заговорам?

– Так Петр Иванович самый главный наш начальник! – льстиво воскликнул Артемий Иванович, пытаясь языком достать до доньшка опустошенного горшочка. – Он чего хочешь может тут сделать. Хошь – еще один супчик мне зака-

жет, хошь – революцию сделает. Он же всей нашей русской политической агентурой за границей заведует!

3.

ДЕЛО № 153-3/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТА-
МЕНТА ПОЛИЦИИ

ТЕЛЕГРАММА РАЧКОВСКОГО – ФАБЕРОВСКОМУ

31 июля 1888 г.

Гурин с Джозефом Рендлом и Джеймсом Корнеллом при-
езжают на вокзал Чаринг-Кросс 1 августа утренним поездом.

Рачковский

Глава 2

1 августа, в среду

Через неделю после того, как Фаберовский отбыл из Парижа обратно в Лондон, Артемий Иванович Владимиров, он же агент Гурин, собрался вместе с ирландцами вслед за ним.

Артемий Иванович встретился с обоими уже на Северном вокзале в Париже. Один из них, молодой рыжий Шон Даффи, ехавший по паспорту Джеймса Корнелла, производил приятное впечатление своим спокойным и ухоженным видом. Второй, ехавший как Джозеф Рендл, высокий и тощий, изрядно поживший на своем веку Патрик Конрой, был его полной противоположностью. У него было болезненное, обросшее густой спутанной темной бородой красное лицо со впалыми глазами. Он носил мягкую фетровую черную шляпу, опущенную на лоб, очень длинное черное однобортное пальто и стоптанные ботинки.

Еще в поезде он завязал с Артемием Ивановичем разговор, в котором изложил на собственном примере всю историю ирландских националистов от своего рождения до восстания фениев в шестьдесят седьмом году. На Даффи эти эпические повествования навевали смертельную скуку, а ко-

гда Конрой предлагал своему спутнику познакомить русско-го коллегу с новейшей историей ирландских террористов, отговаривался, что после двух месяцев вынужденного воздержания по требованиям конспирации он чувствует такое жжение, что даже на диване сидеть не может, не то что про динамитчиков рассказывать.

Едва попав на паром, Даффи немедленно взялся за ликвидацию своего болезненного состояния. Артемий Иванович с Конроем еще не успели пройти таможенный пост, как молодой ирландец уже прохаживался по палубе под ручку с какой-то дамочкой.

– Дурак! – Конрой в сердцах стукнул своей палкой с круглым набалдашником по перилам трапа. – Опять какую-нибудь болезнь подхватит, а лечить его будет не на что!

На пароходе Артемий Иванович сразу же оставил ирландцев и в общей мужской толпе направился вниз, в буфет. Судно еще не отвалило от берега, но здесь уже бойко торговали спиртным. Заказав для пробы виски с содовой, Владимиров отошел к столику, за которым уже сидел небольшого росточку мсье с огромной картонной папкой, которую бережно положил на колени.

– Вы, кажется, из наших? – спросил Артемий Иванович по-русски.

– И что с того? – напрягся мсье.

– Да просто удивляюсь я на вашу папочку. Это что, аттестат половой зрелости от бердичевского ешибота?

– Не ваше дело! – мсье снял папку с колен и спрятал ее за спину.

– А ну, покажь! – обрадовался развлечению Артемий Иванович и, перегнувшись через стол, потянулся рукою к папке. Мсье замер и зубы его лязгнули от страха.

– Я дорого продамсья! – пробормотал еле слышно он.

Артемий Иванович ошалело отдернул руку. Небольшой оркестрик, расположившийся рядом со стойкой буфета, заиграл бравурный марш, знаменовавший отплытие парохода от берега. Воспользовавшись моментом, мсье вскочил и бросился прочь, оставив недопитый стакан с хересом. Артемий Иванович запил показавшийся ему отвратительным виски трофейным хересом и отправился на поиски своего сбежавшего собеседника.

Поднявшись на верхнюю палубу, он заметил ирландцев. Даффи держал дамочку уже не под ручку, как четверть часа назад, а страстно обнимал вокруг талии. Конрой же, опершись обоими руками о палку, стоял рядом и, все более и более распаясь, рассказывал им, как вот такой же ночью он вместе с другими фениями выгружал на берег оружие со шхуны «Надежда Эрин», а этот американец, мерзавец генерал Миллен, провалившийся в прошлом году все труды по взрыву в Вестминстере, отказался сходить с корабля и вернуться на нем обратно.

Артемий Иванович вдруг почувствовал, что он одинок. Ему тоже захотелось стоять здесь на палубе в обнимку с ка-

кой-нибудь восхищенной дамой и рассказывать ей о своих богатырских подвигах во славу царя и Отечества. Он оглянулся вокруг, но все дамы были заняты. И пропадала невосребованной и его белоснежная сорочка, надетая ему лично Рачковским всего неделю назад, и не штопанные ни разу носки, о невозможности показать которые он более всего жалел, и даже чисто выбритый и надушенный настоящим кельнским одеколоном подбородок.

Тут его взгляд привлек седой французский полковник в синем мундире с витыми шнурами на груди, красных штанах и начищенных до блеска сапогах, который величественно сидел на деревянной скамейке рядом со световым люком и держал на шелковом поводке красного, как английский пешотинец, омара.

– Простите, а чем он питается? – спросил Артемий Иванович, присаживаясь рядом.

– Он уже стар и ему это совсем не нужно, – ответил полковник. – К тому же у него паралич, и он не может шевелить челюстями. Я везу его в Лондон, чтобы показать лучшим медицинским светилам.

– Это, наверное, будет дорого стоить, – сочувствующе сказал Артемий Иванович.

– Да, но он мой старинный друг и ради него я готов понести сколь угодно большие расходы.

– Я тоже очень люблю омаров. Но, что ни говори, больно они дороги.

– Вы правы, мой юный друг. Но что самое в них отвратительное, их надо купать каждые двадцать три минуты, иначе у них пересыхает глотка. – Полковник встал, достал часы и отщелкнул крышку. – У нас в распоряжении есть еще пять минут. А что вы думаете о дуэли между генералом Буланже и Флоке?

– Ужасно! – на всякий случай сказал Артемий Иванович, который ничего не слышал о такой дуэли, и тоже встал.

– Я уверен, что этот Флоке сотворил какую-нибудь подлость, – сказал француз и, взяв Артемия Ивановича под локоть, повел по палубе, волоча за собою на ленточке своего омара. – Подумать только, какой-то престарелый адвокат ранил в поединке на шпагах боевого генерала! Не сомневаюсь, что генерал Буланже проявил благородство, подставив себя под удар. Эти штатские лишены всякого понятия о чести, из-за них Франция проиграла пруссакам войну и именно они мешают теперь нам отнять у канцлера обратно Эльзас и Лотарингию!

– Не пора ли нам промочить глотку? – прервал речь полковника Артемий Иванович.

– Да-да, мы едва не опоздали!

Полковник решительно подтащил Владимирову и омара к борту и опустил последнего на ленточке вниз. Стравливая понемногу, он спускал своего красного друга все ниже и ниже, пока тот не зацепился за леера первой палубы.

– Проклятье! – воскликнул француз. – Держите ленточку,

я пойду отцеплять. Если мы сейчас промедлим, мой Хаям погибнет.

Однако полковник не сумел отцепить омара несмотря на все свои старания, поскольку сабля и матрос, который за эту саблю ухватил, мешали ему перелезть через леер.

– Сейчас иду! – закричал Артемий Иванович и заметался, не зная, куда деть ленточку.

На свою беду как раз в этот миг на палубе появился совсем было успокоившийся мсье с папкой под мышкой.

– Ага! – взвизгнул Владимиров. – Сюда! Живо! Я к тебе обращаюсь, боярин иерусалимский!

Мсье не рискнул противиться властному голосу и покорно взялся за ленточку. А Артемий Иванович загрохотал вниз по трапу.

Когда он подбежал к полковнику, мимо пролетел омар, а за ним, извиваясь змеей, пролетела и вся ленточка целиком, причем, к своему ужасу, Артемий Иванович не увидел держащегося за ее конец мсье. Это означало, что, никем не удерживаемый, омар неотвратимо должен был упасть в море.

– Человек за бортом! – заголосил Артемий Иванович и метнул в темноту спасательный круг.

Поклонник Буланже впал в какое-то оцепенение, мертвой хваткой вцепившись в леер и вперив взгляд в пенящуюся полосу у ватерлинии.

– Сейчас мы его спасем! – следом полетел еще один, а потом и еще. Владимиров так увлекся, что двинулся вдоль

борта, бросая в море все встречавшиеся ему круги. За нижней палубой последовала вторая. Потом он выбрался наверх и уже окончательно избавил пароход от всех спасательных средств, кроме шлюпок.

Пароход натужно загудел и застопорил машину. Забегали матросы. Где-то внизу панически верещали женщины и раздавался голос полковника: «К оружию! К оружию!». Пассажиры встречного парома с интересом взирали на возникший переполох в бинокли и подзорные трубы.

Оставались шлюпки, и теперь Артемий Иванович решил взяться за них. Внезапно голова его, встретив на пути стальную шлюпбалку, наполнилась невесть откуда взявшимися мыслями о полногрудых русалках, которые, казалось, звали его из морской пучины. Владимиров с готовностью сделал два шага к борту, но был остановлен матросом, с вежливой улыбкой отпихнувшим его подальше от края, после чего Артемий Иванович рухнул на палубу.

Приведенный в себя с помощью нюхательной соли, он бросился на поиски ненавистного мсье, горя желанием почитать за происшедший из-за его безалаберности конфуз.

– Христа им мало, – бормотал он, спускаясь по узкому крутому трапу и потирая ушибленный лоб, – за меня принялись...

Он нашел своего врага в буфете, где тот, боязливо озираясь, поедал сандвич, подставив под подбородок для сбора крошек трясущуюся от страха ладонь. Вся едущая в Англию

публика, нуждавшаяся в изрядной доле горячительного, чтобы успокоить расстроенные неожиданной тревогой нервы, бурно обсуждала происшедшее. Артемий Иванович также заказал себе выпить. стакан горячего грога изменил его настроение и ослабил волнующие кровь крики русалок, до сих пор звучавшие в голове. Владимиров подошел к мсье и сказал:

– Нет у вашего брата ни малейшего понятия о чести. Ничего доверить нельзя. Сейчас вот как выкину твою папку за борт – будешь тогда знать!

– Ой, мне до ветру нужно, – посиневшими от страха губами прошептал мсье и, прижимая к себе заветную папку, задом юркнул в дверь.

Артемий Иванович, который и сам был не прочь узнать местонахождение гальюна, пошел следом и успел заметить, как захлопнулась за мсье фанерная дверка ватерклозета.

Из-за поворота коридора вышел полковник, ведомый женщиной, которая заботливо уговаривала его сделать укол и не волноваться.

– Да-да, я сделаю укол, – сказал полковник. – А когда проснусь, меня встретит мой друг, такой же веселый, как и всегда.

– А что, омара не спасли? – спросил у женщины Артемий Иванович.

– Ничего страшного. Это уже четвертый за сегодняшний день. Одного переехал фиакр, а два других выпали из поезда.

У нас в каюте их целая корзина.

Полковник с сиделкой ушли, а Артемий Иванович прислушался к тому, что происходит за дверью гальюна. Оттуда доносилось понятное, но какое-то необыкновенно энергичное сопение и натужное пыхтение, словно там возился запорный слон. Потом наступила полная тишина. Артемий Иванович постучал, но никто не пожелал ему ответить. Русалки в голове уже не пели, зато в брюхе все настойчивей раздавались гораздо менее сладостные звуки.

– Эй, как тебя, чего ты спрятался? – стукнул в дверь кулаком Артемий Иванович. – Обиделся на что? Оказывается, у полковника принято омарами разбрасываться. Да выходи же, мне тоже надобно!

Когда терпеть стало невозможно, Владимиров двинул в дверь плечом и она, сломав шпингалет, распахнулась.

В сортире никого не было, только рядом с унитазом сиротливо стояла папка. Артемий Иванович перекрестился, но долго раздумывать не стал и, закрыв иллюминатор, чтобы не дуло, взгромоздился на стульчак. Испытав душевное облегчение, Артемий Иванович заглянул в папку, но в ней была только огромная групповая фотография, рожи на которой показались ему знакомыми.

Однако вопрос, куда делся мсье, не давал ему покоя. Оставив папку в гальюне, он отправился в обход всего парохода и даже спустился в кочегарку. Здесь его глазам предстало странное зрелище. На куче угля сидел здоровенный англи-

чанин в кочегарской робе и курил, а рядом с ним лопату за лопатой бросал уголь в топку тщедушный человек в пальтеце, удивительно похожий на исчезнувшего мсье.

Когда с парохода уже отчетливо были видны белевшие во мгле меловые скалы Дувра, Артемий Иванович вновь вышел на верхнюю палубу. Даффи один, без дамочки, расслабленно сидел на скамейке, где когда-то восседал полковник с омаром, а Конрой прохаживался перед ним взад-вперед, заложив за спину руки с зажатой в них палкой.

– Вы когда-нибудь видали такое? – сказал им Артемий Иванович, потирая шишку на лбу. – Я пошел с одним жидом в сортир. Захожу, а его уже нет! Какая все-таки опасная штука эти новомодные ватерклозеты!

– Жиды поопасней всяких ватерклозетов, – угрюмо сказал Конрой. – В Ист-Энде вы с трудом найдете ватерклозет, зато жиды там на каждом шагу. Вы еще увидите: когда мы займемся делом, если кто нас и выдаст, так это они.

– Слышал я про ваши свары с ними из-за мест на барахолке. Но меня они не касаются, так что идите вы с ними куда угодно, только подальше и в задницу.

* * *

В темноте раннего августовского утра пароход навалился на пирс, как пьянчужка на кабацкую стойку, и изрыгнул на освещенную фонарями и продуваемую ветрами пристань

всех своих пассажиров.

Ирландцы послушно следовали в толпе за Артемием Ивановичем, который все еще находился под впечатлением мсье из гальяна. Он постоянно вертел головой и даже подпрыгивал, надеясь увидеть голову своего знакомя среди колышущейся поверхности котелков, цилиндров и женских шляпок.

Владимиров добрел вместе со всеми до английского железнодорожника, задававшего каждому один и тот же вопрос, а затем распределявшего пассажиров по разным вагонам стоявшего здесь же на Адмиралтейской набережной дуврского почтового. Внезапно над толпой, как полковой штандарт, взвилась знакомая Артемию Ивановичу папка, которую мсье, видимо, приподнял над головой, чтобы уберечь от давки. Артемий Иванович устремился, расталкивая публику, вперед, к обладателю папки. Но тут между ним и папконосцем возник железнодорожник в своем черном мундире и задал вопрос, сначала по-английски, а затем, видя, что Артемий Иванович не понимает, по-французски – следует ли джентльмен на вокзал Виктория. Вопрос показался Владимирову совершенно глупым: куда же еще, если не на вокзал. Ведь там его будет ждать поляк!

– Мне за этим господином, – снисходительно ответил Артемий Иванович.

Англичанин указал на вагон и Владимиров побежал догонять мсье, который уже занял свое место в купе. Убедившись, что папка вместе с ее владельцем находятся там, он за-

бросил один саквояж в сетку над диваном, а второй раскрыл и запустил туда руку по самый локоть, чтобы найти среди носков, пачки титульных листов от ненаписанных рукописей и ключей от гостиниц, из которых его выгоняли, футляр дорожного стаканчика. Мсье, сидевший на противоположном диване, закрылся от него папкой и не дышал.

Вдоль поезда прошли контролеры, проверяя билеты и записывая номера багажных квитанций.

– Чего это им понадобились багажные квитанции? – спросил Артемий Иванович, прилаживая стаканчик между колен. Он видел, что мсье смертельно боится его, и это его очень веселило.

– Вы не знаете, что этот поезд приходит в разные вокзалы? – заискивающе улыбаясь, спросил мсье.

– А сегодня он куда приходит? – спросил изумленно Владимиров.

Поезд дал предупредительный свисток.

– Будете ли вы любезны, чтобы закрыть дверь? – жалобно намекнул мсье, кутаясь от утренней прохлады в тонкое пальто.

– Не буду, – буркнул Артемий Иванович. – Ты зачем омира отпустил? Да за такое дело в участок!

– А вы знаете, что мы уже в свободной стране?

– Какой еще стране?

– Англии. А здесь нас, социалистов, таким как вы, не выдают.

– А каким выдают? – в полнейшем недоумении спросил Артемий Иванович.

– Долой самодержавие! – дрожащим голосом сказал мсье, встал и сделал шаг к двери, но перед самым его носом она была закрыта кондуктором, и поезд тронулся.

Артемий Иванович почувствовал, что у него похолодело все, даже уши. «Боже милостивый! – подумал он. – Так он из революционеров! И у него групповая фотография всей нашей коммуны «Трудовая лягушка» на празднике головастиков! Ну конечно, он послан, чтобы отомстить за Женеву!»

Владимиров стал искать пути ко спасению. Можно было попытаться выпрыгнуть в окно, но за окном стремительно мелькали телеграфные столбы. Поезд шел так быстро, как Артемию Ивановичу не приходилось ездить даже во Франции. Краем глаза он заметил, что социалист тоже смотрит на окно.

«Наверное, он хочет сбросить меня с поезда, – решил Артемий Иванович. – Но у него ничего не выйдет, в окно я не пролезу. Я толстопузый. Нешто в дверь? Но это то же самое. Разве с другой стороны...»

Но с другой стороны столбы мелькали с тою же скоростью.

«У меня в саквояже есть крепкий галстук. А если броситься на этого субъекта и задушить его? Нет, вон он какой вертлявый. И вдруг у него нож? Или револьвер? Уж лучше повеситься, говорят, это не больно».

Он поднял глаза на электрическую лампочку, тихо жуж-

жавшую под потолком, и одновременно с ним социалист тоже задрал голову вверх, слегка приподняв ее на длинной шее над укрывавшей его папкой.

Артемий Иванович безвольно закатил глаза и впал в спасительное забытье. В таком состоянии он проделал весь оставшийся путь и даже не заметил, как поезд расформировали, к вагонам, идущим на вокзал Чаринг-Кросс, присоединили паровоз и он поволок их через мост на левый берег Темзы. Он очнулся, когда поезд был уже над серединой реки, и взглянул в окно. Нескончаемые баржи, стоявшие у пристаней, паровые катера, снующие по блестящей в свете тысяч фонарей воде – все это было способно удивить даже Владимирова, побывавшего не только в Петербурге, но и в других столицах Европы. Вид, внезапно открывшийся с моста на реку, так поразил Артемия Ивановича, что он забыл про социалиста, опустил окно и высунулся по пояс.

Поезд втянулся под залитый электрическим светом шатер вокзала. Воспользовавшись тем, что Артемий Иванович отвлекся, социалист тихо приоткрыл противоположную дверь купе и выскользнул наружу. Раздался глухой удар и сдавленный крик. Состав, скрежеща, остановился, а Артемий Иванович все так же продолжал таращить глаза, торча в окне. Он не видел, что произошло с социалистом, поэтому имел все основания считать, что тот специально зажал его окном в этой проклятой двери, которую ему придется носить на себе теперь уже до самой смерти, или пока он не похудеет. Кон-

дуктор шел вдоль вагона, собирая билеты. Дойдя до купе с Владимировым и подождав некоторое время, он все же решился открыть дверь в надежде, что джентльмен, торчавший из окна, останется внутри. К изумлению кондуктора, Артемий Иванович открылся вместе с дверью, так и не покинув окна, а вместо его лица перед кондуктором возникла обтянутая застиранными штанами задница. Артемий Иванович отчаянно сучил ножками в воздухе. При помощи кондуктора и сочувствовавшей публики он был освобожден и установлен на землю. Таможенные чиновники проверили в купе багаж и разнородная толпа мужчин и женщин устремила к зданию вокзала, торопливо суя носильщикам багажные квитанции. Казалось, тот же могучий инстинкт, который заставляет жителей джунглей мчаться прочь от пожара равно льву и суслику, гнал их – будь то пассажир третьего класса или первого – в одном направлении: к вокзальному ватерклозету. Отдав билеты кондуктору, Артемий Иванович сердито растолкал зевак и побежал по дебаркадеру, размахивая саквояжами, пока не выскочил на привокзальную площадь.

И тут он вспомнил об ирландцах. Растерянно оглядевшись, он обнаружил, что тех и след простыл – они потерялись еще в Дувре. «Что же я скажу поляку? – в панике подумал Владимиров. – И Рачковскому?»

И он бросился обратно в надежде поправить дело. Почти час он бегал по вокзалу с одного дебаркадера на другой, мешал пассажирам и беспрерывно причитал, пока его, наконец,

не остановил полицейский, уже давно приметивший этого странного иностранца.

Оказалось, что Артемий Иванович не может ни слова понять из учтивой речи констебля. Он вдруг понял, что не только проклятые ирландцы куда-то задевались, так еще и поляк не встретил его. Крупные слезы покатались по его щекам.

Констебль жестом предложил ему следовать за ним. Они вышли на шумную привокзальную площадь, забитую всевозможными омнибусами и экипажами самых странных форм и цветов. Здесь полицейский вдруг нырнул в небольшой магазинчик, где хозяин, после недолгого совещания с этим представителем власти обратился к Артемию Ивановичу на довольно сносном французском языке:

– Не есть ли мсье тот самый мсье, который потерялся на вокзале Виктория и которого разыскивает некий джентльмен, называющий себя Фаберовский?

– Да-да, – трагически подтвердил Артемий Иванович, для убедительности постучав кулаком в гулкое брюхо, и всхлипнул. – Я потерялся.

– Успокойтесь, мсье, – сказал лавочник, – вы уже нашлись. Сейчас констебль посадит вас на площади на омнибус, идущий на вокзал Виктория, а там вас встретят.

И его встретили.

– Пан уехал до иного вокзалу? – зло спросил Фаберовский, пребольно ткнув Артемию Ивановичу в грудь рукоя-

тью своей тяжелой трости. – Ирландцы с вами?

«Вот оно, началось...» – подумал Артемий Иванович.

– А я их отпустил, – сказал он. – Я подумал: зачем они нам?

– Как говорил ксендз Жмудовский у нас в Спале, – поляк постучал перстом себе в лоб, – если человек мертв – то до Страшного суда, а если глуп – то это навечно.

Глава 3

Высокий двухколесный хэнсомский кэб подъехал к подъезду шикарного четырехэтажного здания на Брук-стрит и остановился.

– Нет, я не вылезу, – раздался изнутри дрожащий голос Артемия Ивановича.

Фаберовский откинул кожаную полость, распахнул створки и соскочил на землю.

– Ну же, пан Артемий! – встав одной ногой на подножку, поляк дотянулся до полы пиджака Артемия Ивановича и попытался вытянуть его наружу, но бравый лягушковод и разрушитель швейцарской эмиграции вцепился пальцами в край сиденья и стал отчаянно лягаться.

Мало того, что Артемий Иванович и так был до смерти напуган появлением социалиста с его групповым портретом, исчезновением ирландцев и неотвратимым гневом Рачковского, так еще поляк, как только они отъехали от вокзала, начал пугать его опасностью езды на этом шатком двухколесном чудовище с кучером где-то на макушке. Начав с собственного первого опыта поездок на кэбе еще десять лет назад, он только что закончил свои страшные рассказы леденящей душу историей, как однажды бывший министр внутренних дел Чемберлен, еще в бытность свою на посту, едва не убится в Вестминстере на таком кэбе, когда неопыт-

ная лошадь неожиданно прынула назад. Артемий Иванович представил себе лужу крови у задних ног кобылы, осиротевший котелок и в нем свои мозги, еще теплые и шевелящиеся извилинами, поэтому приглашение поляка отцепится от жесткого сиденья было равносильно для него приглашению на эшафот.

– Если пан Артемий не желает выходить, – сказал Фаберовский, бросив бесплодные попытки вытащить его, – то это его дело, но нас уже ждут к завтраку и я не намерен лишаться его из-за панской придури.

– Господи, пронеси! – Артемий Иванович перекрестился и на трясущихся ногах сделал нетвердый шаг к Фаберовскому. Затем, не рискуя больше производить самостоятельные телодвижения, с тяжелым вздохом выпал в объятия поляка. Но едва почувствовав под ногами твердую почву, Артемий Иванович преобразился.

– Да что вы, в самом деле, лезете ко мне со своими объятиями! – оттолкнул он Фаберовского. – Я вам не князь Мещерский какой-нибудь! Где тут завтрак?

– Здесь, в отеле.

– А что за гостиница?

– «Кларидж-отель».

– Какая удача. Я как раз собирался здесь поселиться.

– Этот отель не предназначен для таких, как пан Артемий. Здесь живут дипломаты, принцы и иностранные лица королевских и высокородных кровей. Пана Артемия жить сюда

не пустят.

– Меня пустят! – безапелляционно заявил Артемий Иванович и, вытащив из-за пазухи письмо с какой-то прикрепленной к нему визитной карточкой, потряс ею перед носом Фаберовского.

– Что это?

– В этой гостинце проживал когда-то один мой друг, последний владелец алмаза Кох-и-нур махараджа Далип Сингх. Он пообещал, когда вернется на престол, подарить этот алмаз мне. Так что они не посмеют меня отсюда сразу выгнать!

И Артемий Иванович, предоставив поляку нести за собою свой чемодан, повелительным жестом отодвинул в сторону разряженного швейцара в синей ливрее и вошел в фойе.

Процедура поселения, к удивлению поляка, не вызвала никаких трудностей. Метрдотель с великой почтительностью принял от Артемия Ивановича рекомендательное письмо махараджи и по его знаку портье сразу же выдал ключ. Мальчик в кепке и куртке с позументами забрал у Фаберовского чемодан и повел Артемия Ивановича в его номер.

– Скажите, как мне записать этого джентльмена и куда послать за багажом? – спросил метрдотель у поляка, решив, что тот принадлежит к свите только что прибывшего сиятельно-го лица.

– Принц Гурин, – рассеянно ответил ошарашенный Фаберовский. – Насколько я понимаю, претендент на некоторые

регалии британской короны. Багаж привезет потом его свита, потому что на его личном пароходе, доставляющем вещи, возник бунт при прохождении через Канал и королевский военно-морской флот пока подавляет сие неслыханное выступление. Кстати, я надеюсь, у вас при отеле есть место, где можно будет разместить вьючных верблюдов? И прошу вас обратить внимание, что по утрам перед ленчем принцу необходимо подавать слегка подогретую клизму с уксусом и прованским маслом.

Он догнал Артемия Ивановича с мальчиком и на лифте они поднялись на третий этаж – номера всех нижних этажей были постоянно заняты всякой высокородной сволочью.

Пока несколько милостивых горничных в форменных платьях и белоснежных фартуках демонстрировали гостю его апартаменты, состоявшие из обширной гостиной, ванной комнаты, кабинета и двух спален, Фаберовский скромно топтался в коридоре, не зная, то ли сразу убежать, то ли дать волю любопытству и подождать, чем это представление кончится. Любопытство пересилило.

В результате всех этих поселений они опоздали к завтраку на целых полчаса. Ожидавший их роскошный стол был накрыт в номере этажом выше и его хозяин уже нетерпеливо выглядывал из двери в коридор, когда они наконец добрались до цели.

– Знакомьтесь: доктор Тамулти, принц... тьфу, матка Боска, мистер Гурин, – представил хозяина и Артемия Ивано-

вича друг другу поляк.

Доктор Тамулти, высокий пожилой ирландец с пышными вьющимися жесткими черными усами, воцеленными на концах, пригласил их садиться за стол.

Когда-то Тамулти был на Бродвее знаменитым наездником. В те времена он неизменно носил двубортный, застегнутый доверху гороховый жакет, светлые панталоны, роскошный галстук, тканые гетры на своих английских ботинках с коробочным носком, кепку с золотым шнуром на прямом козырьке, и кричащие драгоценности.

– И я такие же хочу! – заявил поляку пораженный сверканием бриллиантов размером с грецкий орех Артемий Иванович.

– Вы, мистер Фейберовский, обещали, что вместе с этим джентльменом приедут два представителя Ирландского республиканского братства, с которыми я буду иметь дело. Они тоже задерживаются?

– А! Так ведь... Да! Да! – решительно сказал Артемий Иванович.

– Простите?

– Здесь находится махараджа Гурин? – осведомился постучавший в дверь метрдотель. За его спиной стояли гостиничные мальчишки и столик на колесах, на котором торжественно возвышалось несколько русских водочных бутылок и серебряное ведерко для шампанского, доверху наполненное икрой.

– Так что ирландцы? – продолжал допытываться Тамулти.

– Это не должно вас беспокоить, мы это обсуждать не будем, – сказал поляк.

Артемий Иванович раскрыл рот, чтобы вставить свое веское слово, но Фаберовский наступил ему на ногу.

Это был ужасный удар: ирландцы представляли из себя ни что иное, как ключ к деньгам Тамулти. Теперь Рачковский был зол на Артемия Ивановича, а Фаберовский зол вдвойне, так как все они рассчитывали устраивать динамитную мастерскую на эти деньги.

После обеда оба были навеселе и поэтому из осторожности поляк подозвал двумя сигналами особого извозчичьего свистка четырехколесный кэб-брум, прозванный за характерный при езде звук «ворчуном». Пока они препирались с Артемием Ивановичем, кто первым должен залезать в кэб: принц или его прислуга, подъехала наемная карета, запряженная четверкой серых лошадей, и из нее вышла пожилая дама, казавшаяся рядом с низкорослым лакеем настоящей гренадершей.

– Добрый день, господин Фаберовский, – по-русски обратилась она к поляку. – Вы, случайно, не ко мне?

– Нет, мадам, я везу его высочество в банк.

– Это кто? – спросил Артемий Иванович, непроизвольно проверяя, застегнуты ли у него штаны.

– Это мадам Новикова, Ольга Алексеевна, самая знаменитая в Англии русская женщина, – пояснил Фаберовский.

– Тогда что же ты ей про меня, нехристь, несешь! – внезапно взбеленился Владимиров. – Какое я тебе высочество! Она же по всему свету растрезвонит! И мне от начальства влетит. Пускай я буду высочеством только для англичан. Ну, еще ты можешь звать меня высочеством.

Мадам Новикова действительно была знаменитой в Лондоне особой. Ее брат, Киреев, известный славянофил, погиб в первом же бою русских добровольцев в Сербии в 1876 году, и она, полагая виновными в балканской войне англичан, решила посвятить всю свою жизнь, чтобы заставить их другими глазами смотреть на русских. Ее муж не представлял из себя ничего особенного, занимал должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и все свое время посвящал кошмарным переводам из Данте, поэтому мадам Новикова проводила большую часть года в Англии, где сумела обратить в истового царефила и русофила самого премьер-министра Гладстона. Она была постоянным сотрудником «Пэлл Мэлл Газетт», где то и дело появлялись ее статьи на русские темы. Именно она представила в свое время Фаберовского редактору Уильяму Стиду, познакомившись с поляком в Париже в кружке Жульетты Адан.

Поляк стал писать для нее статьи по польскому вопросу и даже сочинил как-то за ночь, войдя в раж, программный секретный документ о Великом Царстве Польском от Берлина до Владивостока, якобы доставленный ему исполнительным комитетом некой тайной патриотической ложи «Полония»,

каковой документ продал Новиковой за сто фунтов.

– Да что ты с ней языком зацепился, – дернул поляка за рукав Артемий Иванович. – Ты бы лучше у ней деньжат для меня одолжил.

– Это еще зачем? – удивился поляк.

– Коли ты выставил меня пред всеми в неудобном положении индийского принца, мне нужен ларец с сокровищами. У каждого индийского принца есть ларец с сокровищами. Мне надо прикупить немного сокровищ. Ну, одолжи же!

– Нет, нет, – заторопился поляк, заметив на губах у Новиковой изумленную усмешку. – Мы едем в банк. До свидания, мадам Новикова.

– На казенные деньги сокровища покупать – грех! – уперся было Владимиров, но Фаберовский силой втолкнул его в экипаж и они уехали.

Отделение общества Лионского кредита, через которое им должны были перевести русскую долю в оплату операции, находилось в Сити на Ломбард-стрит. Пока они ехали, Артемий Иванович протрезвел, но тут явилась очередная неприятность: у Владимирова от алчности стали, как у горького пьяницы, трястись руки. К нему редко попадали большие деньги. Те три тысячи франков, которые были пожалованы агенту Гурину еще два года назад за разгром народовольческой типографии, Рачковский предусмотрительно отдавать Владимирову не стал. Часть денег была потрачена Петром Ивановичем на наградной перстень с выгравированной на

камне надписью «За полезное 1886 года», который Владимир был вынужден теперь постоянно носить и цепляться им за подкладку кармана, вынимая портсигар, а остальное Рачковский временами выдавал ему по частям. В течении этих двух лет Гурин то и дело посылал Петру Ивановичу жалостливые письма и бил челом, всякий раз получая по почте чек на небольшие суммы, и оттого все время чувствовал себя казанским сиротою. Теперь во всей Европе оставалось только одно место, где Артемий Иванович мог еще проявить себя в качестве секретного сотрудника – Лондон, и здесь Владимир напоследок решил с лихвой возместить свою прежнюю ущербность.

Фаберовскому пришлось даже отхлестать его по лицу перчатками, чтобы Артемий Иванович вернулся во вменяемое состояние и смог держать в руках вставку с пером.

Пачка десятифунтовых кредитных билетов, перехваченных резинкой, и пять столбиков золотых соверенов сверху выплыли из кассового окошка наподобие пятитрубного парохода. Фаберовский протянул к деньгам руку, но Артемий Иванович опередил его и прихлопнул пароход сверху своей ладошкой.

– Деньги казенные, русские. И не должны прилипать к чужим рукам. Можешь своей долей распоряжаться, английской.

Владимиров сгреб деньги себе в карман и гордо покинул банк.

Но Фаберовского это не устраивало. Краткое знакомство с русским эмиссаром ясно показало ему, что если он не примет экстренных мер по изъятию денег, через несколько дней они могут бесследно раствориться и ему придется проводить организацию только на деньги Монро, а их только-только хватит на дело. Ирландских же денег, судя по утреннему разговору с Тамулти, тоже ожидать не приходится. Поэтому он принял решение завезти Артемия Ивановича на Стрэнд, где у него находилась сыскная контора, и там попытаться выманить полученные ими только что деньги.

Взяв кэб, они через пробки на перекрестках и бесконечные ожидания полицейских, которые растаскивали сцеплявшиеся оглоблями и постромками экипажи, наконец добрались до высокого закопченного дома, где между редакцией газеты «Лидер» и мясной лавкой находилась дверь, над которой белым по зеленому возвещалось проходим о нахождении здесь мастерской сапожника Николза. Две медные таблички рядом с дверью скромно свидетельствовали о том, что эта же дверь вела к еще двум заведениям на втором этаже: принадлежащей родственникам сапожника конторе «Николз & Ко., владельцы санитарных патентов», и уже собственно конторе Фаберовского, называвшейся почему-то «Чарльз Гранд & Ко., частные сыскные агенты».

Они поднялись наверх по узкой мрачной дубовой лестнице и вошли в приемную, где за конторкой маленький плешивый французик, похожий на хорька, записывал повествова-

ние престарелой дамы о пропаже мопса.

– Он прихрамывает на одну ногу, у него морщинистое личико и абрикосовый цвет, – рыдала дама, утирая глаза платочком. – Мой бедный Байрон! Он казался таким обходительным. Он был очень уважаемым, этот джентльмен, я думала, что он доктор. Он рассказал мне, что служил в русской императорской гвардии и вынужден был бежать из России, скрываясь от полиции из-за убийства какого-то негодяя на дуэли. А когда этот джентльмен ушел, я обнаружила, что Байрон исчез!

– Легран, – обратился к французу Фаберовский. – Зайди потом ко мне, я познакомлю тебя с мистером Гуриным.

Миновав приемную с захлебывающейся слезами леди, Фаберовский ввел Владимирову в большое помещение, окна которого выходили на Стрэнд. В кресле за столом, заваленном бумагами, сидел молодой рыжий парень с засученными рукавами на поросших шерстью лапидцах.

– Батчелор, – обратился к нему Фаберовский, – пока мы тут с моим русским коллегой мистером Гуриным будем вести беседы, сбегай в «Ангел и Солнце» и притащи нам чего-нибудь выпить.

Батчелор взял с бюро бидон и отправился в трактир по соседству. Вскоре он вернулся с пивом и двумя завернутыми в бумагу бифштексами. Фаберовский достал два высоких тонкостенных стакана и развернул бифштексы.

– Так как же пан намерен поступить с полученными день-

гами? – спросил у Артемия Ивановича поляк, как только они усадились за трапезу и приняли по первому стаканчику.

Артемий Иванович долго молчал, терзая зубами бифштекс, держа его обеими руками за отсутствием вилок, о которых поляк забыл позаботиться.

– Я не верю вашим рассказам про гостиничных воров и прочую дребедень, – наконец ответил он, запив проглоченный бифштекс пивом. – Надежнее всего моим деньгам находиться при мне.

– Посмотрите, пан Артемий, вон туда в угол. Видите это восьмое чудо света, несгораемый шкаф от Гибсона и Ко.? У него две дверцы, одна спереди, другая сзади. Та, что спереди, фальшивая, и составляет единое целое со всем корпусом. Можно вертеть на ней ручки до помешательства. Чтобы проникнуть сейф, нужно сперва догадаться отодвинуть его от стенки. Мы можем положить деньги сюда и тогда никто не сможет на них покуситься.

Артемий Иванович вытер руки о штаны, подошел к несгораемому шкафу и попытался сдвинуть его.

– Нет, не пойдет. Надорвуся я с вашим шкафом. Сами туда прячьте свои денежки.

Фаберовский понял, что он сделал промашку, наврав про свой сейф с три короба. Артемий Иванович, приняв все за чистую монету, отказался от идеи положить деньги в сейф только из-за физической трудности для него получать их обратно самостоятельно. Тут же поляк сделал еще одну ошиб-

ку.

– Я пошутил, – сказал он. – Сейф открывается спереди.

– Ага! Так вы, оказывается, еще и лжец! Мои деньги – это не тема для шуток. К тому же они казенные.

– Шеф, вы можете себе представить, чтобы какому-нибудь здравомыслящему джентльмену пришло в голову проникнуть в дом к старой леди, чтобы на глазах у всех схватить собаку и убежать с ней? – вмешался в их разговор завершивший допрос Легран. – Ведь собаки, особенно мопсы – такая дрянь!

– Собаки, бабы какие-то старые! – патетически воскликнул Артемий Иванович. – Подозрительное тут место, я вам скажу. Нет, оно совершенно не подходит для хранения денежных сумм, доверенных мне русской казною!

На том они и расстались. Потерпев поражение, Фаберовский отбыл к себе домой в Сент-Джонс-Вуд, а Артемий Иванович, предварительно спросив у Леграна, где здесь самый дорогой часовой магазин, и получив ответ, что это магазин «Женевские часы» Генри Кэпта на Риджент-стрит, 151, направился напрямик туда и приобрел дорогие часы на золотой цепочке с рубином на брелоке. После этого он вернулся на Стрэнд, в ресторан Гатти, чтобы обмыть покупку. И только вечером, опомнившись, после долгих и мучительных объяснений на пальцах с констеблями, был посажен одним из них в омнибус и доставлен на Брук-стрит.

Глава 4

2 августа, в четверг

В отеле Артемий Иванович освоился довольно быстро. Лакеи здесь неплохо говорили по-французски и беспрекословно выполняли любое его пожелание. Хорошенько выспавшись и отдохнув, Владимиров решился устроить первый на английской земле торжественный прием. Он пригласил на этот прием трех человек: Ольгу Алексеевну Новикову, с которой накануне его познакомил Фаберовский, Тамулти и еще какого-то русского, встреченного им случайно в коридоре и признанного за своего по спесивому выражению лица. Когда он навел справки, выяснилось, что это был действительный статский советник Бутенев, советник посольства в Лондоне. Тамулти, который сначала согласился, узнав, что на обеде будет женщина, отказался от приглашения, сказав, что он недолюбливает «этих коров».

В половине седьмого вечера Артемий Иванович извлек из своего чемодана пересыпанный от моли персидским порошком синий вицмундир министерства народного просвещения с пустыми суконными погонами «не имеющего классного чина», велел коридорному почистить его штиблеты, а

сам босиком встал перед трюмо и, облачившись, принялся примерять имевшиеся в его распоряжении украшения. Постепенно на его груди разместились доставшаяся от папаша серебряная медаль «За прививание оспы», сделанный из обручального кольца матери по собственному эскизу Артемия Ивановича одним знакомым ювелиром знак «Болевшему корью 1871 года», памятный знак в честь открытия Петергофской прогимназии, такой же за «Первую военно-конскую перепись 1876 года», медаль за турецкую войну и медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании 1849 года». Последнюю он, впрочем, с сожалением снял, вспомнив, что родился шесть лет спустя. Он долго не знал, куда пристроить наградной перстень «За полезное», потому что ему казалось, что на руке его никто не заметит, но так и не найдя ему места, надел на средний палец.

Ровно в семь часов во всем своем великолепии он спустился в ресторан, где специально для него в отдельном купе был накрыт стол на три персоны. Вскоре подтянулись и гости. Новикова была в черном вечернем платье, а Бутенев во фраке, изумительно облежавшем его полноватую фигуру, и орденом Владимира 3 степени на шее. Артемий Иванович уже стал сожалеть, что пригласил Бутенева, потому что тот оказался, во-первых, хорошо знаком с Новиковой, а во-вторых, сразу принялся жрать, как какой-нибудь проглот, несмотря на фрак и высокий чин.

– Вы служите по министерству народного просвещения? –

первым же делом спросила у Артемия Ивановича Новикова, заняв место за столом.

– Имел честь, – скромно ответил Артемий Иванович, по русскому обычаю заправляя салфетку за ворот и подзывая к себе метрдотеля.

– Тогда вы должны знать моего мужа, генерал-майора Новикова. Судя по шитью вашего мундира, вы принадлежите к тому же петербургскому учебному округу, которому Иван Петрович три года является попечителем.

– Увы, – сказал Артемий Иванович. – Мы давно в отставке-с.

Подошел метрдотель и предложил выбрать из меню спиртные напитки, порекомендовав несколько имевшихся в ресторане французских вин урожая 1863 года. Артемий Иванович выбрал три бутылки бордо. Лакей принес поднос с бутылками, открыл их и предложил Артемию Ивановичу отведать.

– Подождите, ваше превосходительство, есть, – сказал Артемий Иванович Бутеневу. – Закусывать нечем будет.

Вино ему понравилось и лакей разлил его по бокалам.

– Вы участвовали в турецкой кампании? – спросил вдруг Бутенев, утолив первый голод.

«Господи, хорошо хоть, «За усмирение» снял!» – подумал Артемий Иванович.

– Это я, собственно, не участвовал это я более, по привычке ношу-с, – сказал он вслух, поворачиваясь к Бутеневу

правым боком. – Это у нас семейное – медали носить всякие.

– Откуда же она у вас? – спросил Бутенев, внимательно рассматривая иконостас на груди Владимирова.

– Да, это... Их там на войне в Турции давали! – тот еще круче повернулся правым боком к Бутеневу, почувствовав с этой стороны значительную опасность. – На поле брани-с, там, кровь, ядра, пушки, Скобелев, Рушукский отряд, наследник-цесаревич... – Артемий Иванович перебрал все известные ему слова, связанные с турецкой кампанией, ни одно из них не подходило. Но, наконец, он нашел его: – Ура!

Бутенев с Новиковой вздрогнули от его неожиданного вскрика.

– Ура! Выпьем же за русских героев, павших на поле брани!

– Мой брат первым погиб в Сербии, поехав туда добровольцем, – Новикова утерла платочком невольно увлажнившиеся глаза.

– Младший? – тактично спросил Артемий Иванович. И, получив утвердительный ответ, завершил свой торжественный тост: – И за братьев наших меньших.

Воспоминания о брате завладели Новиковой и она рассказала, как молодой Николай Киреев в 1875 году, обозвавшись по неразумию турецким именем Хаджи Гирей, вступил в ряды сербской армии и сразу же получил под свое начало целую бригаду. Что с нею делать, он не знал, поэтому в первом же бою помчался впереди всех и сразу же получил турецкую

пулю в шею. «Плывать!» – заявил он и тогда получил следующую пулю. «Вперед!» – и новая пуля поражает славного героя. Вскоре на нем уже не было живого места. Да и сам он был уже неживой какой-то. На руках сербы отнесли его, тяжелого от свинца, в тыл, где он умер уже совсем. Новикова, как и все, знала о смерти таинственного Хаджи Гирея из газет, и каково было ее потрясение, когда газеты назвали его настоящим именем.

Пока она рассказывала про Киреева. Они несколько раз призывали лакея налить им вина и поднимали тосты во славу Отечества, Государя и частных лиц, упоминавшихся по ходу рассказа. Последний тост оказался за бывшего премьер-министра Гладстона, которого Новикова превратила в настоящего русофила и царефила, решив положить свою жизнь на поднятие престижа России в глазах коварных англичан.

– Ваш печальный рассказ напомнил мне одну смешную историю, – посочувствовал Ольге Алексеевне Артемий Иванович, выпив здоровье неведомого ему Гладстона. – Мой дядя, блаженной памяти Матвей Карпович Поросятьев, взялся как-то ухлестывать за своей соседкой, прапорщицей Крыловой, и надо же так случиться, пригласил ее на чай как раз когда ейный муж приехал домой. И все бы ничего, да нянька донесла, куда она пошла. Прапорщик, явивши к дяде с оглоблей, убил бы его непременно, когда бы дядя на ту пору со двора галопом не ушедши и оглобля в дверь не пролезла. Вот прапорщик-то этот как раз притолоку в дядином доме

головой и сломал.

– Это как? – спросил Бутенев, задержав у рта сверкавший в свете электрических ламп хрустальный бокал с вином.

– Да очень же просто! Прапорщик был саженного роста, лбом в притолоку с разбегу треснулся и помер. – Все трое, не опуская бокалов, суеверно перекрестились. – Моего дядю по судам затаскали, хорошо, о ту пору присяжные завелись, вот дядю и оправдали.

– Странная какая-то история... – промолвила Новикова.

– Ничего странного. Просто как вы про брата вашего рассказали, что турки его свинцом, как гуся чесноком, наштиговали, я про прапорщика вспомнил, потому что его в крымскую кампанию по голове ядром английским е... е... – Артемий Иванович покраснел и некоторое время, заикаясь, махал руками. – Едва выжил! Вот таким ядром!

Он взял из вазы апельсин и потряс им в воздухе.

– И по башке его е... раз! – Артемий Иванович стукнул себя в лоб апельсином и аккуратно вернул фрукт в вазу. – У меня это ядро до сих пор имеется, оно с одной стороны приплюснуто, так им удобно бумаги придавливать. Я его покамест Петру Ивановичу одолжил, потому как блузники за багаж с ним вдвое дерут. Тяжелое, с-с-с... снаряд.

Разволновавшийся Артемий Иванович нервно достал портсигар и стал чиркать спичкой, то и дело роняя на пол сигарету.

– Здесь принято курить только в курительных комнатах,

господин Гурин, – сказал Бутенев. – Я велю лакею вас проводить.

Как только Артемий Иванович ушел, Бутенев наклонился к Новиковой и быстро заговорил:

– Вы что-нибудь понимаете, Ольга Алексеевна? Кто этот человек?

– Не знаю, Михаил Аполлинариевич, вчера я впервые увидела его, когда он вселялся в отель.

– Больше всего меня смущает его мундир министерства народного просвещения. Он не имеет даже никакого классного чина! Он даже не коллежский регистратор! И эти странные награды. Я готов голову отдать на отсечение, что медали «Болевшему корью» в Российской империи не существует!

– Но почему же, я тоже в детстве болела корью...

– Вы женщина, Ольга Алексеевна...

– Да, и что же с того?

– Простите, но вы ни черта не понимаете в знаках и мундирах! Он же самозванец!

– Полноте, Михаил Аполлинариевич, ну какой же господин Гурин самозванец! Где вы видели самозванцев в мундире министерства просвещения и без классного чина? Будь он самозванец, он был бы по меньшей мере, как и вы, действительным статским советником, и не с медалью «Болевшему корью», а как минимум с орденом Белого орла!

– У меня нет ордена Белого орла! – буркнул Бутенев.

– Я уверена, что вы не самозванец. А Гурин, полагаю,

прибыл в Лондон специально ради меня. Сейчас модно стало каждому ведомству иметь своих иностранных агентов. И мой муж наверняка решил воспользоваться случаем проверить, как я тут живу, потому что сам не может приехать, так как для этого он будет должен по крайней мере на месяц оторваться от переводов своего обожаемого Данте.

– Я как взгляну на него, мне начинает чудиться, что я вновь оказался в гимназии и оставлен без обеда, – Бутенев потянулся к вину и тут краем взгляда заметил ироническую усмешку на губах Новиковой.

– Вы слишком легко ко всему относитесь, Ольга Алексеевна! – вспыхнул он, поняв, что над ним издеваются. – Я навел справки у прислуги, прежде чем прийти сюда, и оказалось, что он поселился здесь по рекомендательному письму Далипа Сингха! Вам что-нибудь говорит это имя?

– Кажется, это последний махараджа Пенджаба, который уже многие годы живет в Англии и которого королева Виктория держит чуть ли не за внука. Мадам Блаватская по весне что-то рассказывала мне о нем.

– Два года назад он обратился из христианства в веру своих предков и тайно покинул Англию, чтобы устроить заговор по свержению британского правления в Индии. В прошлом году он вошел в сговор с ирландскими террористами и с французскими реваншистами во главе с генералом Буланже, и с подложным паспортом проник в Россию, где в Москве его дожидались покойный ныне Катков со своей партией.

Этим уже давно не терпится увидеть, как заблестят русские штыки на склонах Тибета! И наше счастье, что Катков помер, иначе они непременно втравили бы Россию в войну с Англией и Германией!

– Но причем тут господин Гурин? – улыбнулась Новикова. – Рекомендательное письмо – вещь формальная, я сама в месяц пишу их по несколько десятков даже вовсе незнакомым людям. А наше консульство в Лондоне только этим и занимается.

– Неужели не понятно! Прислуга утверждает, что он прибыл в гостиницу без багажа, сославшись на то, что на принадлежавшем махарадже пароходе, где ехал багаж, вспыхнул мятеж. Положим, про корабль махараджи он сказал для красного словца, однако пароход, коим господин Гурин прибыл в Англию, опоздал по каким-то таинственным причинам, которые пароходная компания полагает необходимым скрывать. Говорят о небольшой задержке, вызванной чисто техническими причинами. Но, между прочим, ходят слухи, что на этом пароходе ехал какой-то полковник, ярый буланжист, что там была попытка буланжистского мятежа и даже какого-то Омар Хайяма или что-то вроде этого пытались утопить на веревке! Вот так-то-с! Обещаю вам, что я найду этого буланжиста здесь, в Англии, и все выясню. Мы еще ужаснемся истине, которая откроется за этим господинчиком. Кстати, прислуга сказала мне, что Гурин захаживал вчера и сегодня к некоему доктору Тамулти, ирландцу из Аме-

рики, который живет в вашей же гостинице.

«Интересно, как этот загадочный господин связан с Фаберовским?» – подумала Новикова. До сих пор ей казалось, что с Фаберовским, польским эмигрантом и внуком русско-го жандарма, сотрудничавшем с ней в «Пэлл Мэлл Газетт» у Уилльяма Стида, не может быть связано никаких тайн – настолько он ей всегда казался чист и прозрачен.

– Я вас умоляю, Ольга Алексеевна, – скороговоркой зашептал Бутенев, – он сейчас придет... – не отвергайте его, попробуйте удержать при себе... вы это можете... Мы всегда должны знать, где этот Гурин находится и что он делает... Я сегодня же направлю телеграмму Гирсу... Он знает про Далипа Сингха, он противостоял Каткову и его бредовым замыслам...

– Тс-с-с, Михаил Аполлинариевич! – приложила палец к губам Новикова. – Господин Гурин идет...

Распространяя вокруг запах крепкого дешевого табака, вошел Артемий Иванович и плюхнулся на стул.

– А на какой вы должности состояли в министерстве просвещения? – спросил Бутенев.

– Надзирателем-с. Классным. В гимназиях.

– Будь я вашим инспектором, я вам гимназистов не доверил бы.

Артемий Иванович вспыхнул от обиды.

– Да мне не то что гимназистов, мне во времена «Дружины» графья Шуваловы Кропоткина убивать доверили, и

Витте с Киеву приезжал со мной советоваться! Да что там Кропоткин! Мы тут через месяц такое устроим, что вашим хваленым англичанам небо в овчинку покажется! – стукнул кулаком по столу Артемий Иванович.

– А что, что вы такое устроить собираетесь? – Бутенев замер с карандашом в руке и многозначительно взглянул на Новикову.

– Выставку, – сказал Артемий Иванович первое, что пришло ему в голову. – Международную. Как в Париже в будущем году. С башней Эйфеля.

– Чего?! – поперхнулся Бутенев.

– Чествовать меня будут. Пятидесятилетие моих трудов на литературном поприще.

– Сколько же вам лет? – язвительно спросил действительный статский советник.

– Тридцать три.

– И как же вы пятьдесят лет...

– Вы с господином Фаберовским тоже знакомы по литературной части? – перебила Бутенева Ольга Алексеевна.

– Кто такой Фаберовский? – в свою очередь встрял тот.

– Мой здешний знакомый. Он поляк, живет здесь уже почти десять лет, мы приехали с ним в Лондон почти в одно время. Его отец жил в Лондоне и имел здесь собственный дом в Сент-Джонс-Вуд, а когда отец преставился, Фаберовский приехал в Лондон и вступил здесь в наследство. Его дедом был знаменитый жандармский полковник, Казимир

Фаберовский, в свое время он был известен в Польше практически каждому. Мой муж говорил мне, что именем этого полковника во время последнего восстания полячки пугали своих детей. Мы с господином Фаберовским вдвоем противостоим здешним антирусским настроениям в обществе. Он один из моих самых деятельных сотрудников. Он постоянно пишет статьи в «Пэлл Мэлл Газетт», а вскоре должна выйти его книга «Изначальное православие в Привислянском крае».

– Как, он тоже писатель?! – в волнении вскочил Владимир.

– У него бойкое перо, – кивнула Ольга Алексеевна.

– И что же он написал?! Может быть, «Женщин» или «Обезьянинова» князя Мещерского? Или «Анну Каренину» графа Толстого?

– Он пишет главным образом по польскому вопросу. А в мае господин Фаберовский даже Стида в Россию сопровождал, когда тот ездил к Государю интервью брать.

– А я... а я... – при упоминании о Государе на глаза Артемия Ивановича навернулись злые слезы. – А я сказку про «Алешу Поповича и Илью Муромца» написал. Ее даже князь Мещерский одобрил. Ее даже в «Гражданине» чуть не напечатали. Только Попович он не в том смысле, как князь Мещерский, а просто отчество у него такое. Нет, не то... Я еще... я, это... Про меня даже в «Ведомостях» пропечатали! Разок... Один... «Странное происшествие на Лафонской

площади»...

Артемий Иванович как-то скис и опустился на стул.

– А что такое случилось на Лафонской площади? – заинтересованно спросила Новикова, зная, что на эту площадь выходила ограда парка, где обычно прогуливались воспитанницы Смольного института благородных девиц.

– Это все Нижебрюхов, Аполлон Петрович, благодетель мой расстарался... Да ведь не было тогда ничего, Христом Богом клянусь! Ну да, ну застрял я между прутьев ограды головой, это было... Я барышням-то говорю: «Поднимите, говорю, мою шляпу, и наденьте мне на голову, а то пока городовые с дворниками придут да меня из решетки извлекут, и ушам замерзнуть недолго. Кому я такой с морожеными ушами на службе нужен буду?». А они только смеялись. А еще образованные! А он все извратил, подлец Нижебрюхов, на весь город невесть что растрезвонил, купцов своих приятелей да щелкоперов газетных туда возил, аршином расстояние между прутьями измерял, а потом всем протокол полицейский показывал, что я застрял, дескать, «жизненно важным членом тела». Князь Мещерский из-за этой истории мной и заинтересовался, в Зоосад водил... Ну да я не дался! Он мне еще о прошлом годе об этом вспоминал.

– Хорош воспитатель юношества! – сказал Бутенев. – Да имеете ли вы, милостивый государь, вообще заграничный паспорт?

– Да кто вам сказал, что я русский? – парировал Артемий

Иванович. — Я индийский принц. Какое-то царство у меня с лягушачьим названием... сейчас не помню, что-то вроде пня с лягушкой или лягушки на пне. Пеньжаб, вот!

— Господи Боже мой! — Бутенев раздраженно скомкал исписанную салфетку. — Что я вам говорил, Ольга Алексеевна?! Позвольте откланяться, Ольга Алексеевна! Надеюсь, вы не забудете о моей просьбе.

— Мы вас не задерживаем! — гордо сказал Артемий Иванович. — Действительный статский советник, а безобразите!

* * *

В июне Тамулти приезжает в Ливерпуль из Америки с деньгами для английских заговорщиков, намеревавшихся убить Бэлфура. Он поселился в Ливерпуле и стал дожидаться эмиссаров от Уолша, главного фенианского организатора в Лондоне. Но департамент Монро направил в Париж инспектора Мелвилла, который напугал прибывшего из Америки генерала Миллена, а подчиненному генерала, Роджеру Маккене, было дано понять, что за его передвижениями следят. Через Маккену Монро удалось выйти на Уолша и арестовать его, о чем Тамулти некоторое время не знал. Когда это стало ему известно, он немедленно покинул Ливерпуль и поехал в Лондон, где поселился в Кларидж-отеле на Брук-стрит. Узнав о судьбе Уолша, он связался с Парижем, откуда ему было велено дожидаться с деньгами эмиссаров Париж-

ского республиканского братства Конроя и Даффи, которые
прибудут в первых числах августа.

Глава 5

4 августа, в субботу

– Действительный статский советник Бутенев из нашего посольства сказал мне, что я могу в какой-то здешней Харе или как ее там убить Кропоткина.

Артемий Иванович бросил окурок в камин и взглянул на Фаберовского. Он застал поляка в дверях его агентства на Стрэнде как раз в тот момент, когда Фаберовский намеревался поехать втайне от Гурина в банк и получить там аванс на развертываемое дело от английской стороны.

– Причем тут Бутенев? – вспыхнул поляк. – Пан что, ему уже все разболтал?!

– Наоборот! – гордо сказал Артемий Иванович. – Я его совсем запутал. Представляю, что он напишет в своем донесении в министерство!

Артемий Иванович хихикнул, потом вдруг изменился в лице и побледнел.

– А Рачковскому он не донесет? – спросил он у поляка.

– Почему мне знать. Займитесь лучше делом.

– А вот этого я как раз сегодня не успел. Так к вам спешил, что времени на завтрак совсем не было. И знаете, господин

Фаберовский, в этом пресловутом отеле творится черт знает что! Они совсем осатанели. Подают аперитив перед завтраком в какой-то резиновой груше, и до того, я вам скажу, невкусный и поносный, что и пить-то его только через силу можно.

Фаберовский отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

– Бутенева пан Артемий тоже этим аперитивом угощал? С чего он вдруг Кропоткина убивать пожелал?

– Бутенева я к себе в номер не приглашал. А вот Тамулти, невежа, посоветовал мне засунуть эту грушу в задницу.

– Этот человек знает толк в жизни. Кстати, в Лондоне неподалеку от моего дома живет еще и убийца генерала Мезенцева г-н Кравчинский, которого пан Рачковский так до сих пор и не смог отыскать. Пан Артемий не желает ли и сего джентльмена убить? Наградные пополам. Я пана Артемия даже провожу.

Артемий Иванович слегка растерялся от обилия возможностей.

– А потом мы зайдем к вам в гости, – сказал он после долгого раздумья.

– Если пану Артемию так хочется кого-то убить, найдите себе жертву подальше отсюда. Вон, в Восточном Лондоне всякой дряни сколько. Только меня в это дело не впутывайте!

– Нет, так дело не пойдет! – Артемий Иванович огляделся кругом в поисках поддержки и произнес, обращаясь к фар-

форовой свинье-копилке на каминной полке: – Я буду руки марать, а он половину моего жалования захапает! Свинья! – Владимирова замолчал, затем тихо добавил:

– Это я ей сказал.

– Что пану Артемию Рачковский назначил? – опять рассердился поляк. – Вовлечь в дело с мастерской русских эмигрантов. Вот и вовлекайте!

– Где?

– Я же сказал: в Восточном Лондоне! Там и мастерскую устраивать подручнее будет. Возьмите с собой Леграна, он те места знает.

– Я совершенно не разбираюсь в революционерах, – сказал Легран в ответ на просьбу Артемия Ивановича. – Но я могу порекомендовать одну дамочку, с которой познакомился этой весной в Восточном Лондоне. Ее муж, кажется, управляющий в каком-то революционном клубе.

– И где же этот клуб? – спросил Владимирова.

– Я плохо помню. Где-то на Бернер-стрит. Там была очень скрипучая железная кровать и всю ночь пьяные анархисты ревели за стеной песни. Да, я еще помню, что эта дамочка готовит отличный напиток из изюма.

– Тогда вы должны отвезти меня туда, – заявил Артемий Иванович.

Легран согласился и они договорились, что Артемий Иванович подъедет к агентству часов в девять вечера. В назначенный час Владимирова был на Стрэнде, предварительно

плотно пообедав в ресторане в своей гостинице. Кэбмены упорно не соглашались ехать в Восточный Лондон в столь поздний час, называя этот район настоящей клоакой и отхожим местом и пытаясь убедить своих седоков в том, что таким порядочным джентльменам нечего делать на Адской Кухне. Однако звон монет в кошельке Артемия Ивановича усыпил осторожность одного из них.

– Я хотел спросить, мсье Гурин, – обратился к Владимиру Легран, когда они тронулись в путь. – Мсье Фаберовский говорил, что с вами приедут еще двое ирландцев, которые и будут возить вас по разным значным местам Восточного Лондона. Не подумайте обо мне ничего плохого, я просто хотел узнать, надо ли мне будет и дальше вас сопровождать?

– Придется, придется, – благодушно ответил Артемий Иванович. – Я ирландцев прогнал за ненадобностью. Зачем они нам? Мы и без них справимся.

– Как, просто так прогнали?! – воскликнул француз.

– Нет, зачем же. Полный расчет дал. И еще денег на обратную дорогу.

Кэб миновал залитый огнем центр Сити, пустынные в это время деловые кварталы, и выбрался на Олдгейт и далее на Уайтчепл-Хай-стрит. Артемий Иванович, более не обращая внимания на Леграна, расплющил нос о стекло в надежде разглядеть пресловутую Адскую Кухню. Они ехали по широкой улице, где вдоль бесконечных желто-бурых кирпичных стен убогих домов, небольших фабрик, пивоваренных заво-

дов, лавок и складов угрюмо и тупо перемещались в свете редких газовых фонарей чахлые низкорослые фигуры с узкими грудными клетками, с опухшими бледными лицами. Он видел нищих детей и старух, рывшихся в кучах объедков, а около трактиров в угловых домах толпы изможденных пьянством и голодом проституток, толкавшихся в надежде подцепить кого-нибудь, кто угостит их пивом. На углу Коммершл-роуд и Бернер-стрит извозчик остановился.

– Нет, нет, я пойду один, – удержал Леграна Артемий Иванович, когда тот собрался проводить его к клубу. – Вас там знают, поэтому вам нельзя из соображений конспирации.

Дойдя до первого перекрестка, Артемий Иванович недоуменно остановился под фонарем. По обе стороны улицы до самого ее конца тянулись однообразные двухэтажные дома. Ничего похожего на клуб не наблюдалось: не было ни роскошно освещенного электричеством подъезда с лестницей, устланной ковром, ни пальм в кадках, ни ливрейных лакеев, – словом ничего такого, что должно было быть у порядочного клуба. Артемий Иванович решил рассуждать логически. Слева большое темное здание за кирпичным забором с караульной будкой на углу больше походило на гимназию, чем на клуб. Половину здания по правую сторону занимала пивная, выходящая на угол перекрестка. С другого конца дома находилась фруктовая лавка, в окне которой, служившем прилавком, дремала всклокоченная личность с надвинутой на глаза кепкой. За фруктовой лавкой во внутренний двор

вели деревянные двустворчатые ворота с надписью большими белыми буквами: «У. Хиндли, производитель мешков» и «А. Датфилд, фургонный и тележный мастер». Больше ничего примечательного на этой стороне улицы не находилось.

Внезапно со стороны двора раздался гром аплодисментов и крики: «Правильно! Надо выпить, чтобы среда больше не заедала социализм в зародыше! Мадам Дымшиц, подавайте нам, что закусить!»

«Уберите ваши потные лапы от эмбриона свободного общества!» – выкрикнул в ответ женский голос.

«Який же це эмбрион! Це бутылка с горилкой!»

«Эмбрион – это я! И перестаньте ее хватать, что подумает за вас товарищ Энгельс!»

Артемий Иванович пошел на голоса. Над дверью трехэтажного дома сразу за входом во двор он разглядел еле видную в свете далекого фонаря вывеску, извещавшую на идиш и на английском, что здесь располагается Международный образовательный клуб рабочих. На стук железного дверного молотка дверь распахнулась и Владимиров оказался в длинном узком коридоре, ведущем куда-то в черную глубину дома. Он даже не успел оглядеться, как был увлечен десятком рук в маленькую низкую комнатку, заполненную людьми.

– Я вашего жаргона не понимаю, – сказал Артемий Иванович в ответ на обращенную к нему пылкую речь на идиш.

– Налейте ему «понималовки», – сказал густым низким голосом плечистый русский с засаленной русой бородой.

Кто-то всунул ему в руку стакан, кто-то налил в него коричневой жидкости, и вот его уже качали и бросали об низкий потолок. Артемий Ивановича смутно помнил, что перед тем, как взлететь, он произнес краткую речь, призвав всех к цареубийствам, богохульствам и кровосмесительствам, сиречь братской любви. Впрочем, к нему быстро потеряли интерес и позволили выйти в коридор отдышаться. Перекурив это дело, он отправился в дальнейшие исследования внутренних дел дома. В конце коридора дверь вела в крохотную прихожую, откуда на второй этаж шла узкая лестница. Из прихожей можно было попасть также в кухню, откуда неслись неаппетитные запахи, либо в проход, шедший с улицы во двор.

– Товарищ у нас, наверное, впервые. Так вот, товарищ, слушайте сюда внимательно, ватерклозет там во дворе слева, – сообщила Артемию Ивановичу высунувшаяся из кухни молодая субтильная еврейка. – Но работает только левый. И не вздумайте заходить за угол направо, туда у нас только Яша Кранц с товарищем Вестом ходят. Там у них контора типографии «Арбетер Фрайнт» и комната наборщика. Вот вам бумаги на первое время.

Еврейка всунула Артемию Ивановичу пачку сложенных гранок, на верхней из которых было отпечатано название газеты по-еврейски.

С улицы из распахнутой двери появился старый, мешковатый бородатый господин лет семидесяти в очень дорогом,

но не слишком опрятном однобортном пиджаке старомодного покроя и брелоком в виде золотой монетки на цепочке часов, свисавшем с пуговицы жилета. Он опирался на руку молодой женщины, которую отчитывал самым безжалостным образом.

– Вам должно быть стыдно держать столь грязными свои ватерклозеты, Анна! Надеюсь, вы не запустите мой собственный клозет до такого состояния. Учтите, я провожу в этом месте много времени и мне необходима чистота, чтобы я мог безбоязненно раскладывать на полу рукописи Маркса.

Пара медленно поднялась по лестнице наверх и громко хлопнула дверью.

– А где тут заседают господа социалисты? – спросил Артемий Иванович у еврейки, вернув ей бумагу.

– Они заседают в той комнате! Во втором этаже. И вы можете пройти туда!

Воспользовавшись разрешением хозяйки, Владимиров поднялся по скрипучим ступеням и дернул на себя ведущую в помещение над кухней и типографией дверь, из-за которой доносились громкие голоса. Дверь не открылась.

– Но нужно толкать! – сказала еврейка снизу.

– Да она же не открывается!

– Не дергайте! Толкайте сильнее! Вы же мужчина.

Владимиров толкнул, но дверь не поддалась, словно кто-то держал ее изнутри.

– Как будто мягким чем приперто! – сообщил Владими-

ров хозяйке внизу.

– Но там нет никакой мебели! Там только наши члены.

Владимиров отошел и плечом едва не высадил дверь. Кто-то с оханьем отскочил и Артемий Иванович влетел в большую комнату, плотно набитую народом. В комнате висел сизый табачный дым и пахло дешевым вином. На стенах в местах, где прорехи в обоях были наиболее видны, висели портреты Прудона, Лассаля, Маркса и того старика, которого он только что видел возвращавшимся с дамой из социалистического нужника.

Стоявшие у двери шарахнулись в стороны и Артемий Иванович упал в объятия престарелого критика здешних сортиров. Под недоуменным взглядом его подслеповатых глаз Владимиров медленно сполз по нему, как по намыленному столбу на ярмарке.

– Народоволец Гурин, цареубивец! Прямо с Парижу, – представился Артемий Иванович, поднимаясь с грязного пола и отряхивая брюки на коленях. – Сим часом прибывши от Лаврова, Тихомирова и Рач... от товарищей. Товарищи в Париже жаждают и с надеждой обращают. Все в нетерпении. Имею целью организовать на древней земле Туманного Альбиноса заготовление взрывного товару на потребности борьбы с кровавыми опричниками. Опричники зверствуют в казематах. Топят омаров. Час настал. Он же пробил!

– Вы не в вопросе, товарищ! – председательствовавший на собрании молодой человек с высоким лбом, толстыми се-

митскими губами и редкими топорщащимися усиками, постучал карандашом по столу, а затем обратился к девушке, сопровождавшей старика:

– Ханна! Позволь я помогу тебе проводить товарища Энгельса на трибуну! – и он помог почтенному основоположнику подняться на маленькую сцену справа от двери.

Энгельс уселся на стул, достал платок и стал отирать им лицо. В зале действительно было очень душно. Воспользовавшись тем, что всеобщее внимание переключилось на Энгельса, Артемий Иванович тоже достал свой невероятно грязный, засохший комочком носовой платок со следами лягушачьей икры и, промокнув им вспотевший лоб, оглядел зал. В зале сидели в основном молодые люди, не старше двадцати лет, все сплошь евреи, все уставились на Энгельса и шевелили толстыми губами, боясь пропустить хоть слово. В дальнем от входа углу зала Артемий Иванович вдруг заметил знакомую ему огромную фотографию, которая начисто заслоняла лицо ее обладателя, чья макушка, обмотанная бинтами, торчала над картонкой. Артемий Иванович решительно двинулся вперед, перешагивая через скамейки, но тут председатель счел нужным вмешаться и с помощью двух членов клуба Артемия Ивановича вежливо вывели на лестницу.

– Да вы хоть знаете, товарищ Гурин, кому принадлежали штаны, на которых вы только что изволили висеть?! – вышел вслед за ним председатель. – Они принадлежали одному из основоположников научного коммунизма!

– Само собой, как же не понимать! Вот только не понятно, откуда их этот старикашка взял.

– Идите вниз, там сидят такие же невоздержанные товарищи, как и вы.

Артемий Иванович пожал плечами и последовал совету председателя. В прихожей у кухни он, постоял, покурил, и совсем было собрался пойти к невоздержанным товарищам, когда дверь с улицы открылась и в нее вошел пожилой по клубным меркам – лет двадцати пяти – длинношей еврей со скуластым усталым лицом и невыразительными близко посаженными глазами.

– Гитля, забери у меня товар! – крикнул он, постучав кнутовищем в дверь кухни. – Ну, что вы тут встали! Помогите же!

Это относилось уже к Артемию Ивановичу. Они вышли в темный двор и приехавший снял с тележки большую коробку.

– Отнесите ее в столовую, – было сказано Владимирову, и говоривший повел своего запряженного в тележку пони вглубь двора, чтобы развернуться. Опасаясь нарваться еще на какую-нибудь работу, Артемий Иванович поспешил в столовую.

– Вот тут какой-то чудак всучил мне эту коробку, – сказал он, распахнув дверь ногою. – И все какую-то Гитлю звал.

В столовой русский бородач, предлагавший дать Артемию Ивановичу «понималовки», с чувством развозил мехами

гармошки, а сидевший рядом с ним хохол подыгрывал на балалайке.

– Это мой муж, – забеспокоилась женщина. – Гельман, возьмите коробку и отнесите к нам наверх.

Женщина ушла, а тщедушный юноша, на коленях которого она только что сидела, с неохотой принял у Артемия Ивановича коробку и потащился с ней по лестнице наверх.

– А кем тут состоит ее муж? – спросил Владимиров у гармониста.

– Дымшиц-то? Он тут управляющий. Он тут всем кагалом заведует.

– Значит, он тут самый наиглавнейший?

– Куда уж главнее!

Артемий Иванович быстро покинул столовую и вернулся в прихожую у кухни.

– Я же велел тебе купить у Пакера винограду! – отчитывал Дымшиц жену. – Неужели так трудно сделать три шага до фруктовой лавки? Чем у нас занимается Гельман?!

– Тем, на что у тебя, Леви, не хватает времени.

– Хватает, не хватает! Ты ему скажи, что сейчас с конюш-ни вернусь и хваталки-то его поотрываю!

– Так вы, значит, и есть тот самый товарищ Дымшиц? – деликатно кашлянул Артемий Иванович. – Как же-с, как же-с, мы в Париже премного о вас наслышаны.

– В самом деле? – встрепенулся управляющий клубом. – Я тут ни при чем. Это наверняка какой-нибудь другой Дым-

шиц.

– Полно скромничать! Сам товарищ Лавров знает о вашей многотрудной и полезной деятельности.

– Да-да, разумеется, – закивал Дымшиц, искоса поглядывая на Владимирова. – А мы тут социализм помаленечку проповедуем прямо посреди рабочих Восточного Лондона.

– Ну, а бомбы-то рвете? – спросил тот.

– Ой! Что за бомбы?! С бомбами вам надо на кухню к товарищу Захарову, который на гармошке играет. Они с Семей Фридманом самые жуткие террористы во всем Лондоне.

– А сами вы бомбов, значит, не хотите?

– Бомбы – это не социализм.

– Как это не социализм?!

– Потому что опасно. Я читал из газет, что в прошлом году местные детективы указали Особому отделу на двух ирландских динамитчиков, которые навещали своего казначея в одной больнице в Ламбете. И что с ними было? А то, что в феврале их посадили. А тот, который был казначей, такой Коган, который еще был Браун, тоже сюда ходил и вел разные разговоры, пока не попал в больницу.

– Ирландцы годны только на то, чтобы динамит готовить. Просто у них нет ни малейших понятий о конспирации. Но давайте взглянем на бомбы в социализме трезвым взором. Предположим, вы конспиративно изготавливаете бомбу. Что с ней делать дальше?

– Взрывать царя, наверное... тиранов истреблять?

– Не только! Бомбы, как, к примеру бриллианты или лягушки – солидное капитальное дело. Одной кислоты сотни пудов надо, чуть не на тыщу рублей! Да трубки всякие клистирные, ступки-пестики. Да еще этот... нетронь-глицерин. И все в аптеках покупать надо. Дело доходнейшее! Денег отвалят сколько хошь, а потом как ахнет все, – и шито-крыто. Так вам что, бомбов не надо?

– Нет, нам нужно освобождение от ярма. Но вы говорите, это доходное дело?

– Ага. Еще какое! Взорвал ее, а потом поди узнай, сколько ты чего туда наклал.

– А кто деньги давать будет?

– Я, конечно. И французские товарищи.

– Но товарищ Яков Шабсельс в своем недавнем докладе о новых методах Охранки и о действиях провокаторов во Франции сказал нам, что у французских товарищей денег никаких больше и нет!

– Нет денег?! А это что?! – Владимир вынул из кармана всю пачку еще не потраченных банковских билетов и потряс ею перед носом изумленного Дымшица. – Больше верьте своему Шляпису!

Управляющий клубом облизнул разом пересохшие губы. За всю свою жизнь в Лондоне он лишь один раз мельком видел золотой соверен, а что тогда говорить о банкнотах! И вся эта куча денег, все еще трясущаяся перед его носом, скоро исчезнет как дым в руках русского! Ведь он не знает ей

настоящую цену, Дымшиц нутром почувствовал это. И если не Дымшиц, то кто-нибудь другой непременно приберет все деньги к своим рукам.

– А что надо для динамиту? – спросил управляющий клубом, замороженным взором провожая купюры, исчезнувшие у Владимиров в кармане.

Артемий Иванович достал из другого кармана мятую бумажку, достал из футляра пенсне, надел на нос и стал медленно читать.

– Древесный уголь!

– По шесть шиллингов за мешок! – бодро удвоил обычную цену Дымшиц, лихорадочно соображая, успеет ли съесть Датфилд, чтобы можно было сжечь всякие деревяшки во дворе, и какое удовольствие это доставит Канторичу.

– Тре-пел.

Наступила пауза. Никто из собеседников не знал, что такое трепел и как его треплют.

– Может быть, обойдемся и без него? – предложил управляющий клубом. Он боялся, что влипнет с этим треплом в какую-нибудь историю.

– Ну, можно и без него, – согласился Артемий Иванович. – Вдруг он дорогой? Толченный кирпич.

– О-о-о! – сразу же запричитал Дымшиц. – Вы знаете, почему у нас в Англии кирпич, да еще толченный?!

Кирпич он тоже предполагал толочь прямо во дворе клуба, пристроив к этому делу приживальщика Гельмана.

– Понятно, – сказал Владимиров, который не знал, сколько стоит толченый кирпич. – Вот тут главное написано: спирт. Его надо побольше. И под мой личный контроль.

Управляющий согласно кивнул. Он мигом смекнул, что в качестве спирта можно будет использовать изготавливаемый в больших количествах его женой самогон.

– Опилки.

– А чистые или с навозом? – спросил Дымшиц, сразу вспомнив, что в конюшне в Джордж-ярд близ Кейбл-стрит, где он ставит своего пони, полно опилок, которые можно взять задаром.

– Наверно, чистые... – неуверенно ответил Артемий Иванович.

– Да что вы, что вы, с навозом значительно лучше, – убежденно замахал руками Дымшиц.

– Азотная кислота. В сулеях.

– В сулеях? – Дымшиц вспомнил большие аптекарские бутылки-сулеи с едкими жидкостями в плетеных корзинах, засыпанных опилками, и сообразил, откуда можно добывать также чистые опилки.

– Фарфоровые ступки.

– Ступка есть у моей жены! Ой! – спохватился заведующий клубом. – Фарфор теперь очень вздорожал, особенно ступки!

– Снег или лед. Черт, где же я им летом снегу найду?!

Дымшиц понял, что Артемий Иванович не знает, как быть

со снегом, и приободрился.

– О-о-о-! Снег есть, только стоит безумных денег!

– И еще пятнадцать наименований, – закончил Артемий Иванович. – Пятнадцать пунктов неразборчивым почерком.

– Хорошо, – сказал Дымшиц. – Я беру подряд на снабжение вашей мастерской всем необходимым. Когда мы заключим контракт?

– Какой контракт! – изумился Артемий Иванович. – Мастерская-то конспиративная!

– Верно, верно! – спохватился Дымшиц и взял Артемия Ивановича за пуговицу. – Только я требую, чтобы вы все это сохранили в тайне или секрете и никому больше ничего не говорили.

– Ладно, – покровительственно положил на плечо Дымшица руку Владимирова.

– Так вы никому ничего не скажете?

– Не скажу, – Артемий Иванович снял руку с плеча Дымшица и, вытерев ладонь о полу своего сюртука, спрятал в карман жилета.

– Особенно этому Захарову. И с Семой Фридманом поосторожнее, он сплетник. И тому, что он будет про меня и мою жену говорить, так вы ему не верьте, а пойдите лучше, чтобы послушать лекцию, – сказал Дымшиц.

– Да я уж там был, только меня какой-то из ваших вывел и на кухню отправил. Где тут у вас держат распутных и невоздержанных личностей?

– У моей жены сифилис, – по привычке соврал Дымшиц, указав на дверь, за которой Артемий Иванович начал знакомство с обитателями клуба.

– Меня к вам направили, товарищи безобразники, – громко сказал Артемий Иванович, чтобы заглушить визгливые звуки гармошки. – Это вам бомбов надо?

– Выпить нам надо, – сказал Захаров, растягивая меха гармошки и понуждая тем своего соседа, маленького рыжего еврея с лопухами ушей на большой голове, отодвинуться в сторону. – А то здесь кроме жидовской пейзаховки мадам Дымшиц и выпить-то нечего. А ну-ка, брат Курашкин, споем нашу любимую, про Стеньку. Он ихнюю иерусалимскую породу страсть как не любил.

Державший в руках балалайку малоросс с запорожскими усами ударил по струнам и на пару с Захаровым затянул «Есть на Волге утес...».

– А был ли ты, товарищ, на Волге? – спросил Захаров, вдруг перестав играть.

– Не был, – признался Артемий Иванович. – Но однажды дворянина одного астраханского поймал.

– Так ты, товарищ, против помещиков-мироедов боролся?

– Боролся немножко, – засмутился Артемий Иванович. – Так вам бомбов-то не надо?

– О! Сам делаешь?

– Сам. Из этого... из трепла.

– Так ты умелец-бомбоделец! А не знал ли ты часом героя Кибальчича?

Артемий Иванович жутко перепугался. Как-то по первости в Женеве он пытался выдать себя за брата Кибальчича, но вышло все как-то нехорошо, и от этого ему пришлось отказать. Если им и про это известно, то не дошли ли сюда сведения об истории с лягушками?

– Нет-нет, – торопливо сказал он. – А бомбы изготавливаем, и отменного качества. Оптом брать будете?

Захаров встал, положил на стул гармошку и, подойдя к Артемию Ивановичу, хлопнул тяжелой рукой Владимирова по плечу. Он был рад встретить родственную душу, даже его засаленная борода распушилась веером.

– Вот это да, вот это я понимаю! Это по нашему, по-русски! Рвануть ихний Парламент динамитом к чертовой матери! А кого вы, товарищ, уже привлекли к нашему делу?

Вопрос поставил Артемию Ивановича в тупик. Он чувствовал какую-то некачественность в том, что единственным сагитированным человеком был Дымшиц. И эта некачественность проявила себя сразу, как только Владимиров сообщил о Дымшице Захарову.

– Нет, товарищ, увольняйте меня, – объявил тот. – Я с этой жидкостной натурой дела иметь не буду. В этом клубе кроме брата-славянина, Тараса Курашкина, ни одного стоящего человека нету!

Захаров формально не принадлежал к социалистическо-

му клубу, более того, он на всех углах провозглашал себя анархистом, однако в клубе он пришелся к месту, так как его неприкрытое юдофобство было хорошим средством от тоски по покинутой родине.

– Чи давно вы приехали до Лондону? – с интересом спросил Артемия Ивановича Курашкин, когда его посадили между хохлом и лопоухим евреем.

– Порядочно, – ответил Артемий Иванович, вспомнив о конспирации.

– Чего, Тарас, к человеку пристал? – воскликнул Захаров.

– Вас як кличут?

– Артемием.

– Так просто Артемием? – настойчиво продолжал выспрашивать хохол.

Почувствовав такой пристальный интерес к своей особе, Артемий Иванович насторожился. Уж больно чем-то родным, охранным, повеяло от Курашкина.

– Да-с, в честь Артемия великомученика назвали, камнем его придавивши.

– А вы Морыса Адлера с клубу знаете? – спросил Курашкин. – Он тут у них председателем сегодня.

– Это который меня из залы выставил? И знать его не желаю.

– А Бейраха? А Степняка? А Пынкуса? А Шлоймаха Хоментовского? А князя Кропоткына? А Лейбу Драпкина? А Добу Гольдштейн? А Фрактовныкова? А Сруля Эвенчика

знаете?

– Я вам скажу, дорогой товарищ, за Сруля, – сказал вдруг лопоухий, – что наш Израиль Эвенчик такая сволочь! Всем известно, что он агент Охранки, а то, что он называет следом от приклада казачьей лошади, так он совсем другой формы! Просто лишай, вот что я вам скажу за Эвенчика. Будете с ним здороваться, так руку ему не подавайте. А еще у нас есть жена нашего держиморды Дымшица, Гитля, которая такая гадина, что всем известно, что у ней ничего, кроме гороха, не дожدهшься. А мужа своего котлетками кормит!

– И сифилис у ней, – внес свою лепту Артемий Иванович.

– Что вы говорите! – загорелись глаза у лопоухого. – А я и не знал.

– Врет он все! Нету у мадам Дымшиц этой болезни. А вам, товарищ Артемий, я не советовал бы слушать то, что говорит Сема Фридман, потому что он работает в шляпном производстве и у него от ртути с головой не в порядке.

– Я бы попросил не выражаться, товарищ Гельман! – вскочил Фридман, и большие уши его побагровели. – Я человек нервный, могу и наделать что-нибудь.

– Да-да, – со всем сочувствием отнесся Артемий Иванович. – Я слышал, что шляпники еще собачье дерьмо собирают.

– Держите меня, – заверещал Фридман. – Я сегодня все-таки наделаю!

Однако держать его никто не пожелал и Сема, повизжав

еще для порядка, сел на свое место.

– А еще я вам скажу за товарища Гельмана, – вновь обратился он к Артемию Ивановичу. – Он нанят здесь чистить ватерклозеты и мыть полы, за что ему положена гороховая похлебка, но он этого не делает, а с мадам Дымшиц спит.

– Товарищи! – дверь распахнулась и в столовую вошла Гитля Дымшиц. – Всех просят наверх, там сейчас будут опознавать провокатора!

Все повскакивали с мест и, возбужденно гомоня, повалили наверх. Скамейки в зале уже были сдвинуты к стенам, и в освободившемся месте скучились все присутствующие на собрании. Господин Энгельс, почтительно поддерживаемый под локоть председателем Адлером, надевал очки.

– Проходите, товарищ Гурин, – крикнул Артемию Ивановичу Дымшиц. – Вы ведь из Парижа, вы можете знать его в лицо.

– Я боюсь трупов, – сказал Артемий Иванович.

– Здесь только фотография. Товарищ Шабсельс доставил ее с посланием от наших женевских товарищей, только он не знает, кто из этих тридцати восьми человек – провокатор Гурин.

И тут Артемий Иванович узнал в человеке с забинтованной головой, стоявшем у самой сцены, своего попутчика-еврея.

«Так это меня они тут собрались опознавать! Ну что ж, дорого же я продам свою жизнь!» – подумал он и оглянулся

в поисках путей к отступлению. Однако единственный путь закрывали Захаров с Курашкиным и лопухий Фридман.

Артемий Иванович гордо задрал подбородок и двинулся навстречу своей смерти. Тем временем Энгельс, старчески кряхтя, опустился на колени над разложенной на сцене фотографией.

– Уберите свою лупу: не вижу, – сказал он.

Лупа – собственность типографии – была тотчас убрана.

– Вот он! – закричал Энгельс и уставил на фотографию свой палец. И все, сколько ни было, склонились над фотографией.

В том месте, куда указывал палец основоположника, был изображен некто, державший перед собой грабли так, что они закрывали его лицо, а свободную руку положив на плечо Лаврову.

– Товарищи! – раздался вдруг от дверей яростный голос. – Я вас последний раз говорю, чтоб не мочились под окнами редакции.

– А теперь пару слов имеет наш редактор товарищ Филипп Кранц, – поспешно сказал Адлер, увидев у пришедшего в клуб мрачного редактора в руках толстую суковатую палку, и исчез со сцены.

– Я уже все сказал. А вот этого старикашку на сцене еще раз увижу тут – отделаю палкой.

Переписка с товарищем Даниельсоном и обучение русскому языку у некоего Эраста Пиндара, жены и родственники

которого до сих пор считали, что Энгельс должен теперь их за это содержать, не пропали даром: основоположник понял, что пора ретироваться.

– Что вы натворили, товарищ Кранц! – набросилась на редактора спутница Энгельса, когда сам Энгельс вышел уже из зала на лестницу. – Что о нас подумают другие социалисты!

– Вот именно! Как вы смеете! – энергично вмешался Артемий Иванович, поняв, что опасность миновала. – Сортиры надо чистить, тогда и под окна к вам никто ходить не будет.

– В самом деле! – поддержал его Дымшиц. – Где Гельман? Посмотрите на него, товарищи! Вот виновник нашего позора. Мы не можем больше мириться с его распущенностью!

– Фридман сказал, что он спит с вашей женой, – между делом бросил Артемий Иванович.

– Помолчите! Мы обсуждаем важный вопрос. Кого мы можем избрать на место товарища Гельмана?

– Да кому нужна ваша жена! – обиделся Артемий Иванович.

– Вон этого, Шабсельса, выберите, – подала голос мадам Дымшиц. – Третий день задарма у нас живет и съезжать, похоже, не собирается. Вы согласны, товарищ Шабсельс, или будете съезжать?

– Согласен, – промямлил Шабсельс, прижимая к груди фотографию.

– Кроме того, вам придется носить пейзаховку на второй этаж и уголь из подвала на кухню, – сказала Гитля Дымшиц.

– А Гельмана – взашей! – сказал Артемий Иванович.

– В самом деле, Гитля, как нам быть с Гельманом? – сказал Дымщиц. – Придется его выгонять.

– Да куда его выгонишь? У него и дома-то нет. Пусть пока опыт передает.

– Товарищи, мы должны извиниться перед товарищем Энгельсом! – крикнул кто-то. – Он уже уезжает!

«Пожалуй, и мне пора ехать,» – подумал Артемий Иванович.

– Не волнуйтесь, товарищи социалисты, – сказал он. – Сейчас мы перед ним извинимся самым лучшим образом. Комар носа не подточит!

– Ханна-то Мандельбойн при Энгельсе какой цыщей себя держит! Устраиваются же некоторые, – проворчал Сема Фридман. – А нас одной гороховицей кормят. Зато мы новую прислугу наняли! Очередной член кружка дармоедов. Ура!

Протиснувшись между Курашкиным и редактором, Артемий Иванович сбежал по лестнице и выскочил на улицу. При помощи Адлера и своей спутницы Энгельс уже забирался в четырехколесный кэб-брум. Следом Адлер посадил саму Ханну Мандельбойн, поцеловав на прощание в щечку.

– Стоять! – закричал Артемий Иванович, оттолкнул в сторону Адлера, влез в кэб и сказал задохнувшемуся от негодования председателю, усаживаясь рядом с Ханной: – Мы по поручению товарищей. С извинениями. Трогай! Мне в «Отель Клариджа» на Брук-стрит.

Глава 6

5 августа, в воскресенье

Все утро в воскресенье шел дождь, но к обеду распогодилось, выглянуло солнце и Фаберовский решил на верховую прогулку по Гайд-парку. Это было не самое подходящее время для подобных прогулок, поскольку все уважающие себя джентльмены катались верхом по утрам, а вечер – время дам, катающихся в колясках. Однако поляк совершал свои прогулки как раз исключительно ради одной из этих дам, мисс Пенелопы Смит, так как с тех пор как наемным экипажам разрешили проезд по аллее от ворот Королевы до ворот Виктории, и по воскресеньям ее отец стал вывозить свое семейство сюда на катание, это был единственный способ с нею увидеться.

Фаберовский надел цилиндр, визитку из черной вигони и жилетку с отложным воротником и шестью перламутровыми пуговицами и поехал в Гайд-парк. На пропахшем навозом конюшенном дворе офицерского манежа конюх вывел ему кобылу и, взобравшись в седло, Фаберовский направил лошадь к длинному пруду, пересекавшему весь парк и непонятно почему прозванному Серпентайном, любуясь роскош-

ными платанами и вековыми вязами парка, меж которых веселыми пятнами то и дело мелькали зеленые поляны. Вскоре он выбрался на Ринг-роуд, широкую аллею вдоль пруда, по которой в обе стороны двигались ряды нарядных колясок, викторий и ландо с открытым верхом. Дамы прикрывались от солнечных лучей белыми кружевными зонтиками, джентльмены сквозь монокли разглядывали красавиц и обсуждали друг с другом их достоинства.

Пенелопа родилась в Ирландии, где получил степень доктора медицины и долгое время практиковал ее отец, и с восьми до шестнадцати лет училась в Королевском Массонском институте для девочек в Сент-Джонс-хилл. Фаберовский познакомился с ее отцом весной, когда следил за одним негодяем, неким Рейвнскрофтом, у которого доктор Смит был личным врачом. Документы, которые Фаберовский собрал в ходе дела, и показания очевидцев свидетельствовали о совсем иной репутации доктора, нежели та, которой он пользовался в добропорядочных домах. Но пока документы не были явлены на свет, можно было просить его иногда извещать о том, что знает его пациент Андерсон о Монро и Особом отделе. Доктор Андерсон был одним из главных участников борьбы с фениями, а позднее – советником по вопросам, относящимся к политическим преступлениям в министерстве внутренних дел.

Получив ранение в «борьбе» с фениями, Фаберовский, по просьбе Андерсона, сам стал пациентом доктора Сми-

та. Доктор Смит приехал к нему на Эбби-роуд, затем поляк несколько раз ездил к нему на осмотры, где и познакомился с Пенелопой. К этому времени его интрижка с княгиней Радзивилл закончилась крахом. Сперва доктор Смит покровительствовал интересу поляка к своей дочери, так как это злило его ассистента Гримбла, однако вскоре стал активно противодействовать встречам дочери с поляком, отчего Фаберовскому приходилось изображать все их встречи как случайность.

Взглянув налево-направо, он дал кобыле шенкеля и поскакал вдоль пруда к Пороховому погребу, мимо которого шла аллея, доступная для езды в кэбах. Ему не пришлось долго искать наемный экипаж Смита и его семейства, поляк сразу же углядел его среди прочих, более роскошных, экипажей.

Доктору Смиту было уже под пятьдесят, он высоко держал плечи, отчего спина его казалась неестественно прямой, а торчавшая из накрахмаленного воротничка тонкая шея заканчивалась почти лысой головой в высоком цилиндре. Он был членом совета Королевского колледжа врачей, членом Королевского колледжа хирургов, и хотя не слишком видным, но все же фримасоном. Рядом с ним сидел его ассистент, доктор Энтони Гримбл, субъект с моноклем в глазу и с завитыми усами.

Дочь доктора Смита и ее мачеха были примерно одних лет, но разницу между ними можно было сегодня заметить и

по выражениям лиц, и по их одежде. Хотя обе носили одинаковые соломенные шляпки и кружевные зонтики от солнца, Пенелопа Смит была одета в простое голубое платье с собранной в складку юбкой и в вязаную кофту с выпущенными поверх жабо и воротником из красной тюлевой ленты с золотыми точками, тогда как миссис Смит была облачена в гораздо более дорогое и соответствующее ее положению платье из полосатого кофейно-розово-голубого шелка с манжетами и воротником из белых ирландских кружев.

Фаберовский развернул лошадь и пустил ее в галоп, доскакал до ворот Виктории, где купил у цветочниц корзинку с розами, и уже медленным шагом направился навстречу ландо доктора Смита.

Доктор заметил его и велел кучеру остановиться.

– Это становится невыносимым! – крикнул Гримбл и в сердцах стукнул тростью в днище кузова. – Стоит нам выехать в парк, мы тут же натываемся на мистера Фейберовского!

– Хорошо что наш коротконогий ланкаширец Опеншо не умеет ездить на лошади, – ухмыльнулся доктор Смит. – Тот вы бы все тут собирались как мухи на мою дочь!

Поляк приветственно приподнял цилиндр и подъехал к ландо, намеренно горяча кобылу.

Сперва Гримбл высокомерно поджал губы и отвернулся, но встретившись с насмешливым взглядом Пенелопы, переменил тактику. Он прошелся вслух по деревенской манере

поляка сидеть в седле и относительно его Росинанта, которого, наверное, специально для него держат в конюшне, так как на нормальных лошадях Фейберовский цепляется ногами за землю.

– Известно, какой большой знаток лошадей мистер Фейберовский! – подхватил тему доктор Смит. – В казармах конной артиллерии в Сент-Джонс-Вуд до сих пор смеются над тем, как он купил предназначенных на скотобойню столетних одров для своей коляски.

– Зато при собственном выезде. Только на нем стыдно за ворота выехать, вот он и смешит всех, разъезжая среди экипажей на арендованной кобыле!

– Патентованная кляча, – поляк похлопал лошадь по шее. – Лицензированная для провоза одного человека. Не понимаю, чем она вам не нравится.

– Мы не умеем ездить верхом, – сказала Пенелопа. – Даже на ослах.

– Зато Гримбл с Опеншо участвуют в бесконечном «дерби ослов» вокруг Патологического музея у нас в Лондонском госпитале, – сказал доктор Смит. – Кстати, Гримбл, последнее время я склоняюсь к мысли, что вас правильно уволили за нерасторопность в приготовлении препаратов для музея. Я еще в среду просил вас приготовить мне препарат туберкулезных легких для лекции в Королевской больнице грудных болезней. Где он?

– В среду я был занят. Кстати, в тот день я видел, кажет-

ся, мистера Фейберовского, который дожидался окончания занятий мисс Пенелопы в Бедфордском колледже!

– Жалко, что не дождался, если это был действительно он, – сказала Пенелопа. – А что вы, Гримбл, делали у моего колледжа?

– Если мне понадобится частный сыщик для слежки за дочерью или женой, Гримбл, можете быть уверены, что я найму не вас, – рассвирепел Смит. – А ваше дело – изготавливать препараты для моих лекций.

– Может быть, вы следите за нами и в Фехтовальном клубе? – язвительно спросила жена доктора Смита.

– Простите, что вынужден прервать вашу семейную беседу, – сказал Фаберовский. – Позвольте, доктор Смит, вручить вашей дочери эти цветы и откланяться.

– Да-да, откланивайтесь, – согласился Смит. – Только поскорее.

Гримбл ревнивым взглядом проследил, как корзина с цветами перекочевала из рук Фаберовского к Пенелопе, и сказал:

– Интересно, Пенни, почему это ты поставила поднесенные мною цветы на пол, в ноги миссис Смит, а его корзинку приняла себе на колени?

– Вы куда-то торопитесь, мистер Фейберовский? – спросила миссис Смит.

– Да, – поляк обеспокоенно оглянулся через плечо, где еще минуту назад заметил экстравагантную парочку вер-

ховых: Тамулти и Артемия Ивановича.

Тамулти был шикарен. У ног его жеребца бежал великолепный белый дог. Артемий Иванович трясся рядом на огромном буром мерине, судорожно вцепившись в гриву и подпрыгивая. Особенно шла ему жилетка с жирной полосой на брюхе и пятнами от пролитых на нее в парижских кабаках соусов и вин, поверх которых блестела толстая цепочка от новых часов.

И все-таки поляк не успел. Тамулти заметил его и подъехал к экипажу.

– Добрый день, мистер Фейберовский, вот ваш друг. Полагаю, ему будет лучше с вами, чем со мной.

И, не дожидаясь ответа поляка, ирландец облегченно ускакал. Понурая спокойная кляча Артемия Ивановича, не видя хвоста впереди идущей лошади, спокойно заснула около ландо, положив голову на заднее лакированное крыло.

– Какого дьяблу пан Артемий тут делает? – зло прошипел поляк.

– Это все Тамулти, – прошипел Артемий Иванович, чье лицо то и дело искажала судорога от тщетных попыток ровно держаться в седле. – Я не хотел.

– Поехали отсюда скорее.

– Господи, но я не знаю как! Она спит!

– Дерните за повод!

Артемий Иванович дернул – и в следующее же мгновение, потеряв равновесие, сполз прямо в коляску доктора Смита с

так и не проснувшейся кобылы.

– Позвольте представить: мой друг из России, мистер Артемас Гурин, торговый агент, – сказал, разводя руками, поляк.

– Что это говорит ваш русский друг? – спросила у поляка жена доктора, ощущая у себя на коленях невероятный вес барахтающегося в коляске Артемия Ивановича.

– Он вспомнил свою мать, миссис Смит, – ответил Фаберовский.

– Моей жене еще незнакомы материнские чувства, – заявил доктор, брезгливо стряхивая с визитки грязь, насыпавшуюся на него с сапог Владимирова. – Пусть он с нее слезет.

– Русские – удивительно сентиментальный народ, Гилбарт, – сказала супруга доктора Смита своему мужу, с интересом глядя на Артемия Ивановича. – Англичанин сразу бы вспомнил Бога.

– Бога он тоже вспомнил, – сказал поляк, силясь достать из коляски Артемия Ивановича.

– Я слышала, что русские прекрасно умеют обращаться с лошадьми, – вставила слово Пенелопа Смит.

– Еще бы, мисс! Мой друг продемонстрировал вам старинный казацкий способ соскакать с коня, заслоняясь им от ружейного огня диких кавказских горцев.

– Какая прелесть! – воскликнула миссис Смит, восхищенно глядя на Артемия Ивановича, который угнездился наконец на сиденье между ней и ее супругом и теперь пытался

найти на полу отстегнувшиеся от цепочки часы, задирая в своих поисках подолы юбок у обеих дам на неприличную высоту.

– Мне очень неловко, что все так получилось, – вздохнул поляк, обращаясь главным образом к Пенелопе. – Но у русских такие необычные для Европы манеры выказывать свое восхищение дамам...

– Это не манеры! – крикнул Гримбл. – Это форменное хамство.

– Вот они, проклятые! А я то думал, чего там такое давит! – Артемий Иванович достал из-под себя свои часы и галантно улыбнулся соседке.

– Что он мне сказал? – спросила у поляка Эстер, с трудом удерживаясь на сиденье, так как поворот Артемия Ивановича между ею и доктором едва не выбросил их из коляски.

– Он сказал, что сердце вольного казака, в котором до сих пор было лишь место для дикого простора степей, отныне навсегда занято вами.

– Вы не могли бы попросить мистера Гурина сесть ровно? – сквозь зубы сказал доктор Смит. – Иначе я упаду.

– Послушайте, бестолочь, вылезайте из коляски, – сердито сказал Владимирову Фаберовский.

Артемий Иванович встал посреди коляски и отвесил поклоны всем сидевшим в ландо.

– Было очень приятно познакомиться, – по-французски сказал он.

– В Лондоне так скучно сейчас, – посетовала Эстер, обрадовавшись, что хотя бы на французском она может поговорить с Гуриным без переводчика. – Все знакомые, кроме Энтони Гримбла, разъехались, а доктора Смита никуда не вытащишь. Мы с Пенелопой так рады, что встретили вас с мистером Фейберовским.

– Я опять их куда-то дел! – негодуяще взглянув на поляка, громогласно объявил Артемий Иванович.

Он похлопал себя по карманам, затем присел на корточки и стал методично выкладывать их содержимое в ряд на коленях у Эстер. Дамы и доктор Смит с интересом папуасов на торге с европейским капитаном наблюдали за растущей кучкой разных разностей. Сперва на колени миссис Смит легла сломанная глиняная трубка. Следом появился почти пустой кiset, складной штопор с накрученной на него пробкой, бесплатный билет выставочного займа на Международную Парижскую выставку в будущем году, перочинный нож, серебряная сигарочница, разнообразная медная мелочь всех стран и номиналов, пригласительная карточка с парижским адресом и надписью по-французски “Poses plastiques”¹, и еще множество непонятных и ненужных вещей, обильно пересыпанных табаком.

– Пан Артемий положил свои часы в карман брюк, – устало сказал Фаберовский. – Прицепите их к цепочке и выле-

¹ “Poses plastiques” (франц.) – «пластические позы», викторианский аналог современного стриптиза

зайте.

– Ну, что уставились?! – недовольно спросил Гримбла Артемий Иванович. – Здесь вам не балаган, и я вам не Петрушка! Отойдите! Уберите ноги! Ах, у него шляпа! Да плевать я хотел на вашу шляпу.

Что Артемий Иванович тут же и сделал, предварительно сняв цилиндр с головы Гримбла и затем бросив его на землю.

– Мистер Фейберовский подстроил все это специально! – взвизгнул оскорбленный Гримбл. – Он хочет унижить меня при всех! Все видели, что его обезьяна, которая даже не умеет сидеть на лошади, сюда нарочно привез какой-то джентльмен. Скажу вам прямо, Пенни: он хочет жениться на вас, чтобы приобрести положение в обществе, которого ему никаким образом не получить, как католику и инородцу! Он действует с низкой целью и нисколько не любит вас.

Тут он повернулся к поляку.

– После того, что натворила здесь ваша ручная обезьяна, мистер Фейберовский, вам не только нельзя надеяться увидеть мисс Смит, но вы и на пушечный выстрел не можете приближаться к ее дому!

– С каких это пор вы распоряжается в моем доме, Гримбл? – подскочил Смит. – Мистер Фейберовский, мы будем рады вас видеть у себя. Только без обезьяны.

– Мисс Смит? – поляк вопросительно посмотрел на Пенелопу.

– С обезьяной, Стивен, с обезьяной.

– Скажите этому дикарю, мистер Фейберовский, – крикнул Гримбл, – чтобы он немедленно убирался из нашей коляски, поднял мой цилиндр и вручил мне его с извинениями.

– Если вы хотите избежать дальнейших неприятностей от мистера Гурина, я посоветовал бы доктору Гримблу самому подобрать свой цилиндр и не приставать к моему другу с требованиями извинений, – ответил поляк.

– Не смейте мне указывать! – взвился Гримбл. – Пенни, ты не должна принимать цветы от человека, который считает возможным появляться в обществе таких...

От сильного толчка Гримбла в грудь Артемий Иванович едва не вывалился из коляски. Он схватил его за грудки, приподнял с сиденья и что есть силы бросил на доктора Смита, который, со своей стороны, пребольно ткнул Владимирова рукояткой трости в бок. Лощеный цилиндр доктора слетел с его головы и упал в грязь.

– Это переходит всякие допустимые границы! – рассердился Смит, но Артемий Иванович был уже на земле вне пределов его досягаемости.

Доктор Гримбл схватил Пенелопу за руку и энергично замахал кучеру. Коляска тронулась и покатила прочь, оставляя на поле боя два осиротевших цилиндра, а доктор Смит, полуобернувшись на сиденье, еще долго гневно потрясал тростью.

– Поймаю, уши оборву! – крикнул Владимиров и запустил вослед ландо комком конского навоза. – А то взяли манеру

всякой дрянью в боки тыкать!

4.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТА-
МЕНТА ПОЛИЦИИ

ТЕЛЕГРАММА ЛЕГРАНА – РАЧКОВСКОМУ

5 августа 1888 года

Monsieur Rachkowski, je dénonce à vous, que selon mes renseignements, votre agent Gurin a chassé les deux Irlandais, ayant payé ceux-ci le chemin inverse²

Пометка Рачковского: «Владимиров – сущий болван».

² Господин Рачковский, доношу вам, что по моим сведениям, ваш агент Гурин прогнал обоих ирландцев, оплатив им обратную дорогу.

Глава 7

6 августа, в понедельник

В понедельник утром у подъезда «Гранд-Отеля» остановился заложенный специально для этой поездки собственный экипаж поляка и сам хозяин выбрался из кузова. Велев сидевшему на козлах Батчелору подождать в сторонке, он поднялся на лифте к Владимирову и увидел Артемия Ивановича в гримбловском цилиндре, стоявшего в одних подштанниках перед зеркалом.

– Ну, как я вам, господин Фаберовский? – спросил Владимиров, узрев в зеркале отражение поляка у себя за спиной. – Не хотите прикупить цилиндрик? Продам с сезонной скидкой.

– Почему пан еще не готов?

– Может, съездим ко вчерашним дамам? Вы знаете, где они живут?

– Полагаю, что после вчерашнего доктор Смит не пустит нас даже на порог.

– Дался нам его порог! Возьмем дамочек и поедем кататься.

– Можно подумать, у нас других дел нет!

Втайне поляк был бы не прочь прокатиться с Пенелопой, но один, без Владимирова. С Артемием Ивановичем он не решился бы поехать к Смитам даже просто принести извинения.

– Ну, как хотите... – Владимиров стал одеваться. – Тогда я сам при случае к дочке съезжу. Мне она понравилась. Кстати, а вы договорились, чтобы этот доктор доносил нам на своих пациентов?

– Из-за цирка, который устроил вчера пан Артемий, доктор Смит уже вряд ли согласится нам помогать.

– Ладно, я поговорю с его дочкой, – Артемий Иванович вошел в лифт и велел отвезти себя на первый этаж. Лифтер проворно закрыл двери перед самым носом поляка и лифт уехал. Фаберовскому вдруг показалось, что Владимиров собрался ехать к Пенелопе, и к своему удивлению он ощутил, как подобие ревности проснулось в нем. Не дожидаясь возвращения лифта, он сбегал вниз и увидел Артемия Ивановича, который стоял перед экипажем и оценивающе разглядывал его.

Выезд Фаберовского не произвел должного впечатления на Артемия Ивановича. Хотя лошади были беганные в паре, закладка была разномастная. Одна кобыла была гнедой в больших светлых пежинах, а вторая и вовсе чалая. Да и экипаж – обычный английский крытый четырехколесный брум с сиденьями одно напротив другого, прозванный за характерный звук «ворчуном» – был уже в летах, с облупившимся

лаком и выцветшей желтой краской на боках и дверце, пусть даже и на резиновом ходу.

– На таком с барышнями и кататься-то стыдно, – высказал он свое мнение.

– Мы с барышнями и не едем, – раздраженно сказал поляк. – Батчелор отвезет нас в Вулворт на правый берег Темзы.

Владимиров сморщился.

– Ну, – он развалился на сиденье. – И куда же мы едем?

– Сперва мы заберем одного человека. В свое время мой отец работал вместе с варшавским евреем по имени Михал Оструг. После подавления Варшавского восстания они вместе ходили по богатым лондонским домам, где, пользуясь невежеством англичан, выдавали себя за сыновей польского короля, графов Собеских, требовали исполнять польский гимн и получали от растроганных хозяев значительные суммы на освобождение Польши. Но потом Остругом овладела страсть к глупым кражам в посещаемых домах, начались неприятности и отец расстался с ним. Этой весной уже мне пришлось прибегнуть к услугам Оструга. Я знаю, что он продолжает зарабатывать себе на жизнь мошенничеством, но при этом связан с бандой из трактира «Слепой нищий» где-то напротив Лондонского госпиталя, которую наводит на те дома, где ему не удастся получить деньги для выкупа из ломбарда польской короны.

– Скажете тоже! Станет вам польский король динамитом

заниматься!

– Этот станет. Ведь мы же заплатим ему, – терпеливо объяснил Фаберовский. – Кстати, пан Артемий уже посчитал деньги, чтобы мы могли положить их в сейф от греха подальше?

– Да чего там считать! Каких-то сто фунтов.

– Как сто фунтов?! – вскричал поляк, пораженный в самое сердце. – Три дня назад было триста! Куда пан дел все остальное?

– Вам на жалование, мне на расходы, да часики вот прикупил всего за сто гиней.

Артемий Иванович продемонстрировал ошеломленному поляку новые золотые часы.

– Вложение денег в часы даже надежнее, чем в сейфе. Их и грабители из сейфа не украдут, и падение акций им не страшно...

– Зато падение на пол им страшно, особенно вместе с пьяным хозяином. Может быть пан Артемий отдаст мне хотя бы то, что осталось?

– Не сейчас... – пробормотал Владимиров. – Да там уже не совсем сто... Понимаете, расходы так велики, а Лондон такой дорогой город...

– Ну так отдайте хотя бы то, что есть!

– Так уже почти ничего нет.

– Сколько?! – поляк угрожающе навис над Владимировым. – Сколько у вас денег?

– Я разменял все для удобства на такие маленькие монетки, шиллинги. Их осталось всего три тыщи. Тридцать фунтов-с.

– Господи! Да в фунте всего двадцать шиллингов, а не сто! А я уж совсем перепугался. Только не тратьте их больше, пан Артемий, ради Бога. Отдайте их мне.

– Ну и пожалуйста... – скис Артемий Иванович. – Как только приедем обратно, так сразу и отдам-с. Если бы вы раньше хотя бы намекнули мне, то я тогда бы их вам отдал...

Поляк откинулся на спинку и погрузился в раздумья, столь же унылые, как и районы Южного Лондона, по которым они проезжали. Уже неделю Владимиров удачно уклонялся от предложенной поляком помощи в сохранении общих денег. И Фаберовский не мог быть уверен в том, что в словах Владимирова была хоть доля правды. Денег могло уже не быть вовсе, а может быть, их было значительно больше, чем утверждал Артемий Иванович, потому что, например, часы Владимирова могли стоить и одну гинею, и сто – в зависимости от того, подлинным или поддельным был рубин на брелоке.

У церкви Св. Георгия экипаж свернул на Сент-Джорджс-уэй и проехал еще квартал мимо захламленных пристаней и причалов Большого Суррейского канала, прежде чем остановился у неприветливого трехэтажного здания. Стены красного кирпича покрывала копоть. Здесь, на первом этаже в убогих меблированных комнатах, выходящих окнами на на-

бережную, и жил с марта этого года старый мошенник, выпущенный после полугода заключения в Суррейской психиатрической лечебнице для бедных.

Оструг оказался высоким улыбчивым евреем с кустистой бородой и в сюртуке вроде тех, что носят доктора и англиканские священники. Тем, кто долго вглядывался в его изрезанное морщинами и побитое жизнью лицо, неизменно лезли на ум какие-то странные мысли о благородстве и степенной стариковской мудрости. Впрочем, расставшись с ним, все недоумевали, как такое вообще могло прийти им в голову.

Первым навстречу пришедшим выскочил коренастый, квадратный мопс абрикосового окраса, прихрамывавший на одну лапу. Он молча вертелся в ногах, норовя укусить кого-нибудь, но Оструг одним пинком отправил собаку в угол и она вынуждена была примолкнуть.

– Какой симпатяга, – сказал Фаберовский. – Очень похож на Байрона, которого заказала нам найти одна пожилая леди.

– У нас в Суррейской лечебнице тоже была дама, которая норовила узнать в своих соседях по палате разных знаменитостей вроде Байрона и Шелли. Сама она была леди Гамильтон, все время ходила беременной – с подушкой на животе, а в память об отце своих детей, адмирале Нельсоне, каждое воскресенье пускала корабли в луже во дворе.

– История леди Гамильтон занимательна, но мы приехали к вам, пан Оструг, совсем по иному поводу.

Старый мошенник провел гостей в гостиную, представлявшую болезненную смесь нищеты и претензий на роскошь. Квартал, где он проживал, никогда не входил в число хоть сколько-нибудь респектабельных, но Оструга это совсем не смущало и он смело украшал каминную полку статуэтками. В шкафу пылилось несколько книг по медицине, а перед камином стоял старинный, обитый вытертым до основы красным бархатом стул в стиле Людовика XIV.

Этот стул поразил Артемия Ивановича, словно он увидел перед собой воочию трон польских королей. Пока Фабровский излагал Остругу дело, пытаясь склонить того на участие в организации подпольной динамитной мастерской в Восточном Лондоне, Владимиров дважды обошел стул и торжественно воссел на него. Дальнейшего разговора он уже не слышал, так как в его голове роились прекрасные картины, словно сошедшие со страниц «Тысячи и одной ночи». Ему представлялось, что сидит он в гареме на царском троне, по одну руку от него сидит Ханна Мандельбойн, по вторую – жена доктора Смита, по третью – Пенелопа Смит, по четвертую – Розмари, а по пятую... Тут перед Артемием Ивановичем возник смутный образ его бывшей невесты, и он решил ограничиться четырьмя руками.

– Хорошо, я найду вам помещение, – согласился наконец на уговоры поляка Оструг. – У меня есть приятель, Скуибби, он живет в Уайтчепле и сможет посоветовать нам подходящее местечко.

– Только вам придется жить там, – сказал Фаберовский. – Приищем место, переедешь туда, а от этой квартиры откажемся.

– Нет, нет! – вмешался Артемий Иванович, с молниеносной быстротой сообразивший, что его грезы о гареме могут стать реальностью. – Я эту квартиру себе беру!

«Ну и слава Богу! – подумал поляк. – Все-таки меньше денег будет уходить в эту прорву. Он сейчас за день в «Гранд-Отеле» тратит больше, чем здесь за месяц.»

– Только вот трон оставьте! – засуетился Артемий Иванович. – Я на нем сидеть буду.

Забрав с собой Оструга, Артемий Иванович с Фаберовским отправились обратно на левый берег, в Уайтчепл.

Остановившись на углу Уайтчепл-роуд и Брейди-стрит, Владимиров и поляк выбрались из экипажа и огляделись в поисках нужного им трактира. На другой стороне дороги почти целый квартал занимало громадное здание Лондонского госпиталя, где работал доктор Смит, а почти напротив него находилась станция железной дороги.

– Если бы не надо было забирать из Вулворта пана Оструга, сюда можно было бы доехать на подземке! – сказал Фаберовский. – И быстрее, и дешевле. Вот breviарий, – поляк показал на здание пивоваренного завода «Альбион» на углу, – а вот и наш «Слепой нищий».

Они оставили Батчелора в экипаже, а сами вошли в трактир. Внутри было мало народу. Подойдя к хозяину за стой-

кой, Оструг отодвинул в сторону сопливого мальчишку с кувшином, посланного матерью в трактир за пивом, и осведомился у стоявшего за стойкой человека, на месте ли мистер Скуибб.

– Он спит.

– Разбудите мне его.

– Ну уж нет. Сегодня у него была неудачная ночь. Ему даже въехали пару раз по роже. Вам нужно, вы и будите.

Ведомые Остругом, они поднялись на второй этаж, где в одной из комнат увидели молодого, похожего на громилу вора в старом кучерском цилиндре и вытертом на локтях сюртуке, который спал в углу, откинувшись на спинку стула.

– Мистер Чарльз Скуибб, как я понимаю? – Фаберовский подошел к спавшему и постучал концом трости по верху цилиндра. – Вы устали после ночной работы, люди нынче строптивы и не желают расставаться со своими кошельками и часами без сопротивления. Мне жаль тревожить ваш сон, но у меня к вам только один вопрос.

– Может быть, разбудим его в следующий раз? – спросил Оструг.

Фаберовский постучал еще настойчивей.

– Я же сказал, что не собираюсь связываться с Ласком, – сонно промычал вор, не открывая глаз. – У него семь детей, а суд плохо смотрит на такие вещи.

– А он не побьет нас? – опасливо поинтересовался у поляка Артемий Иванович, поглядывая на широкие плечи

Скуибби.

– У меня с собой револьвер, – успокоил Фаберовский и потряс вора за плечо.

– А вот револьвера не надо, – ухватил Скуибби знакомое слово, по прежнему не открывая глаз. – А не то я отниму его и засуну вам в задницу.

Жест, которым он подкрепил сказанное, не оставлял сомнений в намерениях громилы, и Артемий Иванович немедленно вставил дельное замечание:

– У нас две задницы.

– Что за странный язык? – спросил Скуибби и открыл глаза. – Какого черта! Джентльмен пришел сюда с попугаем?

– Я пришел сюда с Остругом, – сказал Фаберовский, держа тяжелую трость наизготовку, чтобы при малейшей опасности тут же пустить ее в ход.

– За определенное вознаграждение я могу посодествовать в возвращении ваших вещей, украденных этим джентльменом, – предложил вор.

– Я ничего у них не крал, Скуибби, – разозлился Оструг, – вечно ты наводишь на меня клевету! Эти джентльмены поручили мне присмотреть для них укромное местечко, такое, чтобы там соседи были не болтливые, а лучше чтобы их и вовсе не было.

– Они собираются печатать фальшивые деньги? – оживился Скуибби. – Я хочу в долю.

– Нет, – вздохнул Оструг, – Вот папаша этого высокого

джентльмена, царствие ему небесное, этим занимался, а эти двое там будут динамит варить. Все деньги за хлопоты пойдут тебе, мне лишь небольшие комиссионные.

– Мне нужно такое помещение, чтобы там была большая печка, погреб или подвал, выходы на разные улицы, и никакой прислуги и никаких появлений хозяев. Желательно, чтобы соседи не слышали вони.

– К середине недели я подыщу вам что-нибудь подходящее, – согласился Скуибби. – Встретимся здесь в четверг, в полдень. И не забудьте принести задаток.

Глава 8

12 августа, в воскресенье

Среди всех новейших благ цивилизации, доступных наряду с ватерклозетами и газовым освещением, Фаберовский решил избрать только одно, страшно дорогое, но очень необходимое тому, кому требуется оперативная информация – телефон. Еще в прошлом году он заплатил «Объединенной телефонной компании» 20 фунтов за проведение и установку линии и за двенадцать месяцев аренды. И если в отношении оперативной информации телефон оказался совершенно невостребованным, то как способ избежать личного общения с различными персонами он был незаменим.

Когда спустя неделю после трагикомической прогулки настало время приступать к организации мастерской, Фаберовский решил воспользоваться как раз этим счастливым свойством телефона и позвонил в Кларидж-отель Артемию Ивановичу.

Артемий Иванович уже целую неделю находился в состоянии черной меланхолии, вызванной неслыханным оскорблением в Гайд-парке и потерей там часов, пропажу которых он обнаружил уже на следующее утро. Спустя трое суток по-

сле своего начала меланхолия сменилась тривиальным запоем. К утру седьмого дня он откупорил последнюю бутылку и решил, что надо взять себя в руки – он не смог открыть дверь, чтобы потребовать очередную порцию лекарства от тоски. Колонны бутылок, поблескивавшие в темноте прихожей своими горлышками, оказались слишком многочисленными, и ему не хватило длины рук. Его пальцы судорожно хватали воздух около ручки, до которой оставалось еще поларшина, Артемий Иванович запаниковал, сел на пол и заорал: «Спасите!» Но его никто не услышал. Доставив еще в прошлое воскресенье вечером заказанное спиртное в номер и получив указание более не беспокоить до особого распоряжения, прислуга не заходила к нему, а воспользоваться электрическим звонком Артемий Иванович не догадался, вместо этого оборвав все шелковые шнуры на портьерах и гардинах в поисках действующей сонетки для вызова слуг.

Получив указание метрдотеля позвать к телефону мистера Гурина, коридорный расчистил проход среди бутылок и тем спас Артемия Ивановича. Метрдотель терпеливо объяснил Владимирову, как пользоваться телефоном, что прикладывать к уху и куда говорить, и убедившись, что Артемий Иванович все понял, тактично отошел в сторону. Поляк наконец услышал в трубке громкое сопение Артемия Ивановича и его дрожащий от нервного перевозбуждения голос: – Халло! Халло! Кто это?

Фаберовский трижды ответил на этот вопрос, но был, ви-

димом, не слишком убедителен, поскольку вопрос продолжал повторяться. Тогда он приказным тоном повелел Артемию Ивановичу нанести визит доктору Тамулти и сообщить, что просмотр помещения для мастерской состоится, скорее всего, в четыре часа пополудни.

Артемию Иванович совсем растерялся и отдал на всякий случай трубку метрдотелю. Из разговора с последним поляк выяснил, что еще в понедельник доктор Тамулти покинул отель, оставив небольшой неоплаченный счет и кожаный саквояж, и с тех пор не появлялся. Кроме того, у портье он оставил письмо для мистера Фейберовского. Чтобы не тратить больше времени на разъяснение Артемию Ивановичу вопроса о своей личности, поляк через метрдотеля передал Владимирову, что будет ждать его через час, в десять, в агентстве на Стрэнде с письмом Тамулти и деньгами. Последнее, что он услышал в трубке перед тем, как нажать на звонок и дать знать на станцию об окончании разговора – слова Артемия Ивановича: «А кто это был?»

Владимиров приехал на Стрэнд только в одиннадцать, небритый, всклокоченный и голодный. Фаберовский отправил Батчелора вниз, в трактир «Ангел и Солнце» за тройной порцией рыбы с картошкой, после чего выдал газетный кулек с едой Артемию Ивановичу и усадил его за конторку Леграна, а сам вскрыл письмо Тамулти.

В письме ирландец извещал поляка, что покинул Клэридж-отель в целях конспирации, поскольку не может

всецело довериться мистеру Гурину, который не только подозрителен поведением, выдавая себя за индийского принца, но и спровоцировал в Гайд-парке неприятный инцидент с полицией и управляющим офицерским манежем, в результате которого Тамулти несколько часов вынужден был искать эту чертову клячу, которую Гурин не удосужился ответить обратно в манеж.

Постскрипtum к письму гласил, что с доктором Тамулти и ирландскими эмиссарами, брошенными Гуриным на корабле в Дувре, можно связаться, направив со Стрэнда письмо до востребования на главпочтамт Сент-Мартенс-ле-Гранд на имя доктора Френсиса Тамблти, где он будет проверять почту каждый день в полдень. Что касается денег, которые ирландская сторона сочла возможным ассигновать на мастерскую, то Тамулти не намерен отдавать их кому бы то ни было и лично будет покупать на них все необходимое.

Поручив Батчелору срочно известить Тамулти телеграммой о том, что встреча по поводу помещения состоится в четыре часа пополудни у церкви Сент-Мери-Матфеллон на Уайтчепл-роуд, Фаберовский взял с собой Артемия Ивановича, с урчанием поедавшего картошку из газетного кулька, и, выйдя на улицу, свистком подозвал кэб.

– Куда едем? – спросил Артемий Иванович, скомкав опустошенный кулек и бросив его в окно кэба.

– Пока пан Артемий пьянствовал, мои люди подыскивали помещение под мастерскую. Кстати, позвольте полюбопыт-

ствовать, как часто пан Артемий собирается уходить в такие запои?

– В Гайд-парке я был уязвлен в самую душу! – Артемий Иванович ударил себя кулаком в екнувший живот. – Такие оскорбления не проходят даром даже для менее чувствительных натур, чем я! Кстати, а кто это в Гайд-парке был?

– Доктор Гилбарт Ти Смит и его ассистент Энтони Гримбл.

– Да я не о них, я о барышнях.

– Жена доктора Смита и его дочь Пенелопа.

– Которая же из них двух жена?

– А какое пану Артемию до нее дело?

– Я подумал, что надо бы мне, пожалуй, на той другой, которая девица, жениться.

От неожиданности Фаберовский выпустил трость и она грохнулась на пол с таким стуком, будто была залита свинцом.

– Жениться?!

– А что?! Девушка она славная, чистоплотная, докторицы все такие. Худа только, ну да мы с вами ее раскормим. – Артемий Иванович дружески хлопнул поляка по плечу. – Как, говорите, ее зовут?

– Никак. Забудьте о ней. После вчерашнего ни меня, ни пана Артемия на порог не пустят без долгих и утомительных извинений.

– Тогда поехали принимать извинения. Я человек велико-

душный, долго кобениться не буду. Опять же, какие могут быть обиды между будущими родственниками.

– Сейчас мы едем к одной даме, у нее в подчинении есть много девушек, более подходящих для пана Артемия, чем мисс Пенелопа.

– Много? И благородные?

– Чисто Смольный институт. Благороднее некуда.

– Откуда вы знаете? – насупился Артемий Иванович. – Нижебрюхов, покойничек, разболтал?

– О-о-о! – поляк воздел очи к небу. – Матка Боска!

– Только вы барышням и этой вашей мадам ничего об этом не говорите.

Мадам Хая Шапиро, о которой шла речь, уже целую неделю по просьбе Фаберовского занималась поисками подходящего для динамитной мастерской помещения по всему Уайтчеплу. Она была личностью знаменитой среди обитателей Адской Кухни, как называли в Ист-Энде трущобный район вокруг церкви Христа в Спитлфилдзе. Ее квартирка находилась в тупичке под названием Миллерс-корт, более известном в округе как «Аренды Маккарти» по имени владельца домов в Миллерс-корте. Практически все помещения в этих домах снимали проститутки, и Шапиро внимательно следила за тем, кто из них пользуется большим спросом среди потребителей их услуг. Одолжив в свое время у мясника с Хатчисон-стрит, известного Иосифа Леви, небольшую сумму, она стала ссуживать деньги наиболее перспективным

проституткам, чтобы те могли арендовать комнаты у Маккарти, а также платить за их комнаты, когда те не могли заработать на улице. За это она назначила огромные проценты, в счет которых проститутки вынуждены были выплачивать ей половину заработка. Но никто из них не уходил из Миллерс-корта по своей воле, хотя Шапиро не держала их, потому что знали, что они всегда днем смогут выспаться у себя в комнате и ночью заработают значительно больше. В конце концов «Аренды Маккарти» были полностью заселены только теми проститутками, которые находились в кабале у Шапиро.

В самом сердце Спитлфилдзских трущоб на углу у заведения с завлекательным названием «Рог изобилия» поляк с Артемием Ивановичем вылезли из кэба и направились на Дорсет-стрит. Тотчас их окликнул констебль, стоявший рядом с дверями трактира.

– Осторожно, джентльмены, вам не стоит туда соваться. Даже полицейские не рискуют ходить по этой улице в одиночку.

– Благодарю, сэ, – ответил Фаберовский. – Мы знаем, куда идем.

Дорсет-стрит была грязной, короткой, плохо вымощенной улочкой, на которой не смогли бы разехаться две телеги. Почти все здания на ней занимали ночлежные дома, за исключением нескольких мебелирашек самого последнего разбору. Надписи над открытыми дверями ночлежек и на хол-

стинах транспарантов, загораживавших нижней частью грязных окон, уведомляли о стоимости кроватей: четыре пенса за ночь. Вокруг каждого входа в ночлежку прямо на тротуаре вдоль стен спали вповалку бродяги, словно это был проселок где-нибудь в Кенте между полями с плантациями хмеля.

Поляк довел Владимира по Дорсет-стрит до мрачного здания Кроссингемского ночлежного дома, где Фаберовский внезапно свернул в узкую кирпичную щель арки на другой стороне улицы между мелочной лавкой и подъездом дома № 26. Проход по ширине чуть больше самого Артемия Ивановича вывел их в тесный, похожий на кишку двор-тупик глубиной в три плохо выбеленных до окон второго этажа здания с каждой стороны. Между домами весь дворик сплошь был завешан сушившимся на веревках бельем.

– Послушай, милочка, – обратился Фаберовский к стоявшей у подворотни полненькой молодой женщине в удивительно чистом белом фартуке. – Я был тут вчера у мадам Шапиро, но никак не могу вспомнить, в которой из дверей я ее нашел.

– Нельзя так напиваться, – наставительно сказал ему Артемий Иванович.

– Вот тут Шапиро, – женщина плюнула в сторону одной из дверей по левую сторону двора.

Поляк взялся за ручку двери, но тут в узком проходе у него за спиной кто-то пьяно проревел:

– Посторонись! Мэри, что ты тут торчишь перед дверью?!

Меня вышвырнули с работы, а ты точишь лясы попусту!

Фаберовский обернулся и увидел коренастого усатого ирландца в пыльном котелке. Женщина, собравшаяся было войти к себе в комнату, на двери которой мелом была начертана цифра «13», задержалась и бросила тому через плечо:

– Тебя выгнали, Джой, так ты еще пропиваешь наши деньги! На что мы будем теперь жить?

– Не знаю, – сквозь зубы процедил ирландец.

– Тогда как ты собираешься платить за комнату? – с вызовом спросила Мэри. – Дядя же предупреждал, что на этот раз он не собирается из-за меня делать что-нибудь себе в убыток.

– Еще бы! Я вообще удивляюсь, что он тебя терпит после того, как ты сбежала из Дьеппа сюда обратно, когда он вытащил тебя из борделя Шапиро и отвез во Францию! Будь у меня такая племянница, как ты, я бы задушил тебя собственными руками, – и в подтверждение своих слов мужчина схватил женщину за горло.

Они толкнули Артемия Ивановича в брюхо, тот икнул, посторонившись, и запутался головой в висевшей на веревке простыне.

– Убери руки, подлец! – вскрикнула женщина и ирландец, грязно выругавшись, ударил ее в лицо. Она не осталась в долгу и мужчина дал ей еще несколько тумаков.

– Что нам дел-ик-ать? – спросил Артемий Иванович, выпутавшись из мокрой простыни и не переставая икать. – Надо пом-ик-очь?

– Ну, это уж как пан сам захочет, – сказал Фаберовский. – Но я на его месте лучше бы пошел к Шапиро и выпил воды.

– Да черт же-ик побери! – выругался Владимиров, заму-ченный внезапно навалившейся на него напастью.

Он схватил мужчину за воротник и развернул лицом к себе. Тот тут же сорвал с головы кожаный котелок и напал на Артемия Ивановича, орудуя своим головным убором, как гирей. Последовал неожиданно сильный удар по голове, и Артемий Иванович непременно свалился бы на землю, если бы поляк не уgomонил ирландца ударом трости и не отволок Владимирова к двери в самом дальнем доме слева, прямо перед нужником.

Здесь и жила Хая Шапиро. Она оказалось еще вполне молодой рыжей еврейкой с пышными, увязанными в узел на затылке, волосами. Еврейка помогла Фаберовскому внести тело в дом и уложить на кровать. Вымоченное в холодной воде полотенце, положенное на лоб, вскоре привело Артемия Ивановича в себя.

– Что это было? – спросил он.

– Барнет до вчерашнего дня был носильщиком на Биллинсгейтском рыбном рынке, – пояснила Шапиро. – У них у всех особые котелки – вы тоже можете купить такой у Эдуарда Спунка на Лав-лейн – чтобы носить большие ящики с рыбой на голове. В нем весу фунтов пять, не меньше.

– За что он ее бил? – спросил поляк.

Оказалось, что как только Барнет потерял работу, его со-

жительница, Мери Келли, тут же принялась подрабатывать на панели, хотя он ей настрого это запретил.

– Скоро моя будет, – злорадно сказала Шапиро. – Подумаешь, племянница Маккарти! Посмотрим, как теперь она станет задирать нос!

– А что у нас с мастерской? – поинтересовался Фаберовский.

– В половине пятого пополудни во дворе Восточно-Лондонского театра рядом со станцией Сент-Мери вас будет ждать мистер Ласк. У него там во дворе имеется сарай, который он согласился сдать вам.

– Кто еще знает о том, что ты подыскивала помещение?

– Мистер Леви с Хатчинсон-стрит, мясник, который свел меня с продавцом мебели мистером Харрисом, и сам мистер Харрис, который познакомил меня с мистером Ласком – он поставляет Ласку стулья, когда тот берет подряды на ремонт или реконструкцию мюзик-холлов и подобных заведений.

– Кто такой этот Ласк?

– Строительный подрядчик из Майл-Энда. У него недавно умерла жена, оставив четырех дочерей и трех сыновей.

– Подрядчик – не доктор, – подал голос из-под мокрого полотенца Артемий Иванович, – однако из подрядчиковых дочек тож неплохие супруги получают. И на что он берет подряды? Небось, на железные дороги?

– На ремонты мюзик-холлов.

– Не-е-ет. Ну, куда это годится! – расстроился Артемий

Иванович.

– Хая, ты мою фамилию им называла? – прервал стенания Владимиров поляк.

– Нет, – ответила та. – Что я, дура что ли?!

– Сколько это помещение будет стоить?

– Два фунта в неделю. Оплата за месяц вперед.

Поляк положил для Шапиро на стол соверен и сдернул полотенце со лба Артемия Ивановича.

– Поднимайтесь, мы должны еще успеть предупредить найденного паном Артемием подрядчика о времени встречи. Сколько сейчас времени?

– Не знаю, – буркнул Владимиров.

– А где наши часы? Я не вижу их на брюхе у пана.

– Я потерял ключик и отдал часы часовщику, чтобы он изготовил новый. Из золота. Чтобы блестел в темноте. Да рано еще, господин Фаберовский, вот и голова у меня еще болит голова от удара шляпой. Я бы полежал бы еще немного, да чайку бы выпил пару стаканчиков...

Однако поляк был непреклонен. Он заставил кряхтящего Артемия Ивановича встать с кровати и выйти во двор.

– Пан сможет сам добраться отсюда до клуба? – спросил Фаберовский.

– Да если б я помнил, где был! Меня туда Легран на извозчике привез! Помню только, что напротив клуба какая-то гимназия.

– Хорошенькое дельце! – присвистнул поляк. – А хоть на-

звание клуба пан помнит? И улицу?

– Жидовское какое-то название. На ихнем жаргоне. И по-аглички еще. А! Вспомнил! Там еще рядом лавка, фрукты продают.

– А пивной там на углу не было?

– Ну вот! Да вы же сами знаете!

– Да здесь в каждом угловом доме по пивной! Может, пан Артемий название припомнит? – в голосе поляка послышалась безнадежность.

– А то как же! Припомню. Его еще в бочке с ромом, покойничка, домой везли, чтобы не протух. И глаз единственный тоже. А вот фамилию запомнил.

– Нельсон?

– Верно, «Нельсон».

– Я знаю один трактир с таким названием на Уайтчепл-роуд, рядом со станцией подземки. Но напротив него не школа, а Лондонский госпиталь.

Тут из двери № 13 появилась Мери Келли, виновница шишки на голове Артемия Ивановича, и поляк поманил ее пальцем.

– Тебе знаком трактир под названием «Нельсон»? – спросил он, когда она подошла.

– Есть «Лорд Нельсон» напротив Лондонского госпиталя, – ответила она.

– А еще есть?

– На углу Бернер-стрит и Феркляф-стрит есть пивная

«Нельсон».

Фаберовский обернулся к Артемию Ивановичу. Тот кивнул. Легран называл ему вторую улицу.

За шиллинг поляк договорился с Келли, что она отведет их к этой пивной. Пока Владимир ходил в клуб к Дымшицу, Фаберовский угостил в «Нельсоне» Келли пивом и выпил кружечку сам.

– Кем вы изволите приходиться миссис Шапиро? – спросила поляка ирландка, которая заметно повеселела, выпив пива.

Она сразу догадалась, что потрепанное пальтецо и порыжевший котелок ее собеседника были лишь маскировкой, скрывавшей под собою достаточно состоятельного джентльмена, как можно было об этом судить по его хоть и старым, но дорогим лакированным туфлям. Потеря работы ее сожителем Барнетом и необходимость в связи с этим выйти на панель, а потом, и того хуже, опасность попасть в лапы к Шапиро, возбудили в ней сильное желание напроситься к джентльмену в содержанки.

– Никем, – ответил Фаберовский, которого в этот момент занимали совсем другие проблемы. – Упаси Господь придется кем-нибудь подобной особе!

– Я тоже не имею отношения к миссис Шапиро и тем опустившимся существам, которыми она торгует неразборчивой солдатне и матросам. Я прихожусь племянницей мистери Маккарти, владельцу Миллерс-корта.

Келли машинально достала из кармашка зеркальце и поправила растрепавшуюся прическу.

– Шапиро хочет и на меня наложить свою лапу, но я не такая! Прежде я жила в Найтсбридже, у меня был собственный выезд.

– У меня и сейчас есть выезд, – рассеянно пробормотал поляк, оглядываясь на дверь, откуда вот-вот должен был появиться Артемий Иванович.

– Потом один благородный джентльмен из Байсуотера полюбил меня и предложил мне поехать в Париж – здесь у него была жена и дети, а теперь он занимает там важный пост. Он посвятил мне поэму про свою жизнь, называлась она «Гленавери». Правда, очень красиво звучит? У меня даже был экземпляр, но Барнет из ревности извел его на растопку. Однако я вскоре поняла, что в Париже, в этом городе греха и разврата порядочной девушке невозможно и шагу ступить, чтобы кто-нибудь не сделал ей грязное предложение.

– И как, вы воспользовались каким-нибудь?

Поляк, сам того не заметив, поставил Келли в затруднительное положение. Изображать из себя недотрогу ей не следовало, но и представляться слишком уступчивой тоже было опасно.

– Я вернулась в Лондон, – наконец сказала она. – Сначала жила у одного дальнего родственника на Бризерс-Хилл, а теперь вот перебралась к дяде. Вы даже представить не можете, как тяжело настоящей леди, такой как я, жить в этом

свинарнике! А ведь я могла бы составить счастье любому порядочному мужчине.

Келли ласково положила свою ладонь ему на руку и заглянула в глаза.

Глаза поляка за стеклами очков не выражали ни малейшего интереса к ее персоне.

– До свидания, милочка, – сказал он, сбрасывая ее руку. – Шапиро говорила, ты начинаешь буйнить, когда пьяна, а мне этого не надо. Больше на пиво не рассчитывай.

Тут наконец в дверь ввалился Артемий Иванович и отрапортовал, что Дымшиц о времени и месте встречи извещен и сейчас изволит прибыть сюда же в кабак, только даст распоряжения по хозяйству Шабсельсу.

– Пока подрядчик пана Артемия не пришел, – сказал поляк, – нам следовало бы обсудить один щекотливый вопрос: выдачу мне денег, полученных паном Артемием от Рачковского на операцию.

Артемий Иванович укоризненно посмотрел на поляка и предупреждающе кивнул в сторону Келли, которая все еще сидела рядом с Фаберовским за столом.

– Пан Артемий слишком высоко оценивает лингвистические познания уайтчеплских проституток. Если они и знают пару слов по-русски, то только те, которые слышали от русской матросни. Милочка, ты можешь говорить по-русски? – уже по-английски спросил поляк у Келли.

– Давай, давай, сюка, подставляй свою сральницу, – чудо-

вишно коверкая русские слова, произнесла Келли и кротко улыбнулась.

– Ну вот... – сам слегка потрясенный, сказал поляк. – А говорила: «леди», «леди», в карете ездил... Так что насчет денег?

– Ничего мне такого Петр Иванович про вас не говорил, чтобы деньги казенные кому ни попадя отдавать, – засопел Артемий Иванович. – Нечего считать деньги в чужом кармане. Если вы нищий, так идите к церкви копеечку просить, а то всякий горазд за чужой счет в рай ездить!

– Я предвидел такой поворот и сделал телеграфом запрос в Париж: каким образом я могу получить деньги у пана Артемия? Вот ответ.

Фаберовский вынул из внутреннего кармана вскрытый телеграфный конверт и достал оттуда сложенный вчетверо бланк, на котором было написано: «Nabeyte Gurinu mordu».

– Да я бы с радостью, только денег-то нету, – развел руками перетрусивший Артемий Иванович.

– Внимательно ли прочел пан Артемий указание своего начальника? – поляк придвинул к Владимирову телеграмму, объехав липкое пивное пятно на клеенке.

– Неужели, господин Фаберовский, вы поднимете на меня свою руку?

– И руку, и ногу, и палку – церемониться не стану. Пан сам понимает: приказ есть приказ. Мне еще отчет писать придется.

– Так с утра все было хорошо, – сказал Артемий Иванович, – и вот на тебе... А зачем вам деньги?

– За мастерскую может быть папа Римский платить будет? Сейчас подрядчик придет, надо, чтобы он помещение на свое имя снимал и платил сам.

– Хорошо, я из своих рук отдам деньги Дымщицу.

– А остальные деньги?

– У меня их с собою нет. Они в гостинице, в сейфе. По-надежнее, чем у вас с вашей дверью сзади!

Явление Дымщица прервало их препирательства. Управляющий клубом был красным от бешенства. Его новый слуга, Шабсельс, оказался не приспособленным не только для утихомиривания мадам Дымщиц, но даже для чистки ватер-клозетов, и каждый день Дымщицу приходилось начинать с подробного инструктажа и наглядного показа на примере одной из имевшихся в наличии ретирад.

– Послушайте, Дымщиц, – нехотя сказал Артемий Иванович. – Вот вам деньги, вы должны будете заплатить их сейчас за помещение.

Вид четырех новеньких пятифунтовых банкнот мгновенно изменил настроение управляющего.

– Сию минуту обделаем ваш гешефт, товарищ Гурин! – взбодрился Дымщиц и трепетно спрятал банкноты за подкладку картуза.

Тут он обратил внимание на поляка, к которому Келли, допив остатки пива, стала приставать уже более настырно.

Теперь поляку приходилось выдирать ее руки откуда-то из-под стола.

– Сэр, я вижу, что вам с вашей невестой нужны обручальные кольца. Их есть у меня как раз две отменнейшие штуки. Дымшиц достал из кармана два медных кольца.

Келли с готовностью протянула к Дымшицу правую руку с выставленным безымянным пальцем. Фаберовский перехватил ее за запястье, а ирландка, приняв спяну это за несомненный знак внимания, развернулась вместе с табуреткой и повисла у поляка на шее, пытаясь его облобызать.

– Так вот вам зачем нужны казенные деньги! – расцвел Артемий Иванович.

– Да отстанешь ли ты, дура! – взревел поляк, и после нескольких безуспешных попыток освободиться от объятий пьяной ирландки, схватил ее за горло. Келли в испуге ослабила хватку, и когда Фаберовский отпустил ее, истошно заверещала «Караул, убивают»!

Тотчас из-за стойки выскочил хозяин пивной и вместе с половым первым делом сграбастали Дымшица как человека, известного всей Бернер-стрит за отъявленного дебошира.

– Я тут ни при чем, мистер Хагенс! – успел крикнуть управляющий клубом, прежде чем вылетел на улицу, собственным телом распахнув дверь.

Вслед за Дымшицем взашей были вытолканы и все остальные.

– Еще раз придете скандалить – вызову полицию! – крик-

нул им вслед Хагенс.

– Ты меня хочешь бросить, – загундосила Келли, стоя рядом с поляком. – На что я теперь буду жить?

«Хорошо что пан Артемий не понимает английский, – подумал Фаберовский. – Ему было бы, что комментировать».

– Нам пора идти, – объявил он Артемию Ивановичу с Дымщицем и большими шагами направился в сторону церкви Св. Марии, башня которой торчала над крышами домов. За ним, быстро семеня ногами, поспешили оба гешефтмахера и Келли, которая сменяла плаксивые причитания отборной руганью и дурацкими сентиментальными песенками.

Незадолго до четырех они подошли к церкви Сент-Мери-Матфелон и встали у прохода в каменной ограде. Тамулти с ирландцами явился ровно в четыре, когда забили огромные часы на башне. Оба они были насуплены и сердиты, и все время прятались за спину доктора, чтобы не вступать ни в какие разговоры с Артемием Ивановичем.

– Сейчас мы пойдем осматривать помещение под мастерскую, – сказал поляк. – Оно тут, рядом, во дворе Восточно-Лондонского театра.

Он повернулся, чтобы показать дорогу, но тут ему на шею опять бросилась Келли, заливаясь пьяными слезами и ласково называя его по-русски «драной суюкой». Под ехидные замечания Артемия Ивановича и неодобрительное ворчание Тамулти насчет того, что он сделал бы с этой коровой, будь на то его воля, Фаберовский был вынужден сдать Келли на

руки подоспевшему констеблю и тот повел ее в часть на Леман-стрит, чтобы потом представить перед Темзенским судом магистратов по обвинению в пристаивании к мужчинам на улице.

Слабые попытки поляка оправдаться тем, что он эту Келли и знать не знает, были с торжеством парированы Артемием Ивановичем:

– А что же вы тогда, Фаберовский, мне ее утром сватали, если не знаете? И после этого вы хотите, чтобы я доверил вам казенные суммы?! Дымшиц, Дымшиц, это была шутка!

У Артемия Ивановича затряслись руки, когда он увидел, как при словах о «казенных суммах» полезли вверх густые брови управляющего клубом.

– Ну взгляните на меня, да кто мне, такому дураку, казенные суммы доверит?

И на всякий случай Владимиров показал Дымшицу язык и звучно поболтал им во рту.

Тяжело вздохнув и не смея даже глядеть в сторону ирландцев, Фаберовский повел всех к Восточно-Лондонскому театру и через здание театра и узкий мощеный проход провел их на другую сторону квартала, на Филдгейт-стрит. С улицы Фаберовский с Артемием Ивановичем проникли на задворки театра, где на захламленном старыми декорациями дворе стоял кирпичный сарай с высокой закопченной трубой, оставив ирландцев и Дымшица на улице.

Этот сарай и был конечной целью Фаберовского. Открыв

створку старых деревянных ворот на одной ржавой петле, поляк вошел в полумрак сарая и втянул за собой Владимира.

– Что вам здесь надо? – довольно грубо окликнул их плотный мужчина в сюртуке и котелке. Поляк сразу заметил, что его одежда, мятая и давно не чищенная, указывала на отсутствие женской заботы, хотя на пальце у мужчины блестело толстое обручальное кольцо. Однако траурная креповая лента на котелке разъясняла эту странность – перед ними стоял безутешный вдовец.

– Выражаю вам свои соболезнования, – сказал Фаберовский.

– С кем имею честь? – значительно смягчившись, спросил мужчина.

Фаберовский представился мистером Смитом и представил Артемия Ивановича, который в полудреме покачивался рядом, выдав его за специалиста из России по сценическим механизмам. Мужчина же оказался владельцем сарая, тем самым мистером Джорджем Ласком, строительным подрядчиком и специалистом по реконструкции театров и мюзик-холлов, с которым договорилась Шапиро. Узнав, что джентльмены заглядывали в сарай, потому что подыскивают подходящее помещение, Ласк удрученно развел руками и сообщил, что помещение уже сдано им под парфюмерную мастерскую и что парфюмеры с деньгами придут через полчаса.

– Ой, барыньки! – встrepенулся вдруг Артемий Иванович.

В сарай вошли, держась за руки, две молодых девушки, одинаково худые, в скромных темных платьях. В их лицах было что-то по-английски лошадиное, а ступни ног в высоких ботинках на шнуровке казались невероятно, даже болезненно большими. Но Владимиров не разглядел этого, потому что смотрел на них из темноты сарая против света, лившегося через ворота, и видел только ореолы золотистых курчавых волос вокруг их голов.

– Мои дочери, Мод и Эдит, – сказал Ласк. – Девочки, ступайте обратно домой, вам еще надо переодеться. Осталось всего три часа. Я скоро приду.

– Что сегодня дают? – спросил Фаберовский.

– «Смерть в Сиднеме или Уэстоухиллскую Розу», мелодраму молодого автора мистера Понтефракта. Этот Понтефрaкт просватался к моей Эдит, но я ему пока отказал. Вo-первых, ей всего шестнадцать лет, а во-вторых, сперва посчитаем, что он заработает к концу сезона.

Обе дочери Ласка вышли из сарая и тут Артемий Иванович, словно сомнамбула, двинулся за ними следом. Фаберовский не сразу заметил это, так как мистер Ласк в это время стал жаловаться ему на свою тяжкую отцовскую долю, на то, что он вынужден тратить время на воспитание дочерей – сыновья, слава Богу, уже выросли – и из-за этого уже упустил очень выгодный контракт на перестройку мюзик-холла «Парагон» на Майл-Энд-роуд. Мистер Ласк оказался внима-

тельной. Едва Артемий Иванович выскользнул из сарая, он озабоченно спросил:

– А сколько зарабатывает ваш мистер Гурин?

– Не ведаю, сколько он зарабатывает, но даю вам слово джентльмена, с начала августа он просадил почти триста фунтов.

Мистер Ласк все понял. Он схватил свою толстую палку, перехватив ее как дубину и, извинившись, устремился вслед за дочками и Владимировым.

В это время на Филдгейт-стрит прямо у ворот остановился мебельный фургон и с него слезли два еврея. Одним из них был пресловутый Иосиф Леви, мясник из Сити, а другим уайтчеплский мебелеторговец Гарри Харрис с Касл-стрит. Сопоставив просьбу Шапиро о ходатайстве перед Ласком о найме помещения и испрашивание Дымшицем кредита под залог клуба для устройства парфюмерной мастерской, они решили на месте убедиться, что это стоящее дело.

– И это что, твой Гурин? – спросил Иосиф Леви у Дымшица, оценивающе глядя на Фаберовского, стоявшего у ворот сарая.

– Что-то мне не нравится, – высказал свое мнение Харрис.

– Ну какой же это Гурин, – воскликнул Дымшиц. – Это просто какой-то джентльмен со своей шлюхой к нам в пивной привязался. А Гурин только что ушел куда-то в театр с хозяином сарая, насколько я его понял. Вот, вот Гурин! – крикнул Дымшиц, завидев выбежавшего обратно во двор

Владимирова. – Только кто ему дал по голове? У вас спросили имя?

Управляющий клубом вместе с Леви и Харрисом тоже вошли во двор.

– Какое к черту имя! – рявкнул Артемий Иванович. – Да я едва свое имя не забыл, как он палкой мне по башке треснул! А еще просвещенные мореплаватели! И ему мы должны еще денег платить за мастерскую!

– Куда же пан Артемий убежал? – спросил поляк.

– Мне так плохо, – пожаловался Артемий Иванович, усиленно потирая голову. – Я хочу, чтобы меня любили. Только отец у них скверный, он меня палкой ударил.

Тут Владимиров обратил внимание на остальных присутствовавших во дворе и сразу же преобразился.

– А, Дымшиц! Кстати, ты уже начал закупать оборудование? Столько времени прошло, а ты еще даже не пошевелился. С завтрашнего дня тут уже работать было можно, когда б не твоя медлительность. Уволю тебя из подрядчиков! Тут таких кроме тебя пол-Лондона желающих!

– Ну как? – спросил Дымшиц у евреев.

Леви неодобрительно покачал головой, а Харрис сказал, глядя под ноги:

– А где его часы, Дымшиц, которые вы нам обещали?

– Ключик он потерял, – поляк скривил губы в усмешке.

– Ну что вы меня разглядываете, словно лошадь на ярмарке? – спросил Артемий Иванович, почувствовав, что при-

шедшие с Дымщицом евреи пристально изучают его. – Пришли работать, так работайте, в противном случае убирайтесь к чертовой матери!

– И вам тут нужна будет мебель? – спросил Харрис, заглянув в темноту сарая.

– Нужна, нужна, – сказал Артемий Иванович. – Мне еще кое-куда будет нужна мебель. А вы что, торгуете мебелью? Можно вас на минутку?

Они отошли в сторонку и тут из театра во двор спустились рабочие. Они зашли в сарай и выволокли оттуда огромный театральный задник, изображавший Хрустальный дворец в Сиднеме. Чудовищное стеклянное здание в три четверти мили длиной поражало воображение, даже будучи плохо нарисованным на холсте. Построенное для Большой международной выставки 1851 года, по окончании ее оно было перенесено из Гайд-парка в ближний пригород Лондона и выстроено там вновь в специально под него разбитом парке. У северного и южного концов Хрустального дворца художник нарисовал два высоких белых навозных гриба, должных изображать водонапорные башни.

– Боже! – воскликнул Артемий Иванович, отвлекаясь от разговора с Харрисом. – Надо ж насочинять такое!

– Это я придумал! – с гордостью сказал Дымщиц. – Однажды, когда я торговал на Уэстоу-Хиллской ярмарке – я торгую там по субботам и воскресеньям, – ко мне подошел молодой человек, мистер Понтефракт, и попросил посмот-

реть одно дешевенькое колечко, которое он намеревался подарить своей девушке. Оказалось, что он начинающий литератор и денег у него нет даже на такую безделицу. Тогда я предложил ему сочинить пьесу о барышне, которой отец дарит купленную на Уэстоу-Хиллской ярмарке бриллиантовую диадему. У меня тогда среди товару как раз была такая диадема, потом я всучил ее какому-то подрядчику из Норвуда. Из-за этой диадемы в пьесе должны были происходить всякие страсти, а потом барышня бросается с Северной Башни, так и не увидев из-за дурной погоды Тауэра, где в это время изменял с другой ее возлюбленный, гуляя по крепости.

– Я ничего не понял! – оборвал разглагольствования Дымшица Артемий Иванович. – Вы что придумали: пьесу или эту фантастическую постройку на заднике?

– Эта постройка давно есть, невежа вы человек, – обиделся Дымшиц. – Зачем мне ее придумывать?

– Так это чудило и в самом деле есть? – спросил Артемий Иванович у поляка.

– Есть, – пожал плечами Фаберовский. – Место паломничества для спортсменов, кутил, любителей искусств и иностранцев в семи милях от Лондона.

– Я хочу туда! – Артемий Иванович вовсе оставил Харриса и подскочил к Фаберовскому. – Мне так плохо...

– И пану хочется, чтобы его любили. Я это только что слышал.

– Да, хочется! Я же не могу, как вы, с проститутками... Я

вот и с господином Харрисом договорился, чтобы он мебель на квартиру конспиративную поставил, чтобы можно было с Пенелопой встречаться.

– И когда же пан Артемий туда собирается из отеля переселяться? – недобро спросил поляк, чувствуя, что ощущение реальности начинает покидать его.

– И вовсе не собираюсь. Я там Пенюшку поселю, подальше от ее психованного папаши. У меня уже и буфет заказан, и горшок ночной с цветочками куплю. Туда и вы эту вашу шлюшку водить можете, когда я не занят. Только чур – в помещениях не безобразничать!

– Я продам этому господину мебель за наличные, но вам, Дымшиц, кредитов не дам, – вынес свое решение Харрис.

– А я дам, – сказал Леви. – Господин Гурин нас не обманет. Он типичный шлимазл, еврейская голова. К тому же он наверняка служит в русской полиции, а там на разные типографии и мастерские для бомб дают много денег. Пишите закладную на клуб, Дымшиц, деньги получите завтра. И вы поправите свои дела лучше чем Датфилд.

Оба еврея сели в свой фургон и уехали. Во дворе стало тихо и Тамулти с ирландцами решились наконец войти. Даффи с Конроем внимательно осмотрели сарай и одобрили его. Оставался один вопрос, быть может, самый главный: наметить пути бегства на случай облавы. Даффи отправился в театр, Конрой прошелся взад-вперед по Филдгейтс-стрит, а Тамулти заинтересовался дверью во двор, которая вела в

дом, явно выходявший фасадом на Уайтчепл-роуд. Он протянул уже руку, чтобы открыть дверь и заглянуть внутрь, когда дверь эта неожиданно распахнулась и на пороге появился мужчина с медным тазиком, полным подкрашенной кровью мыльной воды. Увидев изумленный взгляд Тамулти, устремленный в таз, мужчина поклонился и сказал извиняющимся тоном:

– Клиент весь в прыщах. Какая все-таки мука брить такие рожи!

– Могу предложить патентованный «Уничтожитель прыщей Тамулти», – сказал, не растерявшись, ирландец. – Ибо перед вами никто иной, как доктор Тамулти, его изобретатель.

– Джозеф Ханрок, цирюльник, к вашим услугам, – еще раз поклонился мужчина. – Я бы взял пару флаконов на пробу.

Тамулти исчез за дверями цирюльни, и тут вновь появился мистер Ласк.

– Кто тут из вас парфюмеры? – спросил он у толпившихся во дворе.

– Давай же! – пихнул Дымшица Артемий Иванович.

– Я парфюмер, – объявил управляющий клубом.

– Ничего другого я от Леви с Харрисом не ожидал, – с какой-то тоской в голосе сказал Ласк. – А эти два ирландских бандита – ваши помощники?

– Нет, я их не знаю, – замотал головой Дымшиц. – Впервые их вижу.

– Зато я вас насквозь вижу. Деньги принесли? Пойдемте в театр, я напишу вам расписку. Но имейте ввиду, во дворе не гадить и водосточную трубу на свинец не продавать!

Глава 9

13 августа, в понедельник

Настырный звонок телефона прервал кошмар, мучивший Фаберовского всю ночь. Ему снилось, что он привозит на какую-то квартиру вчерашнюю проститутку из Миллерс-корта, и дверь ему открывает Пенелопа с эмалированным ночным горшком в руках. Он не знает, что сказать, а Келли показывает дочери доктора Смита безымянный палец своей руки с обручальным кольцом, в ответ на что Пенелопа надевает Фаберовскому горшок на голову, а из глубины квартиры доносится голос Гурина: «Пенни, душка, иди сюда, я уже изнемог!». Сон этот повторялся с механическим однообразием деревянной «дымковской» игрушки – мужика с медведем, пилящими бревно. Снова и снова спитлфилдзская шлюха воздевала свой украшенный кольцом перст, а горшок насаживался поляку на голову по самые оттопыренные уши. «Пенни, душка, иди сюда, я уже изнемог! Пенни, душка, иди сюда, я уже изнемог!».

Однако поляк рано радовался разбудившему его телефонному звонку – действительность была ненамного приятнее кошмара.

Незадолго до полудня коридорный в гостинице принес Артемию Ивановичу письмо из Парижа. Прочитав его, Владимир сорвался с места и, поймав кэб, помчался к Фаберовскому.

– Что мне делать, что делать? – завопил он прямо с порога, утирая платком со лба струившийся пот. – Всего неделя! Где же я ему их возьму?

– До чего неделя? – не понял Фаберовский. – Кого пану нужно взять?

– Рачковский прислал мне письмо. Вы только послушайте: «Что ты наделал, каналья?» Это он обо мне так – каналья! Как ты посмел самовольно распоряжаться агентами, определенными к делу, даже не посоветовавшись со мною! И куда же ты их отправил, что они до сих пор не появились в Париже? Немедленно верни ирландцев, скотина! Сроку тебе неделя, сладкий мой. Пришлю в Лондон Прødeуса, он набьет тебе морду».

– Это, конечно, проблема. Если пан дал им денег на дорогу, то где же мы их найдем?

– Дурак я что ли – давать им деньги! Они как на пароходе сбежали, так я их больше и не видел.

– Кулаки-то у этого Прødeуса, видать, большие?

– Каждый размером с мою голову. Представляете себе?

– Очень слабо. Как Рачковский узнал об ирландцах? Пан писал ему об этом?

– Что вы! – открестился Артемий Иванович. – За кого вы

меня принимаете?

– Тогда кто же его об этом известил? Кому пан говорил, что ирландцы сбежали?

– Ни единой душе. Только вашему французу. Я тут ни при чем, он сам меня спросил.

– Получается, что только Легран и мог донести. Хорошо он пристроился. Сам меня на это дело сосватал, сам на нас и доносит. Но Рачковский не очень дорожит своим соглядатаем, если так выдал его.

– Я не хочу Продеуса, – сказал Артемий Иванович. – Вы можете оставаться здесь, а я эмигрирую в Америку.

– Погодите эмигрировать, пан Артемий. Мы напишем Рачковскому, что Легран не знает и не понимает русского языка, и объясним, что на самом деле ирландцы живут сейчас на конспиративной квартире и ждут своего часа. Может быть, они еще объявятся. А нет – каких-нибудь других найдем вместо этих. Для начала нам надо съездить в «Слепой Нищий» и встретиться там с Остругом насчет помещения. И не забудьте взять с собой деньги, мистер Скуибб особо напоминал, чтобы мы не забыли задаток. А затем посетим Большой Зал Собраний мистера Чаррингтона на Майл-Энд-роуд, где анархисты и нигилисты часто арендуют помещения для своих собраний.

– Я голодный! – расстроился Артемий Иванович. – Разве мы не будем завтракать?

– Роза сделает пану сэндвичи. Кстати, Роза, а что за цветы

все время появляются у нас в столовой на столике? Опять в мое отсутствие приходил Легран?

– Гасси говорит, что ухаживает за мной с самыми серьезными намерениями.

– У этого француза гнилая душа, Роза, на твоём месте я бы не стал ему доверяться.

– Вот сэндвичи для мистера Гурина, – Розмари завернула бутерброды в бумагу и подала Фаберовскому.

Воспользовавшись хорошей, солнечной погодой, Фаберовский повел Артемия Ивановича не к ближайшей станции подземки, а с заходом в Риджентс-парк на станцию Бейкер-стрит, которая должна была поразить Владимирова своей непохожестью на все, что тот видел до сих пор. На станции Фаберовский купил билет первого класса и отдал билет контролеру, который указал им спуск на платформу, откуда должен был отправиться нужный поезд. Огромный полукруглый свод, прорезанный двумя рядами больших круглых световых окон, перекрывал все пространство над путями между двумя дебаркадерами и гулко и невнятно отражал звуки, производимые копошившимися в ожидании поезда людьми.

– А, может, не надо? – дрогнувшим голосом спросил Артемий Иванович, косясь на черное жерло тоннеля, откуда нарастал странный дрожащий звук и усиливался поток воздуха, заставляя трепетать ленты на шляпках у дам.

– Держитесь крепче за свой сэндвич, – грубо ответил Фаберовский.

– Послушайте, Фаберовский, – шепнул Владимиров, вцепившись в его рукав. – Это не опасно?

– Не опаснее, чем ездить на кэбе, – ободряюще похлопал тот по спине Владимирова. – Если только отпущенный паном Даффи не вспомнит свои прежние увлечения и что-нибудь не взорвет.

– Но ведь там темно! – занервничал Артемий Иванович.

В туннеле сверкнул мутный фонарь и из него выполз шоколадного цвета паровоз, поблескивая надраенным до блеска медным сухопарником. Артемий Иванович перекрестился, кондуктор впустил их в вагон с большими белыми единицами на дверях, и паровоз уполз в темноту. Оглядываясь по сторонам на великолепное убранство, на зеркала, ковры и узкие бархатные диваны довольно тесного купе, Владимиров успокоился, поудобнее устроился на диване и разложил на коленях завернутый в салфетку сэндвич.

– Остановки здесь маленькие, пан Артемий, – предупредил Фаберовский. – Надолго не располагайтесь.

И вправду, в окнах вагона опять заиграл дневной свет.

– Грейт-Портланд-стрит! – выкрикнул кондуктор.

– Эка зараза! – крикнул Артемий Иванович, заворачивая сэндвич обратно в салфетку. – Все у них в этой Англии не слава Богу! Извозчики кувыркучие, остановки с гулькин хрен...

На конечной станции, где подземка соединялась с Восточной железной дорогой, шедшей на правый берег Темзы, кон-

дуктор объявил Уайтчепл и они выбрались на свет божий почти напротив Лондонского госпиталя на широкую и шумную Уайтчепл-роуд.

– А вот и «Слепой нищий»! – обрадовался Артемий Иванович счастливому окончанию их подземного путешествия.

В «Слепом нищем» им не повезло: Скуибби был неизвестно где, а Оструга, по мнению трактирщика, скорее всего можно было найти в Уайтчеплском институте рабочих парней, на полицейском дознании по зверскому убийству в Джордж-ярде, которое произошло во вторник два дня назад.

Уайтчеплский институт рабочих парней находился неподалеку, в соседнем со станцией подземки здании. Им даже не пришлось входить внутрь, потому что публику полиция на дознание не пускала и немногочисленная толпа любопытных стояла у входа, среди которых на целую голову возвышалась тощая фигура Оструга.

Завидев поляка, Оструг отделился от толпы и шопотом сообщил, что он нашел помещение под динамитную мастерскую в сарае на задворках Восточно-Лондонского театра неподалеку отсюда на Уайтчепл-Хай-роуд рядом со станцией подземки Сент-Мэри.

– А зачем тогда ты здесь околачиваешься, если никого на дознание не пускают? – спросил Фаберовский.

– Хочу попасть в библиотеку, где проводят заседание. Говорят, там много дорогих книг, пожалованных принцессой Уэльской и ее дочерью принцессой Беатрис, великолепный

портрет принцессы Уэльской кисти Льюиса Флейшманна и прочая живопись вроде портретов королевских особ и ландшафтов модного акварелиста Макхуэртера.

– Сколько мне помнится, тебя уже приговаривали к исправительным работам за кражу книг, личных вещей и одежды у преподавателей и студентов в Итоне, Оксфорде и Кембридже? Сперва ты устрой нам мастерскую, а потом можешь воровать что угодно.

– Я собирался просто посмотреть на произведения искусства, – с апломбом ответил Оструг. – Я большой поклонник творчества Макхуэртера.

– Я могу познакомить тебя с ним лично, он живет рядом со мной. Иди лучше домой. Встретимся в воскресенье в два часа дня у театра и там окончательно решим, подходит ли место для наших целей.

Едва Оструг удалился, толпа перед институтом оживилась. Присяжные заседатели во главе со своим старшиной и полицейские чины, представлявшие полицию на дознании, явились взорам собравшихся зевак.

– Смотрите, пан, – шепнул Фаберовский. – Видите вот того плотного высокого человека в щегольском костюме из голубого сержа? Это детектив-сержант Рид из Департамента уголовных расследований. Давайте подойдем к нему.

Они подошли поближе и Фаберовский привлек к себе внимание полицейского.

– Сержант Рид? Удивительно видеть вас в таком месте. Я

помню вас пять лет назад, когда вы на своем воздушном шаре во время воздухоплавательного праздника в Хрустальном дворце установили рекорд высоты и получили за это медаль.

– А, вы тот молодой человек, на которого я так неловко скинул мешок с песком, освобождая корзину! – улыбнулся Рид.

– Стивен Фаберовский, к вашим услугам. А это мой друг Артемас Гурин, торговый агент.

– Чем вы теперь занимаетесь, сэръ?

– Я владею частным сыскным агентством на Стрэнде.

– Сыскное дело затягивает, – сказал Рид. – Через год после того полета меня повысили, так что теперь я не сержант, а инспектор. На том моя воздухоплавательная карьера и завершилась. Я был направлен в Джей-дивизион в Бетнал-Грин для организации там Отдела уголовного розыска, а с конца прошлого года возглавляю сыскной отдел тут, в Эйч-дивизионе, вместо инспектора Абберлайна.

– Так значит это вы были тем инспектором Ридом, которого постоянно упоминали детективы этой весной?

– Ваш покорный слуга. Мне еще надо зайти в участок. Может быть, вы проводите меня?

– С удовольствием, – слегка наклонил голову Фаберовский.

И коротко бросил Артемию Ивановичу, который стоял рядом, то и дело со скучающим видом посматривая на циферблат своих новых часов, которые доставал из кармана жилет-

ки, с шиком отщелкивая крышку:

– Я вынужден покинуть пана Артемия, потому что мне представилась возможность установить знакомство с начальством местного Отдела уголовных расследований.

– Я тогда пойду пивка в «Слепого Нищего» выпью, – Владимир показал поляку и инспектору зажатый в кулаке бутерброд.

– Лучше сходите в Зал Собраний на Майл-Энд-роуд, надеюсь, вы и один справитесь. Встретимся у меня дома. И будьте осторожны, тутошные жители не церемонятся.

Оставив Артемия Ивановича недоуменно стоять на Уайт-чепл-роуд, Фаберовский с Ридом свернули на Бейкерс-роу и потом по Ханбери-стрит пошли по направлению к Спитл-филдзскому рынку в участок на Коммершл-стрит.

– Что за убийство вы сейчас расследуете? – спросил Фаберовский. – Я ничего не слышал о нем.

– В одном из домов Джордж-Ярда убили женщину, нанеся ей тридцать девять колотых ран, – сказал инспектор Рид. – Доктор Киллин говорит, что одна рана, смертельная, в грудь, была нанесена чем-то вроде кинжала, а остальные – инструментом, который, скорее всего, был обычным перочинным ножом. Похожие нападения уже были в нашем дивизионе. В конце февраля на Уайтс-роу неподалеку от участка какой-то мужчина напал на солдатскую вдову Анни Миллвуд и нанес ей многочисленные удары в ноги и нижнюю часть тела. Потом в марте на Майдмен-стрит в районе Майлд-Энд-ро-

уд у себя дома получила от неизвестного мужчины две колотых раны в горло складным ножом швея Ада Уилсон, отказавшись дать ему денег. А в апреле, в Банковский праздник, вон там слева, на углу Осборн и Уэнтуорт-стрит, близ горчично-шоколадной мельницы братьев Тейлор, подверглась нападению трех юных подонков вдова Эмма Смит. Скончалась потом в Лондонском госпитале.

У рынка они повернули направо и вскоре подошли к солидному трехэтажному дому, нижний этаж которого был облагорожен рустованной штукатуркой, а величественный подъезд украшали синие фонари.

– Что за черт! – донесаясь до них чья-то громкая ругань, когда они закрыли за собой массивную дверь и оказались в участке. – Почему все неприятности случаются в мое дежурство! Вот Эллисдон взялся за это дело, пусть бы он и допрашивал бы ее! И почему она не пришла вчера, когда дежурил Бек!

– Инспектор Чандлер, – сказал Рид, – причем тут Эллисдон? Дело об убийстве в Джордж-Ярде он передал мне.

– Вот сами и допрашивайте эту «леди»! – Чандлер с облегчением указал на сидевшую на стуле сорокалетнюю женщину с кирпичного цвета пропитым лицом. Женщина была замотана в старую и грязную зеленую шаль.

– А, Жемчужная Пол! – узнал ее Рид. – Вот, мистер Фейберовский, это наша местная достопримечательность, Мэри Конолли.

– При этом типе в золотых очках, – проститутка ткнула пальцем в поляка, – я не буду ничего говорить. Я для него привела одного достойного джентльмена в бордель к миссис Шапиро на Сидни-стрит, а он мне за это не заплатил ни фартинга!

– Мне самому ничего не заплатили, – ответил проститутке Фаберовский.

– Какое мне до этого дело! – возразила Коннолли. – Ты обещал!

– О чем это она? – спросил инспектор.

– Под Рождество прошлого года одна дамочка, полячка, некая Ядвига Рейвнскрофт, как она сама себя представила, наняла меня следить за ее мужем, который пристрастился посещать различные злачные места в Восточном Лондоне. Полгода я пытался добыть неопровергаемые доказательства, затем неудачно попытался сфотографировать мистера Рейвнскрофта в одном китайском опиумном притоне и спасибо сержанту Тику, который в тот раз спас мне жизнь.

– Рейвнскрофт? – задумался Рид. – Откуда я знаю имя?

– Он прислал к вам в Отдел уголовных расследований письмо с требованием закрыть тайный притон на Сидни-стрит, который содержала миссис Шапиро, – напомнил инспектор Чандлер, – а потом этот язвенник Пинхорн с участка на Леман-стрит, которому место в рядах членов Общества трезвости, разругался со своей знаменитой тещей, и не только разгромил бордель, но и со злости разломал там

всю мебель.

– Да-да, а я не захотел тогда связываться с ним и суперинтендант Арнольд по моей просьбе отдал приказ Пинхорну! – обрадовался инспектор.

– Рейвнскрофт хотел закрыть этот бордель потому, что именно в нем мне удалось сфотографировать его в одной компании с тамошней проституткой, – сказал Фаберовский. – На этом моя миссия была закончена. Но когда мой напарник Диббл отправился к его жене получать деньги, он был убит и брошен в реку, а пани Ядвига, которая оказалась вовсе и не женой мистера Рейвнскрофта, бесследно исчезла.

– Печальная история, – вздохнул Рид. – И все же, что ты хочешь нам сообщить?

– Я была с Эммой в Банковский праздник в ту ночь, когда ее убили в Джордж-ярде, – сказала проститутка. – В «Двух пивоварах» мы с ней познакомились с гвардейцами – капралом и рядовым – и потом почти до полуночи шлялись по кабакам. После «Белого оленя» мы решили перейти к делу. Она пошла со своим рядовым в Джордж-ярд, а я с капралом – в Анджел-элли. Примерно через полчаса мы с капралом расстались на углу Джордж-ярда. Он пошел к Олдгейту, а я в Уайтчепл.

– Это очень интересно! – сказал Рид. – А у покойной были размолвки с ее клиентом?

– Нет, – сказала Пол. – Была ссора из-за денег, но не с покойницей Эмми. Мы все были добрыми друзьями. Мы разо-

шлись без всяких оскорблений.

– Попозже я тебя еще допрошу, – сказал инспектор, – а пока посиди у Чандлера. Еще один вопрос: ты сможешь опознать ваших солдат?

– Конечно, если вы мне их покажете.

– Может быть завтра? Я договорюсь с командиром шотландских гвардейцев, чтобы он построил для тебя на плацу в Тауэре всех рядовых и капралов, находившихся в увольнении в ту ночь.

Жемчужная Пол согласилась и инспектор Рид поинтересовался у Фаберовского, не желает ли он поприсутствовать на опознании. Поляк согласился, сочтя очень полезным для себя завязать более тесные сношения с начальником всех детективов Эйч-дивизиона, и они договорились встретиться на площади Тауэр-Хилл в одиннадцать утра.

* * *

Артемий Иванович развернул бутерброд, заглотив его и, сунув салфетку в карман, с облегчением двинулся вдоль Майл-Энд-роуд, на ходу отряхивая крошки с украшенного часами брюшка.

На улице было холодно и пасмурно. Артемий Иванович взглянул на небо и вытянул руку ладонью кверху. Но с неба ничего не капало. Какая-то маленькая девочка, стоявшая на тротуаре, тоже протянула к нему руку в надежде, что Ар-

темий Иванович положит в нее что-нибудь, но Владимиров досадливо отмахнулся от нее и потянулся за часами, чтобы взглянуть на время. Внезапно на месте своих часов он почувствовал чью-то чужую руку. С цепкостью настоящего классного надзирателя Владимиров ухватился за эту руку и вперил взор в ее владельца. Нахалом, покусившимся на его часы, оказался Скуибби, тот самый вор, с которым их познакомил Оструг, и который обещал найти к сегодняшнему дню помещение для динамитной мастерской.

– Полиция! – заорал Артемий Иванович, не отпуская руку вора. – Караул! Грабят!

Чарльз Скуибб был силен, но и Владимиров тоже не был слабаком. Особенно, когда дело касалось его личного имущества. Вор уже и сам не рад был, что выбрал в качестве жертвы этого русского. Он отпустил часы с цепочкой и теперь прилагал отчаянные усилия для того, чтобы вырваться от Артемия Ивановича, тем более что на помощь тому уже спешили два констебля.

Скуибби размахнулся и заехал Владимирову в ухо. От неожиданности Артемий Иванович разжал руку и Скуибби отскочил в сторону. Не дожидаясь, пока констебли навалятся на него, вор, растопырив два пальца, ударил ближайшего полицейского в лицо, целясь в глаза. Затем он подобрал с земли половинку кирпича и метнул во второго. Второй констебль был уже достаточно пожилой и, не сумев уклониться от кирпича, принял его на грудь. Второй кирпич попал кон-

стеблю в шлем, но в третий раз Скуибби промахнулся.

Он бросился наутек и исчез где-то на Брейди-стрит. Гордый своей победой, Артемий Иванович направил свои стопы к рекомендованному Фаберовским Залу собраний. Миновав станцию подземки, «Слепого нищего» и пивоваренный завод, он прошел Сидни-стрит, затем еще несколько улиц и остановился напротив здания Большого Зала.

Дверь распахнулась и на улицу вывалила тьма народу – большей частью характерной еврейской внешности. Те, кто не принадлежали к избранному народу, судя по виду, были либо англичанами, либо восточными славянами. С невообразимым шумом анархисты остановились тут же при дверях и начали галдеть и махать руками, словно торговали селедкой вразнос где-нибудь на рынке в Бердичеве. Среди них сновала немка лет за сорок. Она совала всем толпившимся и просто проходящим скверно напечатанную газетку "Freedom" – «Свобода». Единственным, кто безропотно купил газетку, был Артемий Иванович, которому она была нужна для присовокупления к рапорту Рачковскому.

– Простите, а товарища Захарова среди вас нет? – ухватил он одного из анархистов.

– Я Захаров, – обернулся тот, оказавшись тем, кого искал Владимир, – а что?

Артемий Иванович пожал ему руку.

– Выпить мне надо, – сказал Захаров. – А то здесь кроме кофе с молоком и выпить-то нельзя ничего. Пойдемте в

«Корону», вы угостите меня пивом.

– Почему это я должен угощать? Вы же меня приглашаете!

– Не вы, так кто-нибудь другой пригласит. Там в это время обычно Курашкин околачивается.

Послушно проследовав за Захаровым, Артемий Иванович вошел в кабак под вывеской, изображавшей корону.

– Я же говорил! – воскликнул Захаров. – Вон и Курашкин. Тарас, ты угостишь нас с товарищем пивом?

– А вы, по часам дываясь, живете не в Ист-Энде? – спросил Тарас, заказывая всем троим пива.

– Туточки, в Уайтчепле, – осторожно ответил Артемий Иванович. В гости не приглашаю-с, покуда своего жилья не заимею-с.

– А чога це вас до нас занесло? Спивчуваете?

– А если по-русски?

– Он спрашивает: Сочувствуете? – пояснил Захаров.

– Интересуюсь.

– Мы маемо, на мий погляд, потрибну вам литературу, – сказал Курашкин. – Я мог бы прыслати их на вашу адресу, якщо б його знав.

– Мне книжки посылать трудно, – сказал Владимиров, прикрываясь пивной кружкой. – По разным местам пока кочую. Вы их лучше домой заберите, а я к вам попозже зайду и возьму почитать. Вы где живете?

– Давайте свидимся в клуби на Бернер-стрит. Як вас запысаты, щоб я не забуду?

Артемий Иванович улыбнулся еще шире. У него больше не было сомнений – Курашкин тоже шпик. Но вот кому он служит?

– Да вы так и пишите – товарищ Артемий, – сказал Владимиров, ставя пустую кружку на стол.

– Так вы Сруля Эвенчика знаете? Хиба вы не бачили нашего Сруля?

– Никого я не знаю. Никаких срулей, кроме старины Энгельса.

– Мы вас с ним познакомим, – утешил Захаров, панибратски похлопав Владимирова по плечу. – Заходите к нам еще.

– Когда же вы соберетесь в следующий раз? – спросил Артемий Иванович.

– По нашей просьбе товарищ Шабсельс согласился повторить свой доклад о борьбе с заграничными агентами Охранки в клубе на Бернер-стрит и поделиться личным опытом в ближайшую субботу.

– Я где-то уже слышал об этом товарище. Думаю, я приду-с его послушать. Небезынтересно узнать, как же борются здесь, за границей, пламенные революционеры с подлой царской охранкой. До скорого свиданья! – Артемий Иванович встал и, откланявшись, с некоторым креном вышел на улицу, где тотчас столкнулся с двумя юными девушками.

– Приятные барыньки! – Артемий Иванович галантно изогнулся, приподняв котелок.

С приезда в Лондон Владимирову стало везти на женщин.

Сперва Ханна Мандельбойн, потом Пенелопа с докторской женой, теперь вот на него и на улице барышни внимание обращают.

Девушки улыгнулись. Одна из них, с огненно-рыжими волосами, убранными под кокетливую черную шляпку, отцепила от своей жакетки искусственный белый цветок и приколола Владимирову к лацкану пиджака.

Замурлыкав, словно мартовский кот, Артемий Иванович потянулся к девушкам, но они, игриво подмигивая, пригласили его следовать за собой. Взяв обеих под ручки, Артемий Иванович покорно поплыл по переулку прочь от оживленной улицы. Завернув за угол, он увидел еще несколько барышень, ожидавших своих подруг.

– И эти тоже мне? – спросил он, слегка испугавшись. – Но у меня нет столько денег!

Вопрос был даже не в деньгах. Артемию Ивановичу нравилось женское общество. К женщинам он испытывал большей частью платонические чувства, питаемые взаимным интересом к его особе. Во встретившихся ему барышнях он усмотрел какую-то угрозу. Они не смотрели на него с восторгом и обожанием. Их взгляды показались ему плотоядными.

Чтобы не показаться трусом, он подмигнул рыжей девице и приобнял ее за талию. Однако окружавшие его милые дамы, не понимая по-русски, продолжали, видимо, считать, что денег посетившего их достойного джентльмена хватит на всех.

Рыжая девица сняла с себя шейный платок и накинула на плечи Артемию Ивановичу. Это потрясло его до глубины души. Даже в Париже, не говоря уже о Щербаковом переулке, заигрывая с мужчинами, барыни не доходили до таких высот обольщения, как повязывание своего платка на шею понравившегося кавалера. И вовсе они не плотоядные, а очень даже милые! У Артемия Ивановича перехватило дыхание. Он попробовал вздохнуть, но затягивающийся все туже и туже у него на шее платок и рука рыжей девицы, зажавшая ему рот, не дали это сделать. Владимиров почувствовал, как казавшиеся только что такими прекрасными девицы стопудовой тяжестью повисли у него на руках. Его дорогие часы вместе с золотой цепочкой, только что вырванные из ловких пальцев Скуибби, мгновенно испарились. Множество рук начали шарить по его телу. Чьи-то тонкие ловкие пальцы влезли в карман, безбожно щекоча нежное брюшко Артемия Ивановича.

– Ой-ой-ой, не надо! – закричал он, извиваясь. – Мне же щекотно!

Гомерический хохот Владимирова привлек внимание полицейского. Полицейский свисток заставил девиц мгновенно исчезнуть. Оставшийся без опоры, Артемий Иванович плюхнулся прямо на мостовую, но тут же вскочил и дал деру, памятуя, что в полицию ни в каком разе никогда не стоит попадаться.

До Эбби-роуд он добрался только к вечеру, претерпев в

своём путешествии столько мытарств, что даже не смог объяснить толком Фаберовскому, каким образом это ему удалось. Поляк сразу заметил его помятый костюм, отсутствие часов и бумажный цветок на лацкане.

– Чьи прелестные ручки на этот раз учинили такой беспорядок в доселе безупречном облике пана Артемия? – спросил Фаберовский. – От кого у пана в петлице этот цветок из кладбищенского венка?

Артемий Иванович молча проглотил издевательства поляка. Заплатив и за Владимирова, Фаберовский повез его к себе домой.

Дома поляк провел Владимирова прямо в гостиную. В прошлое свое посещение Артемию Ивановичу не довелось побывать здесь и он с болезненной завистью огляделся – ему всегда мечталось иметь свой собственный домик, а не таскаться по гостиницам и меблированным комнатам. Посреди гостиной стоял круглый стол, стулья, несколько покрытых летними чехлами от пыли кресел и небольшой столик у камина. В углу у стены – два больших мягких дивана-честерфилда с подлокотниками. Место у окна занимала пальма в деревянной кадке, в простенке между окнами висели большие швейцарские часы красного дерева с безжизненно свешивавшейся из окошка на пружине кукушкой. Стены были увешаны портретами и фотографиями в резных рамках, а на каминной полке стояла особняком фотография пожилого джентльмена с густыми бакенбардами.

– Отец Розмари, – пояснил Фаберовский.

– Господи, а это что за черт усатый?! – воскликнул в неприятворном ужасе Владимиров, уставившись на одну из фотографий.

– А это уже мой отец, – с обидой ответил поляк.

– Какой-то тут у вас беспорядок, – сказал Артемий Иванович. – Все должно быть на своих местах.

Подтянув на часах гирию, Владимиров рачительно заправил кукушку обратно.

– Ну, и для чего пан это сделал? – спросил поляк. – Ведь она теперь будет коковать!

– Так положено! – Артемий Иванович решительно направился к пальме и пристроился под ней в кресле.

– Пан начинает меня удивлять. Сперва он обнимается с Энгельсом в каком-то клубе, потом эти картинки в Гайд-парке, а теперь цветок на лацкане после встречи с анархистами.

– У меня нет больше картинок, – мрачно ответил Артемий Иванович. – У меня их отобрали.

И он зарыдал от долго сдерживаемой обиды.

5.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТА-
МЕНТА ПОЛИЦИИ
ПИСЬМО ВЛАДИМИРОВА – РАЧКОВСКОМУ
29 июля/10 августа 1888 года

«Гранд-отель»

Лондон

Милостивый государь Петр Иванович!

Ввиду того, что я постоянно занят подготовкой убийств и совсем тут ни с кем не встречаюсь, я не могу пока узнать ничего о Шабсельсе и о том, сколь важную роль он играет в здешних радикальном и революционном мирах.

Был как-то у Новиковой, и скажу я Вам, ейного вранья на свинье не объедешь.

Готовый к услугам

Гурин

Глава 10

16 августа, в четверг

«Таймс»

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ. – Вход с 10 до 10. 1 шиллинг. – **ОРГАННЫЙ КОНЦЕРТ:** Опера 3:00 (от 1 шилл. до 5 шилл.); военные оркестры в угодьях, 3:30; представление д-ра Холдена, 4:30, 6:15, 7:15 (6 пенсов и 1 шиллинг); фейерверки, 8:30; Волшебный Балет, 9:15 (свободно); картинная галерея, открыта весь день (свободно); тобогган; Кверхтор-машная железная дорога; панорама (1 шиллинг)

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ. – Компания Большой Английской Оперы м-ра Дж. У. Турнера, СЕГОДНЯ, в 3, в «ФАУСТЕ» Гуно. Оркестр Хрустального Дворца. Дирижер м-р Т. Э. Туррелл. Сидения, от 1 до 5 шилл. Распределение ролей см. под часами.

ФЕЙЕРВЕРКИ. – **ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ.** – ЭТИМ ВЕЧЕРОМ, в 8:30, К. Т. Брокком и Ко., второе **ДЕТСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**, включая серию огромных живых картин, изображающих историю «Дома, который построил Джек». Десять тысяч детей могут наблюдать представление без дополнительной оплаты.

ФЕЙЕРВЕРКИ. – ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ. – ЭТИМ ВЕЧЕРОМ, в 8:30, ЖИВЫЕ ФЕЙЕРВЕРКИ – Белокурый Осел. – Живые фейерверки – представление «Панч и Джу-ди». – Живые фейерверки – Боксеры.

В течение всего лета каждый четверг Хрустальный дворец в Сиднеме и окружающий его парк заполнялся к вечеру гуляющей публикой, желавшей поглазеть на иллюминацию и большие огненные фейерверки известной фирмы К. Т. Брока и Ко.

Большая компания молодежи, полтора десятка молодых денди и их дам, практически все занимавшиеся в Фехтовальном клубе, приехали сюда, чтобы взглянуть на маленькую акварель кисти миссис Эстер Смит под названием «Ночной цветок», впервые выставленную в картинной галерее мистера Уосса по протекции одного из членов Союза Искусства Хрустального дворца, с которым она познакомилась по пути на занятия в университете при Хрустальном дворце, которые посещала уже третий год.

Выразив учтивое восхищение талантами миссис Смит, компания покинула выставку и, дойдя по галерее, которая тянулась на всю длину дворца вдоль центрального пассажа до главной лестницы, остановилась у чугунных перил, откуда можно было посмотреть на бродившую внизу публику. Пассаж был разделен на множество так называемых дворов Прекрасных Искусств – Египетского, Греческого, Католи-

ческого, Альгамбрского, Византийского, Романского, Средневекового, Ренессансного, Помпейского и Китайского, – и было интересно наблюдать, с каким глубокомысленным видом разглядывали респектабельные леди и джентльмены какую-нибудь копию западного фасада Тинтернского аббатства в Монмоутшире или часть фасада из Гуисборского аббатства в Йоркшире, а потом тайком зевали в рукав, стараясь, чтобы другие не заметили этого.

Среди молодых и веселых лиц выделялось мужественное усатое лицо пожилого армейского полковника, облаченного в парадный красный мундир и белый шлем, с тяжелым палашиком на левом боку. Это был полковник Каннингем, старый служака, преподававший в Фехтовальном клубе главный и единственный предмет – владение холодным оружием.

– Нет, джентльмены, чтобы вы не думали, а военная служба – единственное пристойное занятие для мужчин, – говорил полковник своим юным товарищам, которых взялся сопровождать. – Особенно в колониях. Одной холерой я болел восемь раз! Увлекательное занятие. А дизентерия и вовсе не проходит.

– Меня всегда поражает в ваших рассказах, полковник, отсутствие подвигов, словно в колониях их вовсе нет в жизни наших солдат и офицеров, – сказала Эстер.

– А их и нету. Какой может быть героизм для солдата в том, чтобы сечь тощие сраные задницы индийцев и неделями не вылезать из грязных полковых борделей! Впрочем, есть

место и для подвигов. Представьте, например, что вы играете в поло. Под вами горячий пони, в руках молоток и вы вот-вот загоните мяч в ворота. И вдруг вы чувствуете, что у вас опять приступ дизентерии. И всего тридцать секунд на то, чтобы спрыгнуть с лошади и домчаться до нужника, прежде чем вы наделаете в штаны.

– Не забывайте, полковник, кругом дамы! – воскликнул Гримбл.

– Да, да, кругом дамы, доктор Гримбл, – подтвердил Каннингем, – и они заключают пари: успеете ли вы добежать или нет! И вы выкладываетесь изо всех сил и несетесь совсем как те два джентльмена внизу, отталкивая любого, кто может оказаться на вашем пути к спасению.

– Эстер, посмотри! – воскликнула Пенелопа. – Это же мистер Фейберовский со своим русским другом!

И она показала вниз, где Артемий Иванович, расталкивая гуляющих, с выпученными от возбуждения глазами пробирався в сторону Аквариума, то и дело подпрыгивая, словно мячик. За ним едва поспевал Фаберовский, прижимая к себе огромную кипу цветов и связки корзинок с фиалками.

– Степан, быстрее к аквариуму! – крикнул Артемий Иванович, на мгновение приостановившись.

– Мы там уже пять раз были.

– Но вдруг та восьминогая рыба уже рассосалась!

– Пана Артемия туда больше не пустят.

– Тогда давай еще раз сходим посмотрим ватерклозет!

Там вода педалью спускается.

– Лучше застегните штаны. Зачем пан Артемий вообще их расстегивает, ведь он там ничего не делает, только на педаль по двадцать раз давит?

С момента выхода из поезда на станции Хай-Левел и до настоящего времени все чувства Артемия Ивановича находились в беспрестанном и хаотичном возбуждении, порождая невероятные и необъяснимые желания, которые он часто даже не успевал дожелать до конца, прежде чем новые хотения и нужды овладевали им. Стеклянная громада Хрустального дворца потрясла его, она просто раздавила его своими невероятными размерами. Как очумелый Артемий Иванович принялся носиться из одного отдела дворца в другой, выбегать в парк и даже едва не упал в Доисторическое Озеро, испугавшись гигантской фигуры плотоядного ящера, больше похожего на увеличенную копию зубастой лягушки, статуя которой стояла среди других разбредшихся вокруг водоема доисторических чудовищ. Эта лягушка показалась Владимиру воплощением расплаты за его женевский промысел. Затем он забрался на самую северную из водонапорных башен и долго силился разглядеть Остров Любви с Тауэром, но низкая облачность и смог над Южным Лондоном помешали ему сделать это. В Аквариуме он показал кукиш скату и дразнил осьминога, расплющивая о стекло покрасневший от возбуждения нос, отчего осьминог очень обижался и покрывался багровыми пятнами, пока вовсе не выпустил чер-

нильную струю, скрывшись от глаз за черной завесой. Еще четыре раза Артемий Иванович заставлял поляка платить за вход, возвращаясь после очередного круга по парку и дворцу в надежде увидеть, что черное облако растворилось в циркулирующей воде и он может разглядеть то, что осталось от лопнувшей у него на глазах странной рыбы с клювом и ногами. Владимиров даже порывался сбегать на Уэстоу-Хиллскую ярмарку к Дымшицу, но Фаберовский не пустил его и вынужден был купить леденец на палочке. На какое-то время Артемий Иванович успокоился, он только извозюкался в липком леденце и грудь его жилетки и сюртука пришлось отмывать в фонтане. Последним из осуществленных желаний Владимирова стало море цветов, которое он решил подарить своей возлюбленной Пенелопе, чтобы уговорить ту перебраться на конспиративную квартиру, куда Харрис уже доставил мебель.

– Прошу прощения, леди, я позволил себе лишнее, – сказал полковник Каннигем, отходя от чугунных перил галереи, через которые он перегнулся, чтобы лучше разглядеть двух джентльменов, о поведении которых в Гайд-парке был осведомлен весь Фехтовальный клуб. – Рассказы о борделях и соревнованиях на быстроту не для дамских ушей. Хотя однажды супруга генерала Робертса выиграла на мне пари в сто фунтов! То, как ваши знакомые, мисс Пенелопа, носят по дворцу, больше напоминает мне одну мою встречу с тигром...

– Это когда же вы охотились на тигров, полковник? – спросила Эстер.

– Чтоб не соврать, леди и джентльмены, я ни разу не охотился на тигров. А в мою встречу с тигром скорее он охотился на меня. И если бы не мой верный слуга, который бежал медленнее меня, быть бы мне у тигра в желудке. Кстати, мои юные друзья, какая может быть из этой истории извлечена мораль? Необходимость физической подготовки! Вы посмотрите на того высокого джентльмена с цветами, он уже задыхается и не в состоянии развить приличной скорости. А тот, что поменьше, высовывает язык, как убегавшаяся гончая.

– Разве вы не могли развернуться и уложить тигра метким выстрелом из винтовки? – спросила Эстер, которую всегда тянуло к героическому и необычному.

– Что вы, леди! – полковник подкрутил ус. – Вы когда-нибудь пытались бегать с винтовкой? Ее я бросил в первую очередь, едва увидел тигра.

– А сабля?

– С саблей оказалось сложнее. Ее очень неудобно отстегивать на бегу, – полковник Каннингем похлопал по палашу, висевшему у него на боку. – Проще на ходу снять штаны через голову. Но от сабли я тоже быстро избавился. Это меня и спасло.

– А вот ваш знакомый, полковник Маннингем-Буллер, утверждал, что убил однажды целых трех тигров за один

день.

– Миссис Смит, мы делили с Буллером и еще четырьмя молодыми офицерами бунгало и двух слуг в течении пяти лет, и за это время он даже не удосужился узнать, с какого конца заряжается ружье. А когда на глазах у всего полка он попытался зарядить «снайдер» со ствола, уперев его прикладом в ногу, затвор прищемил ему... Во общем, с тех пор он стал человеком образцовой нравственности. Если бы не ваш муж, миссис Смит, у него и детей бы никогда не было.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что он избавил полковницу от бесплодия. Кстати, на эту тему есть хороший анекдот. Приходит однажды муж домой... Но нет, я не могу рассказывать это при дамах. Как-нибудь напомните мне после занятий в клубе, когда дамы разойдутся, я вам расскажу.

И полковник Каннингем расхохотался.

Молодые джентльмены поддержали его и даже некоторые дамы позволили себе хихикнуть.

– Мисс Пенелопа, смотрите, опять те джентльмены, – воскликнул Каннингем и вновь перегнулся через перила. Вся компания тут же выстроилась с ним рядом, джентльмены спешно поправляли монокли, а юные леди доставали из ридикюлей лорнеты.

– Стой, холера, стой! Не могу, в боку колет! – Фаберовский остановился посреди толпы, поймав наконец Владимирову за шиворот. – Я тебя третий раз в парке искать не буду!

На меня и так уже в ватерклозете служащие пальцами показывают!

– Малохольный ты какой-то, Степан, – запыхтел Артемий Иванович, расстегивая ворот рубахи. – И нервный. Бегаешь. Суетишься чего-то. Совсем меня загонял. Не возьму я тебя с собой больше. И жадный. Подумаешь, леденец купил! Я и сам его мог себе купить. Лучше бы пива поднес. С рыбкой. Слушай, а осьминогих рыб к пиву подают? Или ту большую камбалу с длинным хвостом? На такую камбалу бочку пива нужно. Пошли куда-нибудь, пить хочется. Как называлась та шипучка, что мы пили на скейтинг-ринге? «Шмякс-с-с»?

– «Швепс». Шмякс сделал пан Артемий, когда надел роликовые коньки на свои копыта.

– Ты мои ноги не трожь! Получше, чем твои ходули! И перестань совать мне в нос эти дурацкие цветы! Взятся носить – так носи!

Фаберовский в сердцах бросил на пол цветы и корзинки с фиалками, чем вызвал внимание со стороны окружавшей их с Владимиром публики. На галереях этот жест не остался незамеченным. Один из фехтовальщиков даже позволил себе отпустить замечание, которое могло показаться Гримблу оскорбительным:

– Представляю, как эти двое ввалились в вашу коляску с корзинами цветов, доктор Гримбл. Вот была, наверное, умора!

– Не вижу в этом ничего смешного! – осадил спортсмена

Гримбл. – Это во-первых. А во-вторых, ввалился один только Гурин!

Пенелопа отошла в сторону и облокотилась на прохладные перила. Оркестр играл вальс Вальдтейфеля и ее мысли, повинувшись свободной и легкой мелодии, уплыли прочь от действительности, от занудного и утомительного Гримбла, от полковника с его однообразными солдатскими шутками, от спортсменов и дам из Фехтовального клуба с их глупыми тщеславными замашками на исключительность и независимость от условностей и мнения общества. Пенелопа глядела на Фаберовского с охапкой цветов, о чем-то бурно объяснявшегося внизу с Гуриным, и ей вспомнилось, как весной к ним в дом впервые приехал поляк, только что познакомившийся с доктором Смитом, с вот такой же охапкой цветов. Она почувствовала тогда в Фаберовском какую-то необычную целеустремленность, свободу и благожелательность, какой не было ни у кого в ее окружении. Поляк откровенно восхищался Пенелопой, не подразумевая никаких обязательств с ее стороны, что давало возможность и ей чувствовать себя с Фаберовским свободно и непринужденно. Она не удивилась бы тогда, узнай, что он влюблен вовсе не в нее. Это не казалось ей чем-то предосудительным и мешающим их отношениям. Поляк умудрился даже отца расположить на недолгое время, чего до тех пор не удавалось никому, даже Гримблу, хотя он считался другом семьи Смитов. Фаберовский возил ее несколько раз в «Лицеум» на Шекспира в по-

становке Ирвинга и охотно разговаривал с ней на любые темы, будь то искусство или биология, лабораторные работы по которой с большим трудом давались ей в Бедфордском колледже для леди. Никто из ее знакомых просто не считал нужным разговаривать с нею, считая это пустой тратой времени. И она не на шутку влюбилась в поляка, но потом у того произошла какая-то крупная ссора с ее отцом, и с тех пор несколько месяцев, до встречи в Гайд-парке, она не видела его.

– Не слишком ли пристально вы смотрите на мистера Фейберовского, мисс Пенелопа? – вывел ее из мечтаний доктор Гримбл. – Я нахожу это не совсем приличным. В конце концов он вам никто!

– Вы тоже, мистер Гримбл!

– Напротив, Пенелопа, все те цветы и другие подарки, не говоря уже об издержках на ваши поездки с миссис Смит в различные увеселения вроде Хрустального дворца стоили мне больших денег. Но не думайте, что я делал это из корыстных целей. Я порядочный человек и джентльмен, и не собираюсь колоть вам глаза расходами, которые понес и еще понесу ради вас.

– Я счастлива, доктор Гримбл, что не должна вам денег. Если я, конечно, правильно поняла вас. Вы очень благородны.

Тем временем Фаберовский, чувствуя неудобство от внимания окружающих, собрал цветы и теперь было видно, как

Артемий Иванович куда-то зазывал его, показывая рукой в сторону южного выхода.

– Должно быть, собираются вскочить еще в чью-нибудь коляску! – отпустил шутку один из фехтовальщиков и все остальные громко засмеялись.

– Вот вы все смеетесь, а между тем ничего смешного в этом нет, – разозлился Гримбл. – Гурин не только нанес оскорбление нам с доктором Смитом, но еще и скомпрометировал обеих дам в глазах гулявшего в это время в парке общества. И никаких объяснений от мистера Фейберовского мы не получили.

– А вы их и не требовали. Вы первый закричали: «Едем, едем!» – зло бросила Пенелопа.

– Пенни, что ты делаешь! – попыталась удержать ее Эстер.

– Я не могу сдержаться, Эсси. Все эти глупости, которые кругом говорят, пошлые сентиментальные картинки в галерее... Лучше бы я осталась дома!

Кто-то из спортсменов сказал, глядя вниз:

– По большому счету следовало бы проучить мистера Фейберовского, посмевшего водить свою дикую обезьяну в публичные места, вместо того чтобы держать ее на привязи!

– Вы только представляете, леди и джентльмены, он посмел сбить цилиндр с головы такого уважаемого человека, как доктор Смит! – поддержал его Гримбл.

– Между прочим, и с вашей тоже, – сказала Пенелопа.

– Пойдемте, потребуем у него удовлетворения! – дружно

зашумела толпа.

– Эти негодяи заслуживают палки!

– Господа, мне кажется, что требовать удовлетворения у того джентльмена – дело исключительно личное самого доктора Гримбла и мужа миссис Смит.

– Вы же видите, полковник, какого удовлетворения доктор Гримбл может потребовать! Теперь это дело касается не только репутации миссис и мисс Смит, это дело чести для всей Британии.

Полковник Каннингем, как истинный британец, не мог игнорировать подобное обвинение, да и с русскими у него были свои счеты, то тем не менее он считал, что в данном случае требовать каких-то объяснений от поляка неправильно, и решил отвлечь разгоряченных юнцов. Это же пришло в голову и Эстер, которая раскрыла программку, бесплатно раздававшуюся при входе во Дворец, и сказала:

– Скоро мистер Эйр начнет концерт на Большом генделевском органе, может нам следует занять места получше? Или мы решим послушать симфонический оркестр Компании Хрустального дворца под управлением мистера Огаста Маннса?

– Нет, леди и джентльмены, – возразил полковник. – Я ни черта не понимаю в вашей музыке. Что толку слушать пиликанье какой-нибудь скрипки? Я чую, в парке должен играть военный оркестр. Вы слышите трубы и барабаны с литаврами? Клянусь Богом, джентльмены, это лучшая музыка

на свете! Пойдемте в парк!

Поляка и Артемия Ивановича внизу уже не было, поэтому спортсмены довольно легко согласились на предложение Каннингема.

– Ты в своем уме, Пенни?! – взялась выговаривать падчерице миссис Смит, когда они спустились вниз и вышли из здания дворца в ночной парк. – Неужели ты не видишь, что они как собаки, почуявшие лису? Им нужен только сигнал, чтобы броситься на добычу.

– Я не могу больше терпеть всю эту глупость.

Пенелопа умолкла и рассеянно подняла глаза к небу, куда со свистом устремлялись запускаемые пиротехниками разноцветные фейерверки, хлопая и шипя над головами и бросая отблески на низкие тучи. Яркие электрические огни разгоняли темноту на аллеях парка. Позади, поражая воображение, светится огромный стеклянный корпус Хрустального дворца. В струях фонтанов играли блики иллюминации и огненных колес, вертевшихся на шестах между деревьями, а между темных масс кустов вдоль дорожек полз сизый дым, кисло пахнувший порохом и селитрой.

– Мне действительно нравится Фейберовский, – сказала Пенелопа.

– Я поняла это еще весной, – откликнулась Эстер. – Но это еще не повод для того, чтобы делать себя посмешищем для своих друзей. Может быть, мне тоже понравился мистер Гурин, он такой оригинальный и необычный. Я же не кричу

об этом на каждом углу. К тому же на твоём месте я не стала бы строить планов в отношении мистера Фейберовского. Он не слишком завидный жених, он католик и инородец, так что он тебе не пара. Сначала устрой свою жизнь, а потом уже думай о любви.

– С кем же, по-твоему, я должна устраивать свою жизнь? Уж не с Гримблом ли?

Пенелопа посмотрела вслед Гримблу, тактично позволившему дамам отстать, и лишь изредка слегка поворачивавшему голову в великолепном цилиндре, чтобы краем глаза убедиться, что они на месте и никто не пытается завести с ними знакомство. При взгляде сзади особенно бросалась в глаза нелепость его костюма, сшитого по последней моде: визитка с мешковатой спиной, тесные полосатые брюки с подвернутыми штанинами и остроносые лакированные туфли с короткими гетрами. Гримбла не принимали как своего члены Фехтовального клуба, они шли впереди шумной толпой, дамы шествовали отдельно, обсуждая русских знакомых Эстер и Пенелопы, а мужчины кучковались вокруг полковника Каннингема, то и дело разражаясь хохотом – видимо, старый солдат рассказывал обещанные анекдоты. Военный оркестр играл около громадной, в четверть натуральной величины модели Тауэрского моста, строившегося через Темзу близ Тауэра, и полковник уверенно вел своих подопечных прямо на знакомые звуки марша.

– Полагаю, Энтони Гримбл довольно выгодная *parti* для

тебя, – сказала Эстер. – Энтони – ученик доктора Смита и со временем унаследует его практику.

Повинуясь указанию полковника, гуляющие направились вокруг бассейна Южного фонтана, через который и была перекинута гигантская модель. Эстер умолкла, любуясь освещенными по всем своим контурам башнями будущего моста, но тут Пенелопа привлекла ее внимание к двум мужским фигурам, стоявшим по другую сторону бассейна.

– Если мы пойдем вокруг, мы обязательно встретимся с мистером Фаберовским и мистером Гуриным, и тогда не избежать некрасивой сцены, если не чего-нибудь худшего.

– Нам надо остановить наших джентльменов, – решительно сказала Эстер. – Доктор Гримбл, догоните полковника. Я устала ходить и хотела бы передохнуть тут немного, полюбоваться иллюминацией моста и фейерверком.

Мужчины послушно вернулись и остановились неподалеку, всецело увлеченные рассказами Каннингема. Это дало Эстер и Пенелопе возможность наблюдать за Владимировым и Фаберовским издали, дожидаясь, когда они покинут берег бассейна. Между теми, однако, происходил какой-то конфликт, судя по тому, как поляк агрессивно наступал на Артемия Ивановича, а тот растерянно оправдывался. Внезапно разъяренный поляк схватил Владимирова за ворот и стал трясти его, свободной рукой указывая куда-то. Артемий Иванович не пытался сопротивляться, он полез за пазуху, достал оттуда тощий юфтевый бумажник и всучил поля-

ку. Тот бесцеремонно залез внутрь, выкинув оттуда какие-то бумажки, и положил его к себе в карман. Затем принялся обыскивать Владимирова с ног до головы.

– Вот видишь, Пенни, – сказал Эстер Пенелопе. – И ты допускаешь мысль, что с таким человеком для тебя возможно связать свою судьбу! Посмотри, как грубо он ведет себя со своим другом. Да он просто разбойник какой-то с большой дороги! Без сомнения, сейчас он заставил мистера Гурина отдать ему деньги. И мистер Фейберовский вовсе не Робин Гуд. Мистер Гурин человек простодушный и доверчивый, и мне кажется, что вся цель торговых отношений Фейберовского с Гуриным состоит в том, чтобы облапошить его.

– Да-да, Пенни, мистер Фейберовский – человек весьма сомнительной репутации, – вмешался доктор Гримбл, который внимательно прислушивался к разговору.

– Энтони же хоть и нудный, но порядочный джентльмен, – добавила Эстер.

Из-за грохота фейерверка они не слышали, о чем шел разговор между поляком и Владимировым, к тому же они не были свидетельницами начала разговора, а возник он из-за того, что Артемий Иванович столбом замер при виде модели моста, перекинутой через бассейн, и спросил у Фаберовского: «А кто в этом балагане самый главный по коммерческой части?» Фаберовский честно назвал фамилию одного из директоров компании Хрустального дворца, но потом поинтересовался, что же задумал пан Артемий. Идея носила

глобальный характер. Артемий Иванович решил арендовать модель моста у Компании Хрустального дворца, запустить в бассейн рыб из Аквариума и устраивать каждое воскресенье состязания рыбаков, которым будут предоставляться за один фунт: место на верхней ферме моста, брезентовое ведро для рыбы, коробка с червями, которых за гроши будут копать местные мальчишки в парке, безмен, складной аршин и удочка с длинной лесой, а специальный фотограф будет фотографировать победителей с их уловом. Фотографии будут вывешиваться в одной из галерей Хрустального дворца, а также печататься в специально учрежденном бюллетене «Рыболовные ведомости». Больше всего поляка испугала кажущаяся реальность осуществления этого плана, а значит Артемий Иванович сможет даже заключить контракт, внося существенный залог, который никогда уже не будет получен обратно. Все это вкупе с накопившимся за день раздражением подвигла Фаберовского к решительному действию и он категорически потребовал, чтобы Владимиров выдал ему все оставшиеся деньги, а также часы с рубином, в которые была вложена треть полученной ими на всю операцию суммы. Оставшихся денег оказалось совсем немного – всего около двадцати фунтов, но даже энергичная тряска за ворот не заставила Артемия Ивановича признаться в потере часов.

– Мне кажется, Эсси, что мистер Фейберовский требует у мистера Гурина возврата долгов или отчета за потраченный совместный капитал, – сказала Пенелопа. – Тем более что

мистер Гурин производит впечатление не столько доверчивого, сколько беспорядочного, и, по правде говоря, не очень умного человека.

– Ты ничего не понимаешь в жизни, Пенни! Вот увидишь, если ты не будешь слушаться советов опытных людей, ты влипнешь в какую-нибудь скверную историю!

– Так вот почему вы опять завели разговор о тех двух невежах! – сказал Гримбл, тоже заметив Владимирова и Фаберовского, которые уже не ругались, а собирали с земли цветы, только что обрушенные Фаберовским Артемию Ивановичу на голову. – Посмотрите, джентльмены, эти две макаки опять забавляются с цветами, как тогда в парке, а ведь эти цветы специально для нынешнего цветочного шоу выращивали лучшие садовники Англии!

– Пойдемте, надерем им уши! – выкрикнул кто-то, и джентльмены с улюлюканьем устремились вокруг бассейна к своим жертвам.

– Остановитесь! – крикнула им Пенелопа, но ее не послушали.

– Не бойся, Пенни, – сказала одна из девушек, также посещавшая Фехтовальный клуб. – Их просто проучат. Иногда надо давать понять инородцам, на чьей земле они живут.

– Мне это не нравится, – сказал полковник Каннингем. – Пойдемте скорее туда, попробуем урезонить наших молодых друзей.

И они поспешили следом за толпой разгоряченных юнцов,

которые уже достигли Фаберовского и Владимирова и обступили их кругом.

– Расступитесь, джентльмены, что вы делаете! – Пенелопа протолкалась в круг и увидела Фаберовского с целой охапкой цветов и Владимирова, затравленно оглядывавшегося кругом.

– Что им от нас надо? – спросил Артемий Иванович у поляка, но тот вместо ответа вручил все цветы Пенелопе, главным образом для того, чтобы освободить руки. Намерения окруживших его денди были прозрачны и сейчас Фаберовский более всего жалел, что не захватил с собою свою заливную свинцом трость.

Получив цветы, Пенелопа расцвела в улыбке, чем вызвала очередной приступ ревности у Гримбла.

– Вы наглец, мистер Фейберовский! – воскликнул доктор. – Я видел, как вы собирали эти цветы на земле. И вы еще смеете после этого дарить их такой порядочной девушке, как мисс Пенелопа.

– Так его, Гримбл, скажи ему еще! – подзадоривали его юнцы. – Чтобы знал.

– Степан, мне не нравятся эти мышинные жеребчики с моноклями, – сказал Артемий Иванович. – Как бы они нам морды не начистили.

– И начистят, если не отбрехаемся, – согласился поляк. – Доктор Гримбл утверждает, что я нанес оскорбление мисс Смит, подарив ей цветы.

– А ты от моего имени их подарил или от своего? Если от моего, то скажи ей, что это не просто так, что я готов взять ее на содержание. А если от своего, то разбирайся сам, я тебе не помощник в твоих глупостях.

– Что вы там обо мне говорите? – подскочил к Фаберовскому Гримбл. – Я слышал, как вы произнесли мою фамилию.

– Дерните эту макаку за хвост! – крикнули Гримблу из толпы. – Может быть она еще чего-то скажет!

– Как вам не стыдно, джентльмены! – возмутилась Пенелопа.

– Но вам же не бывает стыдно, когда вы дразните обезьян в Риджентс-парке, – возразили ей.

Кто-то зацепил Фаберовского сзади тростью, а когда он обернулся, раздался хохот:

– Ну-ка, отгадайте, мистер Гиббон, кто вас ударил?

– Осторожнее, он может кусаться.

– Да-да, он может оказаться бешеным, и тогда придется делать у Пастера сорок уколов!

– Доктор Гримбл, вы делаете уколы от бешенства или нам придется ехать в Париж всем клубом?

– Что, что они говорят, Степан? – дернул Фаберовского Артемий Иванович.

– Они обзывают нас макаками и гиббонами, и считают, что мы можем их покусать.

– Давай их и вправду покусаем. – Артемий Иванович при-

поднял верхнюю губу, с рычанием оскалив зубы.

Это еще больше развеселило юнцов.

– Куси, куси! – закричали они и стали совать Владимирову под нос свои трости.

– Вы должны немедленно прекратить это, Гримбл! – бросилась к доктору Пенелопа. – Стивен, не отвечайте им, иначе все окончится очень скверно.

– Вот, Пенелопа, посмотрите! – сказал Гримбл. – И этих дикарей из России вы считаете равными себе! И не слишком ли вы много себе позволяете, Пенни, называя этого человека Стивеном?!

– Стивен, ну, сделайте что-нибудь! Они же избьют вас!

– Простите, мисс Смит, но я вообще ничем не спровоцировал выходки этих джентльменов. Что я могу сделать?

– Ну же, джентльмены, кто решится стать той мышью, что повесит колокольчик на шею коту? – спросил кто-то в толпе.

Сам говоривший был, видимо, труслив как мышь, потому что не показался на арене, зато вышел плотный низколобый джентльмен с длинными руками, в котелке и визитке, и встал в боксерскую стойку напротив Фаберовского. Стоявшая кругом толпа ободряюще захлопала в ладоши, а Гримбл поспешил покинуть арену, чтобы ему не досталось. Артемий Иванович перестал рычать и спрятался за спину поляка.

– Перестаньте! – крикнула Пенелопа, пытаясь выйти в круг, но дамы удержали ее. – Стивен! Эстер!

– Джентльмены, вы же цивилизованные люди! – поддер-

жала падчерицу Эстер.

– Мне кажется, джентльмены, что вы переходите допустимые границы, – громко сказал своим подопечным полковник Каннингем. – Вы ведете себя недостойно.

Но его уже никто не слушал. Подбадриваемый криками, противник Фаберовского начал движение по кругу, словно выжидал удобного момента, чтобы нанести первый удар. Фаберовский поворачивался на месте, все время оставаясь лицом к боксеру, а Артемий Иванович крепко держал его за талию, чтобы постоянно оставаться у поляка за спиной. Наконец, боксер счел момент подходящим и распрямил согнутую руку, послав кулак прямо в челюсть Фаберовскому. Костяшки пальцев боксера ободрали поляку губу и он почувствовал солоноватый привкус крови. Толпа кругом взревела. Перепугавшись за Фаберовского, Пенелопа выронила цветы и бросилась искать лицию.

Еще два сильных коротких удара, хук слева и хук справа, пропали впустую, и тогда боксер нанес прямой удар, которого поляк не мог избежать, так как сзади его подпирал Артемий Иванович. Фаберовский дернулся назад, Владимиров наступил на развязавшийся шнурок и рухнул на землю, увлекая за собой поляка. Боксер не рассчитывал, что кулак его не встретит преграды, потерял равновесие и повалился вперед, а взметнувшаяся в падении нога Артемия Ивановича угодила носком ботинка боксеру прямо в пах. Даже стекла в Хрустальном дворце содрогнулись от раздавшегося рева.

Услышав этот крик, Пенелопа, ведшая констебля к месту битвы, бросилась вперед. Спешивший следом за ней констебль побежал следом, еще несколько полицейских сбегались с разных сторон, оглушительно свистя.

Протолкавших через орущую толпу, Пенелопа увидела относительно целого и невредимого поляка, помогавшего подняться Артемию Ивановичу с усыпанной растоптанными цветами земли и подававшего тому слетевший ботинок, и боксера, с воем прыгавшего вокруг них на корточках, зажав руки между ног.

– Что случилось? – спросил констебль, вставая рядом с Пенелопой.

– Эти молодые балбесы вели себя недостойно по отношению к двум джентльменам, но, кажется, вопрос улажен, – сказал полковник Каннингем.

– Вы будете предъявлять какое-нибудь обвинение? – обратился полицейский к поляку, но тот отрицательно покачал головой:

– Полковник прав, дело улажено и инцидент можно считать исчерпанным. К тому же мне будет очень сложно сформулировать обвинение.

Заметив кровь на губе Фаберовского, Пенелопа шагнула вперед, но была остановлена предостерегающим шипением Эстер и окриком Гримбла.

– Мистер Фейберовский, надеюсь, вы целы? – спросила она.

– Мы целы и невредимы, мисс Смит, – ответил поляк. – Очень неприятно, что все так получилось. Вот и мистер Гурин очень сокрушается.

– Когда же он прекратит выть? – громко спросила Пенелопа, с неприязнью глядя на боксера. – Доктор Гримбл, окажите же ему какую-нибудь помощь!

– Теперь этот джентльмен, не знаю, к сожалению, его фамилии, сможет полностью сосредоточить свои помыслы на фехтовании, не отвлекаемый низменными страстями, – заметил Фаберовский.

Пенелопа покачала головой:

– Мистеру Ходжеттсу нравилась моя подруга, мисс Флудгейт.

– Передайте ей мои соболезнования.

– Вы негодяй, вы со своим диким макаком покорежили нам всю жизнь! – подала из толпы голос мисс Флудгейт.

– Он сам напросился, – крикнул ей поляк. – Для него все могло кончиться значительно хуже.

– Он бы вас побил! – всхлипнула невидимая за спинами спортсменов мисс Флудгейт. – Он должен был вас побить!

– Если должен был, так побил бы, – проворчал поляк, трогая языком разбитую губу. – Хотя по совести то, что досталось ему, следовало бы получить доктору Гримблу.

– Мне тоже так кажется, – тихо сказала Фаберовскому Пенелопа.

– Джентльмены, давайте разойдемся, пока тут опять что-

нибудь не началось, – предложил полковник Каннингем.

– Пенни, мы должны остаться с мистером Гуриным и его другом, – сказала Эстер, восхищенными глазами глядя на Артемия Ивановича, который сосредоточенно завязывал шнурок на ботинке. – Мы должны загладить свою невольную вину перед ними.

– Вы не будете возражать, мистер Фейберовский? – спросила Пенелопа.

– Джентльмены, я полагаю, что вы проводите обеих дам до Лондона, – сказал Каннингем, когда поляк дал утвердительный ответ. – А я повезу своих оболтусов домой. И так уже они меня в такой конфуз ввели.

– Прошу прощения, полковник, – вмешался Гримбл. – Я не могу оставить обеих леди в обществе двух дикарей. Мне придется остаться с ними и проследить, чтобы с дамами ничего не случилось.

– В вашем обществе, Гримбл, мы будем находиться в значительно большей опасности, чем даже просто одни, без сопровождающих, – язвительно сказала Пенелопа, беря поляка под руку. – Кто знает, кого вы в следующий раз выберете мишенью своих низких нападков. Благодаря вам сегодня эти два джентльмена подверглись нападению толпы самых настоящих дикарей.

– Вы же слышали, Энтони, мы не желаем, чтобы вы нас сопровождали, – решительно поддержала Пенелопу Эстер. – На сегодня хватит ваших услуг.

– Действительно, доктор, – хлопнул по плечу Гримбла полковник Каннингем. – Вам следует вернуться в Лондон одному. Если вы все еще в этом сомневаетесь, то взгляните на несчастного Ходжеттса, которого всего несколько минут назад перестал выть и с которым, возможно, случится то же самое, что с несчастным Маннингемом-Буллером. И доктор Смит уже едва ли по своим преклонным летам сможет помочь вам. Тем более что мисс Пенелопа его дочь. А самолечение тут не проходит. Так что послушайтесь моего совета, доктор, езжайте в Лондон один. Нет, мне не хотелось бы видеть вас в одном с нами вагоне. У меня и от перекошенной рожи Ходжеттса зубы болят.

Полковник увел пристыженную толпу и с нею полностью потерявшего свое реноме спортсмена боксера и его, надо полагать, бывшую уже невесту. Доктор Гримбл долго стоял поодаль, потом, спросив, найдется ли у мистера Фейберовского два шиллинга шесть пенсов, чтобы купить билеты дамам на обратную дорогу, повернулся и удалился с видом побитой собаки.

– Как я этого боксера! – потер руки Артемий Иванович. – Поделом ему! Ты, Степан, сказал барышне, что я тебя просил? Ну, там, про квартиру конспиративную и прочее?

– Сказал, сказал.

– Врешь ведь! По глазам вижу. Такая дубина вымахала, а врать не научилась. Ну, да я ей сейчас сам скажу.

– Мистер Фаберовский, у вас течет кровь, – Пенелопа до-

стала платочек и, привстав на цыпочки, промокнула поляку кровь с разбитой боксером губы.

– Ничего страшного, мамзель Пенелопа, – сказал ей по-французски Артемий Иванович. – Если б не я, его б вовсе убили. Он человек ничего, этот поляк, только нехороший какой-то. Я вот вам цветов накупил на свои деньги, а он их сперва в грязи вывалял, а потом вам поднес, будто от себя. А я, между прочим, к вам не просто так, я вас готов на содержание взять. У меня уже и квартирка с мебелью снята, и горшок вам с цветочками куплен, – живите в свое удовольствие, пока я в отлучке по своим делам. А то еще можно пианино туда свезти. Степан, мне нужны деньги на пианино.

Из речи Артемия Ивановича Пенелопа поняла только про цветы и про горшок, так что заданный ею вопрос о том, не по цветочной ли части он торгует тут в Лондоне, был с ее точки зрения вполне уместен.

– Как это по цветочной? – удивился Артемий Иванович. – У нас солидное капитальное дело. У нас денег хватит, не сомневайся. И на твое содержание, и даже рыбу ногастую купить, у которой клюв промеж ног.

Артемий Иванович для наглядности показал место, где видел у осьминога клюв.

– Это не рыба, это осьминог, – недоуменно сказала Пенелопа.

– Мистер Гурин просто никогда не видел осьминогов, Пенни, – пояснила Эстер. – У них на Севере они не водят-

ся. Говорят, там до сих пор питаются сырой медвежатиной, как во времена атамана Платова. Если бы ты не побежала за констеблем, ты бы увидела, как он мастерски разделался с Ходжеттсом!

– Ну так вы пойдете ко мне на содержание? – опять поднял вопрос Артемий Иванович.

– Извините, но я ничем не могу вам помочь, – сказала Пенелопа, так и не поняв, что же хотел от нее Владимиров. Ей не нравился этот русский, и даже если он в действительности спас мистера Фаберовского, это не могло заставить ее быть с ним более приветливой.

И Артемий Иванович понял, что тут ему не рады. Его с головой захлестнула обида на эту неблагодарную молодую женщину, ради которой он так потратился, отверг ухаживания трех женщин, в том числе двух прекрасных дочерей мистера Ласка и той милашки Мандельбойн, он даже завез мебель в конспиративную квартиру! А ночной горшок с цветочком, который он лично выбрал на рынке среди тысяч безвкусных и убогих горшков без цветочков! Непрошенная слеза навернулась ему на глаза.

– Я не знаю, Пенни, чем тебя так привлек мистер Фейберовский, но если и думать о браке по любви, то я выбрала бы мистера Гурина, – жестко сказала Эстер своей падчерице. – Ты могла бы отказать Гурина как-нибудь более мягко, не оскорбляя его чувств. Не надо расстраиваться, мистер Гурин, Пенелопа еще слишком юная и потому жестокосердная

девушка. С возрастом это проходит.

– С возрастом мне неинтересно будет, – сказал, всхлипнув, Артемий Иванович. – А вам сколько лет?

– Такие вопросы женщинам не задают, – кокетливо ответила Владимирову Эстер. – Я всего на два года старше Пени.

– А вы будете моей содержанкой?

– Но я же замужем, мистер Гурин, – рассмеялась миссис Смит. – Меня и так уже содержит мой муж.

– Меньше расходов, – пробормотал Артемий Иванович.

Еще недавно ему казался очень неприятным факт наличия у миссис Смит мужа и поэтому он сразу отмел ее кандидатуру, однако теперь ее замужнее положение обернулось неожиданным достоинством. К тому же со стороны Эстер он почувствовал такую волну восхищения и восторга, что это возместило ему все неприятности и разочарование от отказа Пенелопы стать его содержанкой.

– Только как же мы с вами будем встречаться? – спросил он. – Мне, что ли, к вам заезжать? Или вы сами ко мне приехать будете? Степан, дай мне денег, я куплю мадам Смит мороженое.

Фаберовскому надо было бы отказать Владимирову в этой просьбе и немедленно отвезти того в Лондон, где устроить разбирательство по поводу растраты денег, но ему ужасно не хотелось сейчас никаких разбирательств. В парке играла музыка, гуляла веселая публика, и рядом с ними были две

красивые женщины, которые, как он чувствовал, совершенно не желали ехать домой. Если они с Артемием Ивановичем сейчас уедут отсюда, то у них, скорее всего, уже никогда не будет повода для встречи.

– Так вы, значит, не считаете, что нам пора отправляться домой? – спросил Фаберовский у Эстер с Пенелопой, отослав Владимирова разыскать мороженщика.

– Нет, нет! – в один голос заявили обе дамы. – Если вы не против, мистер Фейберовский, мы бы еще погуляли в парке. Здесь так хорошо.

Дождаясь возвращения Владимирова, они потоптались на месте, и спустя минут пять сквозь толпу к ним продрался Артемий Иванович. Сперва из темноты послышался его голос: «давай, давай, нам сюда», а потом и сам он показался, волоча за собой за ручки мороженный сундук на больших деревянных колесах. Владелец сундука, беззубый старик в фартуке и порыжевшем котелке, недоуменно плелся следом, вцепившись в свое имущество мертвой хваткой и даже несильно упираясь.

– Вот, Степан, покупай!

Фаберовский действительно не дал денег Артемию Ивановичу, но послал он Владимирова всего-навсего найти, где мороженым торгуют, а тот умудрился тут же выставить и себя самого и поляка совершенными дураками. Выбрав среди всевозможных клубничных, лимонных и иных мороженных самое дешевое, поляк попросил продать ему три порции. С

опаской поглядывая на Артемия Ивановича, мороженщик трижды зачерпывал ложкой с длинной ручкой из бидона шарик мороженого и клал его в вафельный стаканчик.

– А ты что, не будешь, Степан? – спросил Артемий Иванович.

– Нет, это пана Артемия я сегодня наказал.

– Но мне нужно два мороженных! – закричал Владимир. – Я тебе сейчас по-французски закричу, что ты жадина и скупой как жид!

– Вот тебе два мороженных! – сказал поляк и сунул под нос Артемию Ивановичу два сложенных в кукиши кулака.

– Я же говорила тебе, Пенни, – тихо проговорила Эстер. – Гримбл хотя и мрачнеет всякий раз, когда собирается купить тебе какие-нибудь сладости или лимонад, а я нахожусь рядом, но все равно держит себя в руках.

– Это хорошо, что ты мне напомнила, – улыбнулась Пенелопа. – Мистер Фейберовский, купите нам с Эстер, пожалуйста, лимонаду и миндальных пирожных.

– Это верно, Степан, – сказал Артемий Иванович. – Купи каждому по миндальному пирожному и по стакану шмякса. А мне два, раз мороженое не даешь. Да не жмоться ты, вон у тебя теперь сколько денег!

– И пойдемте покатаемся на электрических каноэ у Северной Башни, – предложила Эстер.

Фаберовский, скрепя сердце, купил дамам и Владимирову сладостей и лимонной воды. Он уже приготовился выложить

по шиллингу за каждого, чтобы проехаться по узкой водяной дорожке на лодочке, которая катилась по проложенному по дну рельсу, приводимой в действие от электрической машины при помощи цепной передачи, но к его радости Артемий Иванович категорически отказался лезть в каное, заявив, что лимонад на него плохо подействовал и они могут покататься, пока он сбегает в ватерклозет. Конечно же, он не собирался идти ни в какой ватерклозет, тем более что за сегодняшний день служитель этого заведения, состоявший при нем со времен переноса Хрустального дворца из Гайд-парка в 1856 году, впервые в жизни запомнил лицо своего клиента и последние два раза встречал Владимирова бурными аплодисментами и криками «гип-гип, ура!», лично помогая Артемию Ивановичу спускать воду. На самом деле Артемий Иванович просто боялся сесть в лодку по той же причине, по которой не хотел плыть на пароме.

В итоге бурного обсуждения электрические каное были заменены на «кверхтормашную», как выразилась по-французски Эстер, железную дорогу. Эта «кверхтормашная дорога» оказалась обычными американскими горами, чьи горбатые спины очень эффектно выглядели в темноте, освещенные разноцветными фонариками. При посадке в вагонетки Фаберовский нарочно приотстал вместе с Пенелопой, так чтобы они оказались с Артемием Ивановичем в разных тележках.

Убедившись, что Фаберовский не услышит ее, Эстер

спросила Владимирову, пока поезд из вагонеток с лязгом взбирался в гору, чтобы начать оттуда свой головокружительный спуск:

– Скажите, мистер Гурин, а каким торговым делом вы занимаетесь здесь, в Лондоне?

– Мы тут мастерскую сооружаем... театральную, – выкрутился Артемий Иванович. – Точнее, перенимаем опыт.

– Странно... Может быть, ваш друг вам не говорил, но прежде он не имел никакого отношения к театру, он занимался частным сыском.

– Он меня эта... консультирует. По своей части. Где чего частным образом сыскать, что плохо лежит, ну, там, во общем, то да се или где как...

– Просто мне показалось, что ваш компаньон, мистер Фейберовский, больше блюдет свои интересы, чем интересы вашего бизнеса. И потом, сегодняшняя отвратительная сцена, когда он шарил в вашем бумажнике, а потом отказался купить вам мороженое...

– Да поляки, они все такие... – с готовностью окунулся Артемий Иванович в волны жалости и сочувствия, которые буквально излучала Эстер. – Где вы видели поляка, чтобы он у нас, русских людей, деньги не отнимал? Они, поляки, такие жадные... А в остальном он ничего, когда не пьян и по бабам не шляется. Душка-человек. Я его очень полюбил в последнее время.

– Но вы осторожнее с ним, – сказала миссис Смит. – Мой

муж говорит, что за ним числятся некоторые темные делишки. Мне очень не нравится, что Пенелопа, похоже, увлеклась им. К сожалению, я не могу открыть ей глаза, потому что муж не сказал мне, что именно такого натворил мистер Фаберовский, и она может счесть меня клеветницей.

– Да какие за ним могут быть дела! – скептически сказал Артемий Иванович. – Он даже кукушку обратно в часы толком вправить не может. Она каждые пятнадцать минут обратно норовит выпасть да еще орет дурным голосом, мне даже пришлось ей дверцы веревочкой привязать. Так что вы за вашу падчерицу не беспокойтесь.

На вершине горы вагонетки на несколько мгновений остановились и Владимиров с недоумением взглянул вниз, в разверзшуюся перед ним бездну, в которую уходили маслянисто поблескивавшие рельсы и терялись в непроглядной мгле.

– Это что, нас сейчас туда? Но я не хочу!

И словно в ответ на отчаянный крик Артемий Ивановича служитель спустил рычаг и вагонетки с грохотом понеслись вниз. Фаберовский едва успел уклониться от миндального пирожного, вылетевшего изо рта Владимирова. Пенелопа в восторге прижалась к плечу поляка и взяла его за руку. Другой рукой Фаберовский осмелился приобнять ее за талию и она не рассердилась на него. Под визги заполнявших вагонетки дам и вой кавалеров, среди которых выделялся поросячий баритон Артемия Ивановича, поезд миновал спуск и снова взлетел из темноты на освещенную фонарика-

ми горку. Где-то в парке гремел оркестр, а небо, в которое, казалось, они сейчас улетят на ничем не удерживаемых вагонетках, было расцвечено огненными шарами фейерверков.

– Как хорошо! – прошептала Пенелопа поляку и слегка сжала ему руку.

Впереди взвыл Артемий Иванович и вагонетки снова ринулись в черную бездну. Фаберовский видел, как обернулась Эстер и мельком взглянула на них с Пенелопой. На следующем подъеме поляк получил по голове чьим-то зонтиком, который, ударив его по цилиндру, улетел в шумящую где-то внизу листву деревьев.

– Они что там, с ума посходили! – возмутилась Пенелопа. – Ой!

Под истошный визг Владимирова вагонетка перевалила горку и ухнула вниз. Чья-то нарядная шляпка некоторое время порхала рядом с Пенелопой, пока поезд не обогнал ее, чтобы снова взлететь вверх. Девушка еще теснее прижалась к своему кавалеру и почувствовала, что его рука крепче обняла ее талию. Однако этим восхитительным мгновениям быстро пришел конец. Миновав последнюю низенькую горку, вагонетки совсем замедлили ход и уже на излете ткнулись в буфер из набитых песком мешков. Пенелопа с сожалением опустила руку поляка и высвободилась из его ослабших объятий.

Фаберовский помог ей выйти из вагонетки и они вдвоем подошли к Артемию Ивановичу и его даме. У Эстер был

очень сердитый вид, словно ее обманули в самых сокровенных чаяниях.

– Зачем вы, мистер Гурин, визжали, и почему вы не обняли меня, как это сделал ваш друг с Пенелопой?

– Я не визжал, – ответил Артемий Иванович, который еще минуту назад мечтал доехать сухим до ватерклозета, а теперь ему страстно захотелось промочить горло. – Я кричал от напряжения, потому что обоими руками вынужден был удерживать нашу вагонетку, которая еще на старте треснула пополам.

– Я этого не заметила.

– Еще бы! Я специально не подавал виду, чтобы вы не паниковали-с!

Возникшее было разочарование мгновенно сменилось в душе Эстер искренним и безоговорочным восхищением. Отныне ее сердцем навсегда овладел этот быть может невзрачный на вид, но добрый и мужественный русский богатырь.

– Вы не видели шляпку моей дочери? – спросил у них высокий седой шотландец в клетчатой юбке и гетрах. – Она потеряла ее во время катания.

– Спросите у служителя, – посоветовала ему Пенелопа.

Она все еще находилась под впечатлением от романтической поездки и ей не хотелось разрушать очарование недавних счастливых минут будничными разговорами об улетевших шляпках. Однако какой-то мрачный джентльмен, разыскивавший свой выпавший из вагонетки зонтик, все-та-

ки сделал то, что не удалось шотландцу. Пора было возвращаться в Лондон и они направились к станции. Когда они садились в поезд, двое служителей, чей рабочий день уже закончился, обсуждали полет некоего джентльмена с дерева, куда он лазил за своим зонтом.

Фаберовский с Владимировым проводили дам до самых дверей дома доктора Смита на Харли-стрит, где им надлежало расстаться.

– Сегодня был один из самых восхитительных вечеров в моей жизни, – сказала Пенелопа.

– Вечер действительно был прелестный, – согласилась Эстер. – Как это ни странно может звучать, мы все должны быть благодарны доктору Гримблу за то безобразие, которое он учинил в Сиднеме.

– Я не хочу даже слышать о докторе Гримбле! – заявила Пенелопа. – Если он решит идти вместе с нами на «Джекила и Хайда», я лучше останусь дома.

– Мы можем сделать по-другому, Пенни. Джентльмены, дело в том, что доктор Смит снял нам кресла в ложе в театре «Лицеум» по полторы гинеи за место на пьесу «Доктор Джекилл и мистер Хайд» по Стивенсону, на которую вот уже вторую неделю полный аншлаг. Мистер Ирвинг пригласил американскую труппу, а в главной роли занят сам Ричард Мансфилд! Доктор Гримбл с моим мужем не пойдут, я об этом позабочусь. Вы могли бы выкупить их билеты и сопроводить нас.

– Да, мистер Фейберовский, это было бы просто чудесно! – воскликнула Пенелопа, умоляюще глядя в глаза поляку.

– Мы подумаем, – вынужден был ответить он.

Распроставшись с дамами и пообещав, в ответ на слова, что они будут жить приятными воспоминаниями о сегодняшнем вечере до счастливого момента их следующей встречи, также не забывая об Эстер и Пенелопе, поляк с Артемием Ивановичем остались на улице одни.

– Степан! – воскликнул Артемий Иванович. – Ты должен мне фрак купить с шапокляком, чтобы в театр ходить.

– А с чего пан Артемий взял, что мы с ним в театр идем? – мрачно спросил Фаберовский.

– Нас же пригласили!!

– А шесть гиней у пана есть?

– Но я же тебе вон сколько денег отдал!

– На театр у нас денег нет!

– Что же нам делать?

– Продайте, пан Артемий, – Фаберовский выдержал длинную паузу, окончание которой со страхом ожидал Артемий Иванович, – свои часы.

Глава 11

21 августа, во вторник

Первое время жизнь Тараса Курашкина в Лондоне складывалась не слишком удачно, и если бы в тот момент, когда он понял, что в кармане у него нет больше ни гроша и он один в совершенно чужом и незнакомом городе, на его пути не встретилась англичанка по имени Мэри Николз, он едва ли протянул бы в Англии даже полгода, не протянув при этом ног. За два года до встречи с Тарасом Мэри Николз окончательно разошлась с мужем, от которого имела пятерых детей. Дети остались с отцом, и он выплачивал ей пять шиллингов в неделю, так что она могла снимать крохотную комнатку в Ламбете на Юнион-стрит. Оставшихся денег и того, что она зарабатывала на панели, ей хватало на еду. Когда Курашкин пришел к ней жить, она смогла бросить занятия проституцией, потому что Тарас, устроившись точильщиком ножей, стал приносить неплохие деньги.

Но вскоре муж Мэри прознал, что его жена нашла себе любовника, и отказался высылать ей содержание. По совету Курашкина Мэри подала на бывшего супруга в суд, но проиграла дело, потому что тот сумел доказать, что она вела

безнравственный образ жизни. Им пришлось отказаться от комнаты и обосноваться в Ламбетском рабочем доме, в лавочке которого в январе восемьдесят третьего у них родился ребенок, умерший через два дня. Тарас обвинил в случившемся свою сожительницу, которая непрерывно пила с тех пор, как они оказались в рабочем доме, где им пришлось жить порознь. Еще два месяца они пытались сохранить какое-то подобие семейных отношений, но потом, после пьяной драки с Тарасом, Мэри перебралась к своему отцу.

Сам Курашкин еще некоторое время жил в рабочем доме, а потом предложил свои услуги в качестве осведомителя Особому отделу Скотланд-Ярда. Первые четыре года ему поручались лишь мелкие дела, вроде приглядывания за женой какого-нибудь дальнего родственника ирландского динамитчика. Однажды, в восемьдесят шестом, он был отправлен последить за людьми, которые будут присутствовать на похоронах некоего Уокера, тоже осведомителя Особого отдела.

Уокер погиб при загадочных обстоятельствах, сгорев заживо, как было официально объявлено, от взрыва керосиновой лампы.

Там Тарас неожиданно встретил свою бывшую любовь. Выяснилось, что погибший был родным братом Мэри Николз. Мэри выглядела очень благополучно и была совершенно довольна своей жизнью. Она жила с кузнецом, содержавшим лавку в извозничьем дворе на Йорк-стрит в Вулворте,

и считалась среди окрестных жителей едва ли не настоящей леди. Смерть брата потрясла ее, и Курашкин не удержался и рассказал ей, что по сведениям Особого отдела, ее брата убили террористы из ирландцев за доноительство.

В то время он еще не предполагал, какое влияние будет иметь эта болтовня на его дальнейшую судьбу.

На следующий год, после того как Особому отделу удалось раскрыть так называемый Заговор Юбилейного Взрыва, имевший целью произвести террористический акт в Вестминстере во время празднования пятидесятилетнего юбилея королевы Виктории, Мэри Николз сама разыскала его, хотя он к тому времени перебрался из Ламбета в Уайтчепл, и сообщила, что двое подозрительных ирландцев из Восточного Лондона постоянно навещают одного человека, находящегося в Ламбете в лазарете.

Так Курашкин оказался обладателем ценнейшей информации, которая позволила Особому отделу раскрыть еще один, гораздо более серьезный заговор, и выдвинула его на первое место среди осведомителей.

Курашкин получил достойную награду, и смог снимать собственное жилье на Олд-Монтагью-стрит, а его начальство решило, что слишком расточительно использовать столь талантливого агента по пустякам и поручило ему собирать сведения о русской колонии в Восточном Лондоне, которая по праву считалась источником многих неприятностей для властей.

Зато для Мэри Николз ее приход к Курашкину имел катастрофические последствия. Кузнец вышвырнул ее на улицу, заявив, что не потерпит полицейских ищеек в своем доме. Чтобы как-то помочь Мэри, Курашкин похлопотал перед начальством и после зимы, полной скитаний по работным домам, ей нашли место прислуги в доме мистера Коудри, подрядчика на строительстве нового здания Скотланд-Ярда на левом берегу Темзы для Центрального полицейского управления.

С тех пор Тарас больше не видел Мэри, так как почти все лето провел в радикальных клубах и пивных, где собирался воинственно настроенный русский сброд, и выслушивал и вынюхивал все, что могло иметь отношение к намечавшемуся в этом году ирландцами ряду убийств, ставивших целью избавиться от секретаря по ирландским делам Бэлфура. Наибольшей любовью Курашкина пользовался Большой зал собраний мистера Чаррингтона и небольшой социалистический клуб на Бернер-стрит, где жена управляющего, мадам Дымшиц, никогда не отказывалась поднести гостю стакан мутного изюмного самогону.

Но сегодня произошло что-то странное. На обычную просьбу промочить горлышко мадам Дымшиц озабоченно сказала:

– О, господин Курашкин! Мое бедное сердце начинает так болеть вот в этом месте, потому что мой муж, бедный и несчастный Левий, совсем сошел с ума! Вы когда-нибудь

слышали, чтобы мадам Дымшиц не имела угостить вас са-могоном?

– Целый год каждую неделю ходжу до вас и ще ни разу тако-го не було, щоб у вас горилки не було!

– Вот и у меня ни разу такого не было, чтобы у меня его не было. А теперь у меня это есть, что у меня его нет! И это по-чему? Да потому, что мой несчастный муж забирает у меня все, что я перегоняю, и куда-то увозит! Он заставил спаль-ню мешками с навозом, которые воняют, как под мышками у Гиллемана! Ночами все, кто живут у нас в клубе, вынуж-дены толочь во дворе кирпич. Он занял денег у самого Ле-ви, а это надо быть сумасшедшим, чтобы занять у Леви. Мы теперь покупаем мясо только у Леви, а зачем нам кошерное мясо, если оно стоит дороже обычной баранины! Но самое главное, – тут мадам Дымшиц перешла на шепот и прибли-зила свои толстые губы к уху Курашкина, – я сегодня утром нашла у него вот это.

Мадам Дымшиц сунула под нос Тарасу длинный список товаров с обозначенной против них стоимостью. От одного взгляда на этот список у Тараса забилося сердце. Это был список компонентов, необходимых для изготовления дина-мита. Причем, судя по чудовищным цифрам в десятки фун-тов, неизвестные пока Курашкину динамитчики собирались устроить не какую-то там мастерскую, а настоящий завод, способный снабдить динамитом целую армию.

– Та кому же вси це потрібне?

– Не знаю, – пожалала жирными плечами мадам Дымшиц. – Спросите у него сами, вот он идет.

Даже не здороваясь, Левий Дымшиц выхватил бумажку из рук Курашкина и, бросив свирепый взгляд на жену, ушел в спальню. Он явно не желал разговаривать с Тарасом, но тот решил не отставать, пока не выяснит все до конца.

– Господин Дымшиц, вам не потрібна азотна кислота? – спросил он, когда спустя полчаса Дымшиц выглянул в коридор, будучи уверен, что Курашкин уже ушел. – У меня есть дві вельки бутули. Бувший мий сусид притащил их нависось со своей красыльни, а потим спутал однажды с джином та й и вмер. Що тепер с цией кислотой робыти, я не знаю. Отдам вам за дві пляшки пыва.

– Это не мне, – поспешно сказал Дымшиц, пряча глаза, красные от бессоницы и слезящиеся от кирпичной пыли. – Меня попросили помочь, а что и зачем – я не спрашиваю. Вот вам две бутылки пива. Где вы живете?

– На Олд-Монтагью-стрыт.

– Это почти по пути. Давайте я завезу навоз в театр и потом мы с вами заедем за бутылками.

Поспешное согласие Дымшица купить за две бутылки пива азотную кислоту не очень устраивало Курашкина, который знал об азотной кислоте только по лекциям, читавшимся на инструктаже в полиции. Однако он предположил, что упоминание театра было лишь прикрытием, случайной и неловкой ложью, и на самом деле Дымшиц собирается на-

вестить тех, кому предназначалась виденная Тарасом смета. Курашкин решил убедиться в этом, а потом под каким-нибудь предлогом удрать.

– Вы знаете, господин Курашкин, – говорил Тарасу Дымшиц, пока его пони тащил тележку с двумя седоками от клуба по Гринфилд-стрит в сторону Уайтчепл-роуд, – я не знаю, зачем могут понадобиться такие странные предметы как толченый кирпич. Я подумал: а вдруг господин Оструг желает делать специальную пасту для чистки медных изделий и старинных пистолетов, которые продают старьевщики на Ганстрит и Артиллери-лейн?

– Але навищо вашому Остругу така килькисть навозу?

– Шампиньоны разводить, – сказал Дымшиц, которому уже не раз приходилось давать любопытным ответ на этот вопрос. – А вдруг это все для какого-нибудь нехорошего дела? Мне сразу не понравилось его лицо. Но сами понимаете – гешефт, бизнес, я не могу спрашивать. Вы за ним присмотрите, господин Курашкин, а то социализм социализмом, а так не присмотришь – и в тюрьму угодить можно. Как вы думаете, может мне на них в полицию донести?

– Не стоить покы, – сказал Курашкин.

Подъехав к задворкам театра, Дымшиц спрыгнул с тележки и пошел в помещение мастерской. Курашкин собрался уже ретироваться, когда управляющий клубом опять появился из сарая, но уже в компании с Остругом.

– Вот, господин Курашкин, это и есть господин Оструг.

Ему-то я и покупаю все.

– Чи не мог я вас уже где-нибудь бачиты? – спросил Тарас.

Оструг пригляделся к нему получше и сказал с неприязнью:

– Ты сдал меня полиции пять лет назад, когда они разыскивали меня за отказ сообщить им о моем местонахождении.

Курашкин вспомнил, что действительно, именно с доноса на этого человека, объявление о розыске которого было пропечатано в «Полицейской газете», и началась его карьера полицейского осведомителя.

– Цей господин не хоче мени бачиты, – сказал Курашкин Дымшицу. – Так що я пишов.

Дымшиц заикнулся было о бутылках с азотной кислотой, но бурная реакция Оструга на его предложение Тарасу подождать в сарае, пока управляющий с клубом разберется с делами, вынудило Дымшица отказаться от выгодной сделки и даже забыть о потраченных двух бутылках пива.

– Меня этот хлыщ полиции сдал, а он его прямо сюда привел! – возмущался Оструг, потрясая кулаком вслед поспешно удалявшемуся Курашкину и бросая гневные взгляды на Дымшица. – Он и вас всех продаст ни за грош! Слышите?

Оструг вошел в сарай и обратился к Фаберовскому с Артемием Ивановичем, сидевшим на составленных в угол дырявых барабанах, оставшихся от провалившегося в прошлом сезоне фарса «Барабаны судьбы»:

– Вот вы, пан Фаберовский, боялись, что меня арестует

полиция, если я зайду в библиотеку, а ваш Дымшиц привез сюда полицейского стукача!

– В чем дело, Дымшиц? – спросил Артемий Иванович. – Почему ты возишь к нам посторонних, не посоветовавшись со мной? Привез опилки?

– Конечно! – воскликнул управляющий клубом. – Несколько мешков. Они, правда, немного с навозом, но это даже хорошо.

– И это называется немного навоза? – спросил Фаберовский, зажимая нос платком. – Да тут опилок днем с огнем не сыщешь!

– Ну и что. Зато гореть будет лучше, когда подсохнет. Не сомневайтесь, все будет лучшего качества, как доктор Коган прописал.

– Смету принес? – начальственно поинтересовался Артемий Иванович, вставая с барабана и подходя к Дымшицу.

– Принес! – чрезмерно возбужденным голосом ответил Дымшиц. – Каждый фартинг сэкономил. Фартинг к фартингу – все урезано до предела. Извольте убедиться.

Он протянул Владимирову листок, отобранный у Курашкина, и Артемий Иванович, достав из футляра пенсне и нацепив на нос, углубился в чтение.

От постоянного недосыпания, кирпичной пыли и едкого дыма, на котором во дворе клуба обжигался уголь, Дымшиц горел болезненным энтузиазмом. Втайне от товарищей и жены он написал Леви закладную на свой клуб и теперь наме-

ревался выжать из полученного кредита максимум прибыли. В кармане у него лежала секретная бумажка, в одном столбце которой были цифры реальных расходов, а в другом – цены, которые он собирался назвать Артемию Ивановичу. Причем, в некоторых графах столбца реальных расходов стояли прочерки, а в другом столбце сплошь двузначные цифры.

– Ну что ж, – вальяжно сказал Артемий Иванович. – Очень хорошо. Мы оплатим это.

От отсутствия денег он невыносимо страдал, и сейчас, глядя на сияющего Дымшица, уже предвкушавшего первые выплаты по предъявленному многосотенному счету, подумывал: а не попросить ли у Дымшица, под угрозой прекратить с ним всякие дела, немного наличных?

– Позвольте, позвольте... – Фаберовский соскочил с барабана и выхватил бумажку из рук Владимирова. – Я бы тоже хотел взглянуть, что такое мы будем оплачивать.

– Господин Гурин, – сразу помрачнел Дымшиц, – Мы с вами так не договаривались! Дело конспиративное, тайное. Вы меня за то, что я господина Курашкина подвез, ругаете, а сами неизвестно кому в секретную смету позволяете заглядывать!

– А, это так, – сказал Артемий Иванович пренебрежительно. – Полячишка какой-то. Ты его не слушай. Он при мне помощником. Носит мои деньги, охраняет. Мне их всех одному не унести.

Он понимал, что потом ему придется отвечать за свои сло-

ва, но сейчас самым важным было выкрутиться перед Дымщицем.

– Вот что, пан Дымщиц, – сказал Фаберовский, возвращая бумажку со сметой управляющему клубом. – Езжайте домой вместе со своим навозом и подумайте крепко над суммой. Давайте, давайте, езжайте отсюда! И не рассчитывайте, что он без моего ведома хотя бы один пенни заплатит!

Обескураженный неожиданным поворотом дела Дымщиц покинул сарай и печально взгромоздил один из мешков обратно на тележку.

– Если вы, господин Фаберовский, не дадите мне денег на жизнь, я сейчас догоню Дымщица и попрошу-с у него в долг! – объявил Артемий Иванович, глядя сквозь ворота на уныло грузившего навоз управляющего. – Я без денег не могу-с. Мне даже к Эстер не на чем съездить, а как дойти пешком – я не знаю, да и неприлично в моем положении начальника ходить пешком-с.

– Я думал, что пан Артемий действительно что-то толковое сделал, а он, оказывается, тут с Остругом разной ерундой занимается! – рыкнул поляк.

– Я тут ни при чем, – встрял Оструг. – Мое дело было только помещеньице найти.

– Наняли какого-то подрядчика, который загнул цены, каких свет не видывал! – продолжал свирепствовать Фаберовский. – Да у этого Дымщица сумма всей сметы в три раза больше тех денег, что дал нам Рачковский! Я уж не говорю,

что у нас осталось всего двадцать фунтов, которые я успел перехватить у пана. Да все это я мог бы сам в аптеке купить за гроши!

– А где бы вы купили толченный кирпич? – подбоченясь, выложил свой главный козырь Артемий Иванович.

– Толченный кирпич у Дымшица дороже золота. Фунт стерлингов за фунт кирпича! Мы сидим здесь уже месяц, а вы еще ничего не сделали!

– Мастерскую сняли. Оструг теперь ее охраняет.

– Это я сделал, пан Артемий. Это я снял мастерскую. А пан ее оборудовал? Пан привлек к участию в ней русских революционеров?

– Так вот же он приходил, которого вы в шею вытолкали! Теперь он обидится и вообще ничего делать не будет!

Дымшиц, который все еще стоял снаружи, услышав последние слова Владимирова, слегка воспрял духом. Может быть мистеру Гурину удастся переубедить своего помощника? Управляющий клубом находился в безвыходном положении. Ему надо было отдавать Леви кредит.

– Ты чего уши греешь? – крикнул Дымшицу Фаберовский. – Я же сказал тебе: проваливай вместе со своим навозом и со своей сметой! А пану Артемию я должен сказать, что в следующую субботу начальник Особого отдела, господин Монро, назначил нам встречу в «Гранд-Кафе-Роял». Я не знаю, чем нам это грозит, но едва ли он будет нас хвалить. Как оправдает пан свое бездействие? Как он объяснит ему,

что ирландцы, ради которых Монро и участвует в затее Рачковского, сбежали от пана Артемия еще на пароме и теперь находятся неизвестно где?

Владимиров потупился и поскреб по пыльному полу носком ботинка, на котором до сих пор держалась присохшая тина из женеvского пруда.

– Все, едем домой, – махнул рукой на Артемия Ивановича Фаберовский. – Там Розмари готовит гуся, фаршированного яблоками, а здесь в одном месте собрались сразу три придурка: пан Артемий, Оструг и Дымшиц. И навозом здесь воняет, как у меня в конюшне.

На Эбби-роуд действительно готовился к обеду фаршированный гусь. Разозленный Фаберовский молча уселся за стол и Артемий Иванович робко пристроился рядом. Розмари подала гуся и Владимирoв, то и дело оглядываясь на угрюмого поляка, оторвал от птицы ногу.

Но тут трапеза была прервана стуком дверного молотка.

– Я открою, – сказала Розмари и вышла в коридор. Затем вернулась и растерянно сказала:

– Вас спрашивают два каких-то подозрительных оборванца: косматый старик и молодой чернявый. По-моему, оба ирландцы.

– Да это ж наши! – обрадовался Владимирoв. – Конрой с Даффи! Побежали поглядим.

– Нет, Рози, лучше пригласи их сюда.

– Уф, пронесло! – Артемий Иванович взял со стола сал-

фетку и картинно вытер лоб. – Вот видишь, Степан, нашлись ирландцы. И с Монро как-нибудь образуется.

Ирландцы вошли вслед за девушкой и скромно встали у дверей, сжимая в руках шляпы. Даффи задрожал. Струящиеся от гуся запахи вызывали в пустом желудке спазмы:

– Уже полтора месяца, – заныл он, – мы живем в ночлежке Сатчелла на Джордж-стрит в Спитлфилдзе.

– А теперь у нас нет денег и на нее, так что осталась нам прямая дорога в работный дом! – едва не пуская слезу, встрял Конрой.

– Мы так изголодались, что теперь согласны делать что угодно, если вы выплатите нам причитающееся за полтора месяца жалование!

– Откуда вы знаете мой адрес? – оборвал их причитания Фаберовский.

– Нам мсье Рачковский еще при отъезде дал, – пояснил Даффи. – Велел запомнить, как «Патер ностер»³.

– И зачем же вы явились? – начал издеваться Артемий Иванович. – В вас теперь и надобности особой нет-с! Сами прекрасно обходимся. Вот уже мастерскую сняли, и динамит скоро варить будем.

– Я напишу господину Рачковскому в Париж, – с голодной дрожью в голосе проговорил Даффи.

– Подумаешь! – сказал насмерть перетрусивший Артемий Иванович. – А я вас тогда в Особый отдел сдам. Ну, да ладно.

³ Pater noster (лат.) – «Отче наш»

Я сегодня добрый.

– Вот что, пан Артемий, – сказал Фаберовский. – Кладите обратно гуся, берите своих подопечных и езжайте пристраивать их на ночлег.

– Может, они у вас переночуют, а Рачковский вам потом расходы возместит?

– Ну уж нет, – возразил поляк. – Переночуют пусть в мастерской, а завтра им потребно найти подходящую квартиру, чтобы в ночлежках и окрест мастерской они лишним свидетелям глаза не мозолили.

– А мы уже и комнату присмотрели, – угодливо сказал Конрой. – На Брейди-стрит. Это совсем рядом со станцией подземки.

– И в поблизу от «Слепого нищего», – добавил поляк.

– А у меня на них денег уже не осталось, – придушенным голосом сообщил Артемий Иванович. – Вы их себе забрали. Вы на мои деньги гусей покупаете, а меня на ночь глядя на улицу гоните.

– Деньги пана Артемия у него в часах, – ответил поляк. – Которые все еще в ремонте. Но если продать их даже на треть дешевле против их изначальной стоимости, этого и ирландцам, и пану Артемию хватит надолго.

Глава 12

22 августа, в среду

Ландезен спешил от собора Парижской Богоматери по набережной Аршеверше к низкому мрачному зданию на стрелке Ситэ, где под надписью на фасаде «Свобода, равенство, братство» его уже ждал Рачковский.

– Скажите, Ландезен, вы были когда-нибудь в этом здании? – спросил Рачковский у подошедшего еврея. – А зря, ведь городской морг является местом паломничества всего парижского простонародья.

– Вы странное место для встречи выбрали, Петр Иванович, – сказал Ландезен.

– Во-первых, сюда не ходят русские. А во-вторых, мне надо подыскать человека, который смог бы осуществить требуемые Монро убийства. У вас нет никого на примете?

Рачковский был очень мрачен. Он наметил все примерно на тридцатое число, а подходящего убийцы ему так и не удалось подыскать.

– Нет.

– Вот и у меня тоже. Но, возможно, служители морга что-нибудь слышали о русских убийцах.

Они вошли в морг и встали у стеклянной перегородки, отделявшей пропахший карболовой кислотой зал для посетителей от помещения, где на наклонных столах были выставлены замороженные трупы, затесавшись среди веселых людей, гризеток, рабочих, почтенных матрон с детьми, разглядывавших мертвецов сквозь запотевшее стекло.

Рачковский подошел к маявшемуся бездельем служителю канцелярии и обратился к нему с вопросом:

– Послушайте, любезный, в морге всегда так мало народу?

– Что вы, мсье! – воскликнул служитель. – Были бы вы здесь в прошлом году после пожара в Опера-Комик! Или в апреле позапрошлого года, когда здесь выставляли расчлененное тело одной гризетки, убитой каким-то русским у церкви Сен-Пьер де Монруж.

– Я что-то не помню такого, – пожал плечами Рачковский, но не отвел загоревшегося взгляда от лица служителя, вынуждая его продолжить рассказ.

– Но как же, мсье! Она была расчленена и ужасно изувечена! Сколько народу приходило сюда в те дни! Но морг много потерял в своем очаровании для публики с тех пор, как десять лет назад трупы стали одевать. Якобы для защиты общественной нравственности. Я помню, как мы мальчишками прогуливали школу, чтобы прийти сюда и посмотреть на голых покойниц. Среди них попадались очень симпатичные девушки. А что могут увидеть они?

Служитель кивнул в сторону двух оборванных мальчи-

шек, прижавшихся носами к стеклянной перегородке. – Что будет с Парижем, если решат вообще закрыть морг для посетителей?

– Тогда в Париже придется устраивать гладиаторские бои, чтобы удовлетворить тягу публики к созерцанию смерти, – сказал Рачковский. – Где еще можно увидеть выпотрошенного человека, как не здесь или в цирке с гладиаторами?

– Простите, я представляю агентство Кука, – обратился к ним с английским акцентом похожий на печального бегемота господин в пальто с пелериной. – Мы специально приехали посмотреть на парижский морг. Со мной туристы из Англии, они интересуются узнать, кто здесь лежит.

Толпившиеся позади него надменные джентльмены и покрытые благородными прыщами юные леди с папками для рисования согласно закивали головами. Служитель подошел к перегородке, объяснил англичанам что к чему и, возвратившись, заметил Рачковскому:

– И чего они сюда ездят? Своего у них добра такого нету, что ли?

– Видимо, нету, – ответил Рачковский.

– Так завели бы!

– Скоро заведут, – Рачковский дал служителю на чай, кивнул Ландезену и они покинули морг.

– Куда мы идем? – спросил тот, едва поспевая за своим начальником, решительно прокладывая дорогу среди зевак, толпившихся на набережной у лавок букинистов.

– В префектуру. К шеф-инспектору Сюртэ Горону. Надеюсь, он просветит нас насчет русского, о котором говорил служитель.

Горон, небольшого роста полный бретонец с пенсне на носу и напомаженными усами под носом, не удивился появлению у себя в кабинете начальника русской Заграничной агентуры в Париже. Его агенты с одобрения префекта Граньона нередко оказывали разные негласные услуги русской полиции и лично мсье Рачковскому.

– Чем могу служить на этот раз? – спросил Горон.

– Меня интересует некий русский, который в апреле 1886 года у церкви Сен-Пьер де Монруж убил юную парижанку. Он наверняка проходил через ваши руки.

– Николас Васильефф, если не ошибаюсь. Он убил какую-то проститутку, личность которой мы даже не смогли установить. Ее нашли между полночью и пятью часами утра неподалеку от церкви. У нее была отрезана голова, ноги и правая рука, а правая грудь и матка отсутствовали. Тело было завернуто в зеленую шелковую нижнюю юбку, а ноги нашли в общественной уборной завязанными в провощеную ткань и обвязанными шнуром от гардины. Мы много помучились, пока поймали убийцу. Васильефф работал младшим ординатором в больнице Сен-Лазар и мы не смогли доказать его вину. Единственное, что нам удалось – поместить его в Шарантон, в тюрьму для умалишенных, выдав за сумасшедшего, где он должен находиться и по сей день.

– Какой идеальный человек для наших целей этот Николай Васильев, – сказал Рачковский, когда они шли от Горона по гулким коридорам Дворца Правосудия. – Во-первых, русский. Во-вторых, за ним числится убийство. И в-третьих, если мы вытащим его из тюрьмы, он будет очень сговорчив и станет делать для нас все, и при том бесплатно, за одни харчи. Вся проблема в том, как нам его заполучить.

– Употребите дипломатические каналы. Возьмите кого-нибудь тут в Париже за его родственника, пускай хлопочет за выдачу Васильева России и перевод его в какую-нибудь русскую психиатрическую лечебницу, где он за ним мог бы ходить.

– Вы представляете, сколько будет тянуться оформление всех необходимых бумаг?

– Что нам с того волноваться?! Васильева мы заберем сразу, а пока за него посидит кто-нибудь другой. Хоть ваш Продеус, у которого второй день белая горячка. Я приехал на бульвар Араго с женщиной, так он с нее каких-то зеленых чертей обирал, словно медведь малину.

– Но кто согласится выдать себя за родственника? И если уж посвящать в суть дела еще кого-то, то неплохо было бы иметь этого человека в Лондоне, чтобы он присмотрел за Васильевым по дороге туда, и там не давал бы воли. Этим двум я больше не доверяю.

– Мне кажется, я знаю за такого человека. У моей дамы...

– С которой Продеус снимал чертей?

– Да-да, с ней вместе населяет квартиру на улице Сен-Жак одна русская, некая Дарья Семеновна Крылова. Не женщина, а циклоп какой-то. Тут она уже несколько лет, при госпитале Сен-Лазар акушерству и повивальному искусству обучалась, а ныне живет в бедственном положении. Я думаю, она согласится.

Рачковский долго и пристально смотрел в лицо Ландезену, потом сказал с тяжелым вздохом:

– Тогда я поручу тебе договориться с ней, а сам улажу дела с префектом Граньоном.

* * *

Поездка в местечко Шарантон ле Пон, где находилась шарантонская больница для умалишенных, была обставлена просто и без затей. Рачковский нанял экипаж и заехал за Ландезеном и его протеже на улицу Сен-Жак.

Дарья Крылова была еще сравнительно молода – ей не было и тридцати. Но ее мощное телосложение и пышные телеса, которым не мог придать пристойную форму даже туго затянутый корсет, вызывали в людях при встрече невольное уважение и почтительную боязливость. Ее большие руки в мужских перчатках сжимали ручку лакированного акушерского саквояжа. Зад ее был увенчан почтенных размеров турнюром, какие были модны еще два года назад и какой постеснялась бы надеть любая следящая за модой женщина.

Крупные черты лица ее с ярко нарумяненными щеками и нравственно наморщенный лоб не носили неприятного отпечатка излишнего ума, а светлые глаза старой девы, прошедшей всю свою жизнь в ежеминутной борьбе за соблюдение в безукоризненной чистоте собственной невинности, заставляли любого мужчину держаться от этой барышни поодаль.

– У тебя наметанный глаз, Ландезен, – заметил Рачковский, открывая Дарье дверцу и спуская подножку. – Мадемуазель Крылова как раз то, что нам надо. К такой и подступиться-то боязно.

Экипаж переехал на правый берег Сены и покатил в Шарантон. У здания тюрьмы Ландезен вылез и, взяв у Рачковского толстый бумажник, ушел договариваться с тюремным начальством.

– Ну-с, голубушка, расскажите мне о себе, – предложил Рачковский. – А то нам с вами дело государственное делать, а я о вас и не знаю ничего. Давно ли вы в Париже?

– Три года. Я ведь, ваше благородие, в Петербурге на Надеждинских родовспомогательных курсах училась, а потом благодетель мой, купец Васин, земля ему пухом, отправил меня учиться за границу.

– Что еще за Васин?

– Второй гильдии купец. Как батюшка с матушкой представились, я к нему в дом в услужение пошла.

– Так значит, родителей у вас, душечка, нет?

– Сирота я! – завывала Дарья, доставая из ридикюля платок

размером с небольшую скатерть и обкладывая им свой нос.

Экипаж заходил ходуном от ее рыданий.

– Плачьте, плачьте, Дарья Семеновна, – Рачковский погладил ее по голове. – Вы должны выглядеть как сестра, два года не видевшая своего несчастного брата и наконец добившаяся свидания с ним. Только не трясите, пожалуйста, экипаж, а то у меня разыграется морская болезнь. Состоите ли вы в замужестве?

– Нет, – всхлипнула Дарья, успокаиваясь. – Я честная девица.

– Я должен был сам догадаться, – сказал Рачковский.

– Ко мне сватался один молодой человек, он вынул меня из фонтана в Петергофе, куда я по неосторожности вступила.

– У нас есть один специалист по петергофским фонтанам...

– Это был очень благородный человек! Он сам говорил мне, что хочет жениться исключительно из-за любви ко мне, а вовсе не из-за трех тысяч, которые давал за мной купец Васин.

– Да-да, – поддакнул Рачковский. – Встречаются еще в наше время рыцари. Но что же помешало вашему счастливому браку, Дарья Семеновна?

– Его оклеветали перед купцом Васиным. Он ни в чем не был виноват. Говорили, что трех институток увезли потом в психиатрическую лечебницу, но это неправда, они всем вы-

пуском стояли вокруг и издевались, пока Артемий Иванович пытался высвободиться из забора. Мерзавки! Он не смог вынести такого позора и уволился из гимназии, где служил надзирателем.

– Кажется, я начинаю понимать, о ком вы ведете речь. Артемий Иванович Владимиров, не так ли?

– Он! Он самый!

– И про случай этот мы все тут в Париже знаем. У него даже медалька есть за турецкую кампанию, на которой бывший ее владелец, гимназический швейцар, потом тайно нацарапал: «Небываемое бывает и в заборе застревает». Да вы, наверное, видели ее. Он говорил, что в молодости разных барышень ею охмурял. Должен вас сразу предупредить, Дарья Семеновна, что если сейчас с вашим «братом» все получится, вы поедете в Лондон и там будете сотрудничать с вашим бывшим женихом.

– Господи Святый! – перекрестилась Дарья.

– Ничего не поделаешь, голубушка – служба! А, вот и Ландезен. Ну, как дела?

– Начальник тюрьмы разрешил свидание, – сказал Ландезен, подходя к экипажу. – Уверен, что все будет хорошо.

Втроем они отправились в комнату для свиданий.

Васильев оказался совсем не таким, каким его представлял себе Рачковский. Ничего мрачного и страшного в нем не было. Он был белобрыс, у него было бледное, покрытое прыщами скуластое лицо со светлыми усиками, и плохие зубы.

Из того, что сообщил Горон, было известно, что он родом откуда-то из Тверской губернии и раньше работал фельдшером.

– Это он? – прерывающимся от волнения голосом спросила Дарья.

– Боже, Дарья Семеновна, как изменился ваш брат за эти два года! – воскликнул Рачковский. – Коленька, поцелуй же скорее свою сестру, она приехала забрать тебя отсюда!

– Целуй же, урод! – прошипел Ландезен. – Так и сгниешь тут среди психов.

Васильев не заставил себя долго упрашивать. Он плохо понимал, что здесь происходит, но ради того, чтобы выбраться на свободу, готов был поцеловать хоть черта в задницу.

– Ну же, Дарья, обними его покрепче! – велел Петр Иванович.

Хрустнули кости, но Васильев мужественно смолчал, только лицо его исказилось от боли.

– Как трогательно, – устало сказал начальник тюрьмы. – Привозите завтра человека на замену и можете забирать его.

Рачковский бросил взгляд на Ландезена. Вот кого он с удовольствием запрятал бы в психушку. Уж он бы постарался, чтобы Ландезен никогда не вышел из нее. А Продеуса придется вытаскивать отсюда как можно скорее, пока он действительно не тронулся. Но кто, кроме Ландезена, сможет сыграть задуманный им эффектный финал всего предприятия в Лондоне?

– Отпусти его, Дарья Семеновна, – сказал Петр Иванович, высвобождая едва живого Васильева из ее объятий. – Еще успеете нарадоваться счастливому воссоединению своего семейства. Нам нужно ехать обратно в Париж, пока Продеус ничего не сообразил и не спрятался где-нибудь.

6.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

ПИСЬМО РАЧКОВСКОГО – ВЛАДИМИРОВУ

11/23 августа 1888 года

Париж

Рю де Гренель, 79

Господа!

То, что вы учинили в Лондоне, совершенно никуда не годится. На кой черт мне все это! Вы внедряете в меня невыгодное мнение о своих способностях. Во-первых, все слабо и пустая трата времени. Во-вторых, такие непроизводительные траты по этому делу более недопустимы.

Я сам нашел вам исполнителя. Я имел с ним беседу и он добровольно согласился взять на себя трудную роль убийцы. Зовут его Николай Васильев, два года назад в Париже он уже произвел действие вроде тех, что нам нужны. По окончании дела он будет выдан английской полиции в виде трупа. При нем под видом его сестры будет ехать наша агентша Дарья,

которая должна следить за ним во всякое время. Но учтите, что Васильев человек капризный, с ним требуется особая деликатность и осторожность. И еще. Для его сестры он едет ловить беглого матроса с броненосца «Петр Великий», покинувшего корабль во время ремонта в Глазго в 1882 году и похитившего секретную книгу с таблицами сиканлов. Оба придут утром 29 августа дуврским почтовым на вокзал Ватерлоо. Пароль для встречи: «У вас есть Британская энциклопедия?» Ответ: «Нет, только некоторые тома».

Сообщи на милость, любезнейший Гурин, сколько можно писать о Шабсельсе? Ты же до сих пор даже сам не знаешь, кто он таков!

Я больше не потерплю вашего бездействия и растрат. Доколе я не узнаю об успехе, денег вам не будет, а за уже израсходованные я сурово взыщу. Тебе же, Гурин, грозит отзыв в Париж как лицу, к службе непригодному, со всеми вытекающими для тебя отсюда последствиями. Помни о Продеусе.

П.Рачковский

Глава 13

24 августа, в пятницу

Старший инспектор Литтлчайлд, поступивший в столичную полицию двадцать лет назад в год восстания фениев и последние пять лет возглавлявший Особый Ирландский отдел, специально созданный для борьбы с фениями и их последователями, был опытным полицейским. За годы своей службы он выработал безошибочное чутье, позволявшее выбирать из навозной кучи рапортов от инспекторов, работавших с осведомителями, жемчужные зерна полезной информации. На этот раз такое зерно обнаружилось в рапорте инспектора Салливана, одного из тех, кто в отделе занимался с осведомителями в Восточном Лондоне. Инспектор Салливан был ценным сотрудником. Ранее он работал слугой в отеле и мог браниться на любом языке цивилизованного мира, и, кроме того, знал еще много иностранных слов. Коллеги считали его полиглотом и относились к нему с большим почтением, ведь он был единственным не только в Особом отделе, но и во всей Столичной полиции, кто знал русский язык.

В рапорте Салливана со ссылкой на надежный источник

указывалось, что в Восточном Лондоне, возможно, затевается производство динамита, по сравнению с которым фабрика в Бирмингеме – надомная мастерская по поклейке спичечных коробков. Чтобы убедиться в том, что нюх и на этот раз не обманул его, Литтлчайлд предложил инспектору Салливану явиться к нему в Скотланд-Ярд вместе со своим осведомителем.

– Позвольте представить вам, сэр, мистера Курашкина, – сказал Салливан, когда они с хохлом вошли в кабинет Литтлчайлда. – Именно благодаря его информации о том, что в больнице в Ламбете некоего больного посещают два подозрительных субъекта, нам удалось в прошлом году предать суду Харкинза и Каллена.

– Да, да, я припоминаю, – сказал Литтлчайлд, с любопытством осматривая невзрачную фигуру осведомителя. – Это по его прошению я пристроил какую-то женщину, от которой он узнал о пациенте в Ламбете, домашней прислугой нашему подрядчику?

– Йес! – во весь рот улыбнулся Курашкин. – Итс ми.

– Если это ты, то почему в мае твоя стерва сбежала от мистера и миссис Коудри, прихватив у них одежды на сумму более трех фунтов?!

– Ай ям вас нот андерстенд, – сразу же перестал понимать сердитого начальника Курашкин.

– Как-то он не похож на осведомителя, который может хоть что-нибудь узнать, – засомневался Литтлчайлд. – Вы

уверены, Салливан, что ему можно доверять?

Салливан был убежден, что Курашкин относился к тому типу осведомителей, которые не в состоянии ничего выдумать и потому информация, получаемая от них, всегда заслуживала внимания. Однако в отношении Курашкина всегда существовала сложность – его было очень трудно понимать.

– В мистере Курашкине я уверен, – сказал он Литтлчайлду и тон его был искренний и уважительный. – Очень ответственный и исполнительный человек.

В отличие от Салливана Литтлчайлд не понимал из речи Курашкина ни единого слова, но, вероятно, гораздо лучше понимал его сущность. И сомнение в способностях того как осведомителя продолжало грызть его. Тем не менее, выбрать было не из кого и он решил извлечь из Курашкина все, что сумеет.

– Тогда пусть ваш осведомитель, Салливан, расскажет об этой таинственной мастерской во всех подробностях, – сказал Литтлчайлд своему подчиненному. – Но на своем языке. А вы мне будете переводить.

– Well, мистер Курашкин, сообщайте к старшему инспектору, що ты сумел выяснять для динамитный магазин, – велел своему осведомителю Салливан.

– Управляющий клубом евреев-социалыстов на Бернер-стрыт мыстер Дымшиц отрывав пидряд на сотни пондов стерлынггов вид Михаля Оструга на закупивлю хымыка-

лий для виробництва динаміту, – затараторил хохол. – Сама майстерна, де будуть виготовлятися вибуховы вещества, знаходиться у Восточно-Лондонском театри, поруч со станцією андерграунды Сент-Мэри у сараи в його дворищи.

– Салливан, спросите у мистера Курашкина, полагаает ли он, что управляющий клубом знал, для чего предназначены эти химикалии? – попросил Литтлчайлд.

Внимательно выслушав вопрос, Курашкин глубоко задумался. В глубине души он был уверен, что Дымшиц отлично знал, для чего нужны химикалии, но ему не хотелось портить жизнь управляющему клубом, тем более, что это могло лишить его, Курашкина, полюбившейся ему изюмной горилки. Он достал из кармана табакерку, сунул в нос щепотку табаку и, громко чихнув, сказал:

– Дымшиц робив свой бизнес як комерсант, бо в цьому клуби не проповедуют динамитных методив и никто не знае, як виготовляты динамит. Тырсу вин вез с навозом, а що-же за динамит с навозу? Дымшиц спокійно согласився довести мени до майстерной, що пидтверджуе, що вин ничего не знав. А от Оструг – дило инше. Вин навярняка повязанный с ирландськими террорыстами и самый заправляеть у ций майстерной.

– Это так, Оструг человек опасный и неуравновешенный, – сказал Салливан, с большим трудом переведя слова Курашкина Литтлчайлду. – Перед тем, как ехать сюда, я навел справки у суперинтенданта Данема, которому приходи-

лось сталкиваться с ним ранее и который опознал его в прошлом году, когда Оструг был арестован за кражу металлической серебряной кружки в казармах Королевской Военной Академии в Вулидже. В семьдесят третьем суперинтенданту Данему удалось проследить Оструга до Лондона после кражи этим последним из библиотеки в Итоне двух ценных книг и серебряных кружек у студентов. В то время Оструг выдавал себя за русского хирурга императорской гвардии, вынужденного бежать из России после убийства человека на дуэли. Кстати, одну из кружек, стоимостью четыре фунта десять шиллингов, он пытался заложить в Лондоне доктору О'Коннору с Оснабург-террас, убедив того, что это был приз, выигранный им в Петербурге в гребных гонках на Неве, а также в том, что он стер с нее имена, чтобы избежать обнаружения русскими детективами. Так вот, когда полиция собралась арестовать Оструга, он сумел, в одном жилете и брюках, убежать от суперинтенданта Данема по крыше с заряженным восьмикамерным револьвером. Когда он был арестован в Бартоне-на-Тренте в трактире «Лиса и Гусь» суперинтендантом Осуэллом, то в полицейском участке выхватил свой револьвер и только быстрая реакция Осуэлла, схватившего руку Оструга с револьвером за запястье и повернувшего револьвер дулом на владельца, помешала тому выстрелить. А во время истории в Вулидже, о которой я упомянул, Оструг после ареста пытался по пути в участок отравиться стрихнином, затем уморить себя голодом, а по пути в Холуэлль-

скую тюрьму пробовал затащить своего тюремщика под поезд в попытке самоубийства. Суперинтендант Данем назвал его одним из наиболее отчаянных преступников, когда-либо живших на этом свете. Такие как раз и подвержены влиянию идей террористической борьбы.

– Тильки мени буде дуже небезпечно стежыти за майстерною, – напомнил Курашкин, – потому що Оструг дизнався мени, адже це я помог полиции його спиймати.

Увидев Курашкина впервые, старший инспектор Литтлчайлд решил было, что его пресловутое чутье на этот раз обмануло, однако сейчас, анализируя слова осведомителя, он все более склонялся к выводу, что сообщенные Курашкиным факты дают почву для основательных подозрений. К делу следовало подойти серьезно.

– Полагаю, Салливан, – сказал Литтлчайлд, – что для слежки за мастерской действительно следует употребить другого человека, который Остругу не известен.

– Я поставлю Сруля Эвенчика, – сказал Салливан. – У него руки растут не из того места, типичный продукт эволюции по мистеру Дарвину. От обезьяны. Ему только декорации носить.

– Причем наблюдение надо вести очень осторожно, – предупредил Литтлчайлд, – чтобы не спугнуть заговорщиков. Пускай динамитчики достаточно развернутся, а потом уже мы их накроем с поличным. Устройте кого-нибудь на время чернорабочим в театр, так он будет вызывать меньше по-

дозрений. А мистер Курашкин пусть лучше присмотрит за клубом мистера Дымшица, возможно, что кто-то из социалистов все-таки связан с мастерской. Да и Дымшиц может оказаться более осведомленным, чем кажется.

Письмо Рачковского Артемию Ивановичу о том, что планы меняются: динамитная мастерская отменяется, о дальнейших планах они узнают от Монро. О месте и времени встречи с Монро.

Глава 14

25 августа, в субботу

В субботу, 25 августа в шесть часов вечера к залитому розовым электрическим светом крыльцу «Гранд-Кафе-Рояль» на Риджентс-стрит подкатил кэб и из него выбрались на мостовую поляк и Артемий Иванович. Оба были в цилиндрах и во фраках, а их высокие стоячие воротнички, подпиравшие выскобленные подбородки, поражали своей белизной. Вечерний наряд для Владимирова стоил Фаберовскому больших трудов. Все, от лакированных туфель до фрака и цилиндра было взято напрокат у «Братьев Мосс» и затем подогнано Розмари при помощи ниток и булавок под фигуру Артемия Ивановича. Однако, несмотря на все старания, Владимиров, впервые за всю жизнь в этот вечер надевший фрак, выглядел вороной в павлиньих перьях. Постукивая тросточками, оба вошли в стеклянную дверь и влились в поток безукоризненно одетых джентльменов и увешанных бриллиантами дам в вечерних платьях.

Ресторан «Гранд-Кафе-Рояль» считался одним из лучших в Лондоне. Его хозяином был француз и поэтому посетителям предлагалась отменная кухня. В подвале находился ве-

ликолепный винный погреб и бильярдная, можно также было перекусить в кафе, в закусочной, либо в гриль-зале. Наверху по лестнице по особому заказу гостям предоставлялись частные комнаты, а желающие могли провести время, играя в домино на столах с мраморными столешницами.

В холле слуга принял у Фаберовского с Владимировым трости и цилиндры, а подошедший метрдотель проводил их наверх, в одну из частных комнат. Здесь стоял стол с прибором на три персоны, три стула и большая красная софа у стены. Монро еще не было, и Фаберовский, подойдя к софе, постучал по стенке за нею. Стена была цельной и никакой пустоты за ней не предполагалось.

– Что, Степан, клады по ресторанам выстукиваешь? – спросил Артемий Иванович, любуясь на себя в зеркало. – Деньги, наверное, мои пропил, которые я тебе на сохранение отдал?

– Обманулся я в ожиданиях, пан Артемий, – сказал Фаберовский, усаживаясь на софу. – Говорят, в этих частных комнатах красная софа и гардина за нею скрывают небольшую комнатку для тайных свиданий.

– Да?! – Артемий Иванович заинтересованно обернулся.

– Нет. Ничего нет. Денег у пана, да и комнаты тайной, нет. Даже часов у пана Артемия нет. А жаль. Они так бы ему пошли!

Артемий Иванович взглянул в зеркало на непривычное своей чистотой брюхо, обтянутое белой жилеткой, в кармаш-

ке которой так не хватало золотой луковицы часов на цепочке с рубиновым брелоком, и слеза навернулась на его глаза. Чтобы не расстраиваться еще больше, Владимиров отвел глаза от своего изображения в зеркале и сел за стол.

Вошел лакей с подносом и поставил перед Артемием Ивановичем супницу с коричневым виндзорским супом из телятины и овощей, и бутылку мадеры. Это была настоящая остиндийская мадера по десять шиллингов за бутылку, которую специально возили дозревать в Восточную Индию.

– Похоже, Монро не стеснял себя в выборе блюд, – отметил Фаберовский и подсел к столу. – Интересно, кто будет все оплачивать?

Приход лакея с судком, в котором находилось кеджери – жаркое из рыбы, риса и приправы карри, к которому Монро пристрастился во время пребывания в Индии, а также с бутылкой шабли и уистебльскими устрицами на гренках подействовал на Фаберовского угнетающе. Он начал ерзать на стуле и поглядывать на часы. А когда на стол была выставлена черная икра, в тревоге пересчитал у себя в пормоне наличные.

Артемий Иванович тут же запустил в икру ложку.

– Пан Артемий, мистер Монро еще не подошел! – попытался урезонить его поляк. – И потом не очень-то налегайте на икру, а вдруг нам платить. Икра отменная, троичная, шиллингов десять за унцию.

– И стоит того, Степан, – наслаждаясь давно забытым вку-

сом, ответил Владимиров. – Мне вспоминается одна история из моей жизни.

Слова «моя жизнь» он произнес так, словно они были вытеснены золотом на обложке толстенной книги в переплете из свиной кожи, снятой с полки в библиотеке самого государя императора.

– Вскоре после того как злодейски убили государя-батюшку Александра Николаевича, я выследил в Петербурге одного подозрительного астраханского дворянинчика. Он прибыл с делегацией выразить соболезнования матери-императрице и стал развозить в узелке по всему городу жестянки с бомбами. А потом до того обнаглел, что поехал прямо в Гатчину к новому царю. Я проследил его до вокзала и послал в Гатчину телеграмму: «Злоумышленник выехал поездом таким-то и бомба при нем», а сам с еще одним агентом сел в поезд. Мне железнодорожные жандармы свисток и инструкцию дали. Нам выслали подмогу. И за несколько верст до Гатчины навстречу поезду выставили целый отряд вооруженных солдат врассыпную по засадам – схватить злоумышленника в случае, если бы он вздумал выскочить на ходу. Однако дворянчик спокойно доехал до Гатчины. Видно, взял он извозчика и велит ехать ко дворцу. Тут мы засвистели, приготовленные городовые сбежались, извозчика окружили и препроводили этого дворянина в дворцовую караульную! Вот видишь, с какими людьми тебе оказали честь работать!

– А икра-то причем? – спросил Фаберовский.

– Да в жестянке икра была. Этот астраханский дворянин ее знакомым в подарок развозил и с собою в Гатчину взял на закуску. Нам потом ее отдали, было подозрение, что она отравлена. Мы ее вдвоем с агентом прямо там на вокзале в буфете и приговорили под водочку с превеликим нашим удовольствием.

Одновременно с боем часов в зале ресторана, донесшимся сквозь игравшую внизу музыку, в кабинет вошел Джеймс Монро. Это был уже пожилой пятидесятилетний джентльмен в шевиотовом смокинге, модном нововведении этого сезона. У него было округлое лицо с припухшими веками, светлые висячие усы, он был породист и лысоват.

После приличествующих случаю церемоний, Монро уселся на стул.

– Джентльмены, я снесся с вашим начальником мистером Рачковским и мы пришли к неутешительному выводу. Ваша деятельность в Лондоне за прошедший месяц не привела к ожидавшимся результатам. За это время вы сумели всего только снять помещение для мастерской, но зато это уже известно секции «Д» Департамента уголовных расследований в Скотланд-Ярде (ее еще называют Особым ирландским отделом). Как следствие, наш первоначальный план невозможен, так как я не хотел бы давать прямое указание Особому отделу прекратить дело, начатое в отношении подпольной динамитной мастерской.

Фаберовский посмотрел на Владимирова, который, не по-

нимая английского, продолжал невозмутимо есть и пить, лишь изредка бросая взгляд на поляка, словно по выражению его лица пытался понять, о чем идет речь. То, что перевел Фаберовский, довольно испортило Владимирову аппетит, но не остановило его. Монро же тем временем продолжал:

– Должен вам сказать, что пока ситуация складывается не совсем удачно для меня и я не могу ждать. Во-первых, в прошлом году после раскрытия заговора Юбилейного взрыва и заговора Харкинза и Каллена мы с моим коллегой доктором Робертом Андерсоном для поддержания публики в здоровом страхе перед ирландскими террористами опубликовали в «Таймс» серию статей, в которых утверждалась связь между фениями и ирландской парламентской оппозицией. Однако ирландские члены Парламента подали на «Таймс» в суд и двадцать восьмого октября состоится первое заседание. На суде может выясниться наше с доктором Андерсоном авторство, и поэтому нам уже сейчас нужно громкое дело, которое позволило бы нивелировать возможные последствия суда. Во-вторых, комиссар Уоррен решил вопрос о моей отставке с поста помощника комиссара по Департаменту уголовных расследований. Через несколько дней я сдаю дела своему преемнику. У вас будут развязаны руки.

– Кто же этот преемник?

– Доктор Роберт Андерсон, о котором я только что говорил. Он будет занимать мое место, а я пока буду находиться

на специально выдуманной для меня в министерстве должности главы детективной службы, и продолжу возглавлять секцию «Д». Хотя эта секция является частью Департамента Уголовных расследований, она, в отличие от всего Скотланд-Ярда, финансируется из особого Имперского фонда, и это финансирование зависит от министра внутренних дел. Отсутствие ирландской активности приведет к сокращению ассигнований на Особый отдел и к сокращению числа инспекторов, которых и так всего четыре. Кроме того, я могу лишиться как поста главы детективной службы, так и должности начальника Особого отдела, которую, кстати, вполне сможет исполнять старший инспектор Литтлчайлд. Поэтому в связи со складывающейся сейчас обстановкой мне выгодно, чтобы в первых числах сентября старший инспектор Литтлчайлд разгромил вашу мастерскую. К этому времени вы должны завершить там все работы, но прежде я хотел бы, чтобы в помещении мастерской находилось немного динамита или хотя бы некоторый запас ингредиентов. По просьбе мистера Рачковского свою долю в расходах я уже перевел на ваш счет.

Последнюю фразу Фаберовский предусмотрительно в переводе Владимирову опустил, и Артемий Иванович как ни в чем не бывало продолжил уплетать виндзорский суп. Поляк подумал, что если дело закроется совсем, переведенные Монро деньги он просто оставит себе. А Артемию Ивановичу хватит и часов за сто гиней. Деньги же на билет до Парижа

Фаберовский, как благородный человек, Владимирову даст, и с голоду первое время пропасть не позволит.

– А что нам делать потом? – спросил поляк на всякий случай.

– Мы с мистером Рачковским согласовали другой план. В ближайшие дни он пришлет к вам из Парижа своего человека, способного совершить убийство.

Фаберовский побелел. Он взглянул на Артемия Ивановича, желая найти в нем поддержку, но тот уже уничтожил предназначавшийся всем троим суп и подвинул к себе судок с кеджери. И Фаберовский, с наслаждением видя, как меняется с каждым словом лицо Владимирова, сообщил ему смысл сказанного Монро. Артемию Ивановичу стало дурно, он уронил на пол ложку, полную ярко-желтого риса, и закрыл рот рукой. Один раз, в детстве, он видел утопленника, вытасченного из Псковы, и с тех пор панически боялся мертвяков. Монро с удивлением воззрился на изменившегося в лице русского, но поскольку поляк никак не отреагировал на такое совсем не подобающее мужчине поведение, вернулся к прерванному разговору.

– Сразу же после разгрома мастерской этот человек совершит ряд убийств англичан, – сказал он. – Я, со своей стороны, сообщу министру внутренних дел Мэттьюзу, что убитые являлись моими людьми, и потребую дополнительных ассигнований на секцию «Д» из Имперского фонда, так как люди отказываются работать за такую нищенскую плату при та-

ком риске для жизни. Гибель осведомителей, как и раскрытие мастерской, будет в глазах министра свидетельствовать о том, что фении активно действуют и готовят заговоры.

– А мы-то зачем при этом с мистером Гуриным нужны? – спросил Фаберовский.

– Вашей задачей будет организовать все так, чтобы вашего убийцу не поймали. Чтобы у полиции было меньше шансов найти вас, жертвами должны быть люди, убийц которых полиция особенно искать не станет. Я предлагаю уайтчеплских проституток. Кто может ее убить? Кто угодно. Муж, клиент, сутенер... Нет никакого смысла искать. Я могу вам посоветовать первую жертву. В прошлом году наши успехи в раскрытии заговора Харкинза-Каллена были связаны с тем, что женщина по имени Мэри Энн Николз сообщила важную информацию нашему осведомителю. Насколько известно сейчас Особому отделу, в настоящее время она проживает где-то в районе вашей мастерской, в одном из ночлежных домов. И хотя она реально никакого отношения к нам не имела, мне легче будет убедить министра, что она – наш агент.

– Эту вы нам посоветовали, а дальше? Где найти столько проституток, чтобы они были связаны с вашей секцией «Д»?

– Да вешайте кого попало. После первого же убийства, если они будут не реже чем раз в две недели, личность жертвы не будет иметь значения.

– Но они же невинные люди! – воскликнул поляк.

– После отставки я намереваюсь поехать в миссию в

Индию и замолю этот грех миссионерской работой. Четырех-пяти повешенных мне хватит, чтобы получить от министра деньги. К этому времени непременно возникнет скандал, публика потребует, чтобы полиция все-таки нашла убийцу, но вы уже все закончите и разбежитесь.

– А при чем тут Рачковский?

– В пик скандала в полицию будет направлено письмо от имени русских и ирландских террористов, что если Особый отдел не прекратит свою работу, они продолжат серию убийств. А скандалом я смогу воспользоваться для снятия Уоррена и демонстрации эффективности работы моего отдела, наступившего террористам на хвост.

– В этом какой-то подвох. Вам самому достанется, ведь вы теперь глава детективной службы.

– Этот пост не имеет ни силы, ни ответственности. А доктор Андерсон, как только что назначенный директором Департамента уголовных расследований и еще не вошедший в курс дела, критике подвергаться не будет. Если мы выиграем эту партию, я, кроме дополнительных ассигнований на Особый отдел, могу получить место Уоррена.

– А что нам делать с ирландцами, которых мы привезли из Франции?

– Ирландцев можно отпустить, если вам позволит это сделать мистер Рачковский, – нарочито пренебрежительно сказал Монро. – Но на вашем месте я бы их использовал как помощников. Они прекрасно знают этот район и, в отличие

от вас двоих, не будут выделяться среди прочих ирландцев, проживающих в Восточном Лондоне.

К этому времени Артемий Иванович оправился от первого потрясения и сумел сообразить, что приезд страшного убийцы грозит ему еще многими дополнительными неприятностями, вроде ревизии. А это может быть пострашнее любого мертвяка.

– Ой, как мне не хочется! – сказал он и хлопнул полную рюмку мадеры.

– Мы с мистером Гуриным намерены отказаться, – решительно заявил Фаберовский.

– Вы уже не можете это сделать по двум причинам. Рачковский как ваш начальник не позволит вам вернуться просто так во Францию, а я не позволю вам остаться здесь на свободе после того, как вы нарушите все мои планы. Для этого вы мне предоставили уже массу возможностей со своей динамитной мастерской. К тому же я не понимаю, почему вы так решительно настроены против нашего с мистером Рачковским плана. Если вас волнуют моральные аспекты, то всех, кого вы собирались вовлечь в изготовление динамита, ждала виселица. Число жертв при новом раскладе даже уменьшится. Тем более что мистер Рачковский увеличивает вам содержание, а непосредственно вам убивать никого не придется, так как для этого выписан особый человек из Парижа.

– В случае с динамитом все дело находилось бы в ведении

вашей секции «Д». А теперь нами будет заниматься обычная полиция, дивизионные детективы. Даже будучи помощником комиссара и главой Департамента уголовных расследований, вы едва ли можете заставить их прекратить расследование, если им в руки достанутся какие-либо улики. Нас схватят, а вы узнаете об этом из еженедельного рапорта и ничего не сможете сделать, чтобы избавить нас от виселицы.

– За риск вам и будут платить такие большие деньги.

– Одним словом, мы предоставлены самим себе? Как хочешь, так и выкручивайся?

– Выходит, что так, – грустно согласился Монро. – Но я сделаю все, что в моих силах.

– Скажите ему, что привезенные для него ирландцы совсем от рук отбились, – велел поляку Артемий Иванович. – Так и норовят сбежать куда-нибудь.

– В случае чего мы поможем вам их найти, – сказал Монро. – А если вам потребуется какая-либо информация, вы знаете, где найти меня.

Он встал, распрощался и вышел, даже не притронувшись к еде.

– Пану не кажется, что от этого дела слишком дурно начинает пахнуть? – спросил Фаберовский у Артемия Ивановича, когда дверь за Монро закрылась. – Пан Артемий лучше знает Рачковского. Может быть, все-таки существует способ отказаться?

– Что ты, что ты, Степан! – охнул Артемий Иванович. –

Отказаться не можно! Пёрд Иванович – человек страшный. Его еще только прислали в Париж, а он уже знаешь, каких делов замышлял! Вот стали с французами договариваться, чтобы выслать цареубивца Тихомирова за французскую границу, а оказалось, что те согласны, но на границу не с Германией, а с Бельгией. И Пёрд тогда предложил, что мы с другим нашим агентом, Продеусом, вдвоем схватим Тихомирова прямо у него в квартире под видом умалишенного, перенесем в карету, доставим на вокзал, поместим в вагон и направим в Берлин, а там и на русскую границу. Уже и рубашечка была заготовлена с длинными рукавами, да-с. Потом, когда доклад с его планом так и не получил движения, эту рубашечку мне подарили, я в ней до сих пор сплю. Так что и не думай отказываться, только хуже будет!

Внезапно поляк вскочил и, перегнувшись через стол, приблизил свое лицо прямо к лицу Артемия Ивановича:

– Хотел бы я знать, пан Артемий, откуда этому пресловутому Особому отделу Монро уже известно про нашу мастерскую? Ведь там еще и грамма динамита не сварили!

– Это все ваш Оструг, – мгновенно ответил Владимиров.

– Оструг сам находится в розыске из-за неявки на регистрацию после условно-досрочного освобождения. Уж не подрядчик ли пана Артемия с фантастической сметой, которому мы отказались заплатить по ней, донес на нас полиции?

– Нет, – засомневался Артемий Иванович. – Это не Дымщиц. Тот больше о прибылях думает. Мне кажется, это Ку-

рашкин, который на Оструга когда-то донес. Он мне сразу подозрительным показался. Прилип, как дерьмо к ляжке, и выспрашивает, и выспрашивает... Может, Степан, мы его в качестве осведомителя-то и порешим?

– Во-первых, он русский, а не англичанин. А во-вторых, Монро, человек опытный, требует убивать проституток, убийц которых полиция не будет слишком деятельно разыскивать, в отличие от убийц настоящего осведомителя Особого отдела. А нам по своей инициативе нарываться на неприятности не стоит.

С лакеем прибыло седло барашка, дополненное двумя бутылками кларета Шато-Марго, но у обоих кусок не лез в горло. Они отправили лакея и быстро опустошили початую бутылку мадеры. Затем выпили белое вино без устриц, еще мадеры, а когда стало видно дно в последней бутылке «Шато-Марго», что поляк, что Владимиров едва держались на ногах.

– Все, Степан, – сказал Артемий Иванович, распахивая дверь из номера в обеденный зал и впуская звуки играющего оркестра. – Однова живем! Берем цыган и едем к «Борелю»!

– А в борделе пан Артемий не хочет?

– Лучше в Хрустальный Дворец, там Асенька с Пенюшкой! – взявшись за перила обеими руками, Артемий Иванович стал спускаться по лестнице вниз. – Такие славные барыньки!

– Они не в Хрустальном Дворце! – крикнул на весь зал

Фаберовский. – Они по весне с доктором Смитом у Пагани на Грейт-Портланд-стрит часто обедали!

– Тогда к Пагани! Едем, Степан!

* * *

– А вот и доктор Смит! – сказал Фаберовский, когда они с Артемием Ивановичем вошли в зал ресторана Пагани.

Здесь также играла музыка, танцевали пары, и за столами сидела приличная публика: мужчины во фраках, женщины в вечерних платьях, увешанные жемчугами и бриллиантами. Доктор Смит сидел наедине с бутылкой коньяка и поедал рагу из зайчатины с вареньем из красной смородины.

– Дохтур! Дохтур, идите к нам! – с порога закричал Артемий Иванович.

Доктор Смит обратил на них внимание и приветственно кивнул, однако остался сидеть, чтобы не краснеть перед остальными за знакомство с этими невоспитанными субъектами. Тогда Артемий Иванович сам прошел к столику Смита. Поляк поспешил следом.

– Как поживает ваша, прошу прощения, супруга? – по-русски спросил Владимиров заплетающимся языком. – Мы вообще-то к ей приехали. А также мы можем возратить ваши цилиндры. Если только я их еще не заложил. Я на них слово неприличное чернильным карандашом написал.

Смит снисходительно отнесся к непонятной болтовне рус-

ского варвара. Он предложил им с поляком коньяку с содовой и они не стали отказываться. После второй рюмки коньяку доктор разговорился.

– Вы не курите, мистер Фейберовский? – поинтересовался он, доставая портсигар. – Очень зря. Теперь даже в больницах обслуживающему персоналу рекомендуют выкуривать хотя бы по одной сигарете в день, чтобы предохраниться от заражения сифилисом. И я вам как врач советую делать то же самое. С тех пор, как женщины стали думать о самостоятельности, от них всего можно ожидать. Сегодня моя супруга заявила мне, что в Лондоне открывается или даже открылся ресторан специально для них. Что удумали: открыть ресторан, куда не пускают мужчин! Специально, чтобы мужья и отцы не видели, как они колобродят. И чтобы знакомые мужчины не могли ничего рассказать мужьям. Видите ли, женщинам, которые работают в городе – подумайте только: работа-ют! – негде пообедать! Да дай им волю, они не только обедать одни будут, скоро они будут заседать в Парламенте! Правильно сказала наша королева: эта безумная, злонамеренная и чреватая ужасными последствиями затея с «женскими правами» заслуживает хорошей порки! Скоро вообще непонятно что будет. Очень мило, что наше общество идет на поводу у этих наглых и бесстыжих тварей! Когда же, наконец, будет готова моя индейка!

– Ну! – Артемий Иванович раздраженно взмахнул вилкой для устриц, привезенной с собой из «Гранд-Кафе-Рояль». –

Чего вы о своем Парламенте печетесь! Да эта ваша королева сама такая-сякая, на троне сидит и всеми заправляет – самостоятельная!

Окончательно пьяный и потерявший всякое соображение Фаберовский, благодушно улыбаясь, перевел. Доктор побагровел и закричал на весь зал:

– Да как вы смеете! Говорить такое о нашей королеве! Я позову полицию!

Артемий Иванович встал, покачиваясь, и громко икнул.

– Я сейчас вас на вилку надену!

Тем временем к столику доктора Смита, заслышав шум, уже поспешал метрдотель в сопровождении двух дюжих официантов, и Фаберовский, ухватив Артемия Ивановича под локоть, потащил того к выходу.

– Дзенькуе, мы сами, – бормотал он себе под нос, выволакивая Артемия Ивановича.

– Степан, я туда не хочу! – кричал Артемий Иванович, упираясь. – Я хочу к Эстер!

– Сейчас мы поедем до женщин, – говорил Фаберовский. – До наших будущих офярочек⁴.

Забрав у лакея шляпы и трости, Фаберовский остановил кэб и потащил Владимирова внутрь.

– Вези нас до Уайтчеплу!

Кэбмен щелкнул кнутом и лошадь поплелась на восток по мокрой от недавнего дождя мостовой.

⁴ Ofiara (польск.) – жертва

– Я хочу сидеть там! – кричал Артемий Иванович и пробовал вылезти на крышу, чтобы сдернуть кэбмена с его высокого сиденья. Фаберовский висел у Владимирова на ногах, пытаясь помешать этому.

Наконец Артемий Иванович вылез из штанов и, почувствовав неприятный холодок, лягнул Фаберовского ногой в лоб. Тогда он вернулся в свои штаны обратно. Поляк упал на сидение, как труп.

– Неужто сдох? – Артемий Иванович взял Фаберовского за ворот и стал немилосердно трясти, отчего голова того в напыленном цилиндре моталась из стороны в сторону.

– А вот тебе псул в дупень! – пробормотал поляк, не открывая глаз.

Препираясь и поругиваясь, они доехали до Майнориз. Ни один из них уже не помнил, что им понадобилось в Восточном Лондоне. Они остановили экипаж, вручив по ошибке кэбмену вместо серебряного флорина золотой соверен, вылезли и побрели по Майнориз до железнодорожной насыпи. Вскарабкавшись наверх, они пошли по рельсам, спотыкаясь о шпалы. Железнодорожные ощущения вызвали у Владимирова тоску по родине.

– Так и до Гатчины дойдем, – сказал Артемий Иванович. – А там император нас встретит и чаем напоит. Или в Петергоф. В Лигово направо. Хочу в «Вену»!

Ему никто не ответил. Артемий Иванович в изумлении обернулся и увидел на рельсах позади тело, издававшее

невнятное рычание вперемешку со свистом и ухарским кряканьем. Все это напомнило Владимирову родную картину с загулявшим гренадером, напевающим марш лейб-гвардии Преображенского полка в придорожной канаве. Что-то щемящее душу проснулось у него в груди и он, ностальгически завывая, запел:

– Соловей, соловей, пташечка, канареечка, твою мать, жалобно поет...

И пошел по рельсам искать «Вену». Он скатился с насыпи через несколько шагов, не выдержав направления. Это рассердило его так, что он, встретив первого же попавшегося ему навстречу человека, с размаху двинул тому в ухо. На его счастье, это был не англичанин, а русский еврей, в котором Владимиров узнал своего попутчика-социалиста.

Взвизгнув, тот бросился наутек, истошно крича по-русски: «Полиция, полиция! Кар-р-р-раул, убивают!» Топоча калошами, Артемий Иванович погнался следом и долго пинал беднягу в зад, когда удавалось в очередной раз его нагнать.

На Майнориз социалист умудрился исчезнуть, а вместо него Артемий Иванович пнул в живот угрюмого моряка, который, сграбастав агента за шиворот и за штаны, оторвал его от земли и перекинул через забор, примыкавший к рыбной лавке. Упав на кучу дурно пахнущих селедочных голов, Артемий Иванович съехал по ней на землю, нашел выход и побежал искать обидчика. Это было делом нехитрым, так что

через минуту Владимиров опять сидел верхом на той же куче.

– Быть или не быть? – патетически произнес он засевшую в мозгу фразу, держа в руке селедочную голову. – Бедный Йорик! Тьфу! – Он выбросил голову, по счастью так и не собравшись опять на поиски обидчика – ибо сон сморил его и он задремал, по-отечески обняв несчастных селедочек.

Утром, в гневе и селедочной чешуе, он выбрался из кучи голов, провожаемый разъяренной хозяйкой рыбной лавки, и пошел пешком через весь Лондон к Фаберовскому. Хотя по пути он попал под легкий ливень, но прекрасно понимал, что в таком виде его в гостиницу все равно не пустят. Уже пройдя через калитку к двери и постучав молотком, Артемий Иванович вдруг вспомнил, что оставил ночью пьяного поляка спящим на рельсах, и тогда его прошиб холодный пот.

Дверь открыла Розмари и в ужасе закрыла нос платком.

– Где хозяин? – спросил Владимиров, со страхом ожидая ответа.

– Хозяина нет.

«Все пропало», – горестно склоняя голову, подумал Артемий Иванович.

Чья-то рука легла ему на плечо и, медленно обернувшись, он увидел мрачное и помятое лицо Фаберовского со сползшими на нос очками.

– Как ты сюда добрался? – изумился Владимиров.

– Доехал на паровозе, – ответил поляк, не желая вдаваться в подробности. – Пан пришел мыться? Ну так пойдёмте, нечего торчать тут перед дверью на потеху соседям. Я насквозь вымок и продрог.

Телеграмма Рачковского – Фаберовскому. О том, что пришлет им через несколько дней исполнителя, и чтобы они готовились сделать все числа тридцатого. О дорогой гостинице и о том, что снять квартиру на двоих, чтобы Артемий Иванович жил там тоже.

Глава 15

26 августа, в воскресенье

– Ваш друг будет пить чай? – спросила стоявшего у окна поляка Розмари, когда они с Фаберовским собрались в столовой на пятичасовое чаепитие. – Я постирала его штаны, но они еще не высохли и все равно отвратительно пахнут рыбой. А что делать с фраком – ума не приложу.

– Он еще и цилиндр где-то потерял, – сказал поляк, разглядывая дом в соседском саду, из которого съезжали очередные жильцы, таскавшие мебель на Ньюджент-Террас к крытому фургону. – А чай он пить будет. Я его пригласил, а он от таких приглашений не отказывается.

С лестницы слышались шаркающие шаги – Артемий Иванович царственной походкой спускался из спальни. Длинный, ему не по росту, старый халат Фаберовского волочился подолом по лестнице, словно императорская мантия. Поскольку из-за живота спереди халат не сходился, причинное место Владимиров прикрывал полотенцем, повязанным наподобие набедренной повязки.

– Похож я на дикаря? – самодовольно спросил Артемий Иванович.

– Да, на карибского людоеда. Пора готовиться к новому делу, иначе нас посетят миссионеры Рачковского во главе с Продеусом.

– Пускай. Я его тогда съем, – ответил Владимиров.

– Может, пан сам и убивать будет? И нет потребности в особом человеке с Парижу?

– Я?! Свят, свят! Я людоед, а не убийца!

– Пан не людоед, пан дурак. Нам сегодня сдавать «Братьям Мосс» фрак и цилиндр, а фрак хуже половой тряпки. Цилиндр же вовсе потеряли.

– А у меня есть цилиндр, – заявил Артемий Иванович. – Даже два. И получше прокатного. Докторишки и женишка вашей Пенелопы.

– Мисс Пенелопа вовсе не моя.

– Заметано! Давай-ка мы, Степан, сегодня к ним домой съездим с визитом, как приличные люди. С водочкой, с закуской, все чин чинком. А фраки с цилиндрами завтра сдадим.

– Пану Артемию следовало бы не о визитах думать, а о том, что со дня на день к нам от Рачковского душегубец придет и нам придется людей губить, как велено.

Артемий Иванович замер и лицо его приобрело плаксивое выражение. Но такая перемена была вызвана вовсе не мыслями о деле, как было подумал поляк, а осознанием того, что блестящий визит отменяется, потому что оба цилиндра он заложил еще три дня назад.

– Пан уже представляет для себя, как будет дело происходить? – спросил Фаберовский, когда Владимиров сел за стол. – Как мы найдем эту самую Николз, где мы ее будем вешать, где будет находится сам пан и как будет прятаться от полиции душегуб?

– Что я вам, Кутузов, что ли? Вы как хотите, а я в гостинице буду сидеть. А душегубец как хочет, так пусть и поступает.

– Ну, Кутузов и есть! – умильно хлопнул в ладоши поляк. – Пану Артемию вообще под замком следовало бы на это время сидеть.

– Это еще почему?! – обиделся Владимиров. – Вот пойду и все сам сделаю.

– Нет, нет, в этом нет надобности. Я полагаю, что мы поручим дело ирландцам и загадочному роковому мужику, которого пришлет нам Рачковский.

– Хорошая курица несет по два яйца в день, – пробормотал Артемий Иванович, поправляя полотенце на чреслах, и сел на стул, запахнув на животе халат.

– Чего? – переспросил поляк, подвигая к себе листок с планом.

– Почему я не петух? Сидел бы себе на заборе, смотрел на курочек.

В столовую вошла Розмари со штанами Владимирова и робко произнесла:

– Я выгладила мистеру Гурину брюки. Мне кажется, что

без них ему будет неудобно.

– Чего тут неудобного? Очень даже удобно.

– Пану Артемию будет неудобно идти по улице, потому что сейчас мы должны съездить к мадам Шапиро, – произнес поляк.

– Куда?! – Артемий Иванович испуганно бросился к своим горячим штанам, от которых еще шел пар, и стал торопливо залезать в них, путаясь в штанинах.

– К мадам Шапиро. Вчера, после того, как мы с паном расстались... – поляк прокашлялся, – ...я зашел к ней на огонек и нанял ее в качестве консультанта по Восточному Лондону. Мы уговорились с ней, что она за некоторую плату будет помогать нам.

– Ну и знакомства у тебя, Степан. Она нам дорого будет стоить?

– С Хаей Шапиро я познакомился только в этом году. В то время она содержала на Сидни-стрит пердольник ⁵ и помогла мне сфотографировать у себя в заведении одного джентльмена, мистера Рейвнскрофта, во время упражнений с одной из ее девочек.

– У тебя сохранилась эта фотокарточка? – сразу оживился Владимиров, которому удалось, наконец, победить штаны.

– Будь проклята это фотокарточка вместе с той, кто ее заказывал! – воскликнул Фаберовский. – Из-за этой карточки убили старину Диббла, отца Розмари. Мы работали вме-

⁵ Pierdolnik (польск. воровск.) – публичный дом, бордель

сте с ним, он поехал с этой карточкой и прочими собранными нами документами к женщине, которая выдавала себя за жену Рейвнскрофта. Мне самому ехать было нельзя, потому что Рейвнскрофт знал меня в лицо: я имел неосторожность вывалиться на глазах у этого джентльмена в китайском при-тоне, когда улегся на циновку, чтобы закурить опий. Диббл уехал и не вернулся назад, а через неделю его нашли в Темзе задушенного шнурком. Заведение же пани Шапиро разгромили, так как Рейвнскрофт, прежде чем застрелиться, донес в полицию.

– Вот здорово! – воскликнул Владимиров. – Так значит у этого Рейвнскрофта и был личным врачом доктор Смит?

– Одевайтесь, пан Артемий, пора ехать, – оборвал его поляк.

* * *

– Пани Шапиро, – сказал Фаберовский, когда они добрались до Спитфилдзских трущоб, – мне необходимо узнать у тебя об одной проститутке, которая недавно, в конце весны или в начале лета перебралась сюда из Южного Лондона. Зовут ее Мэри Энн Николз, и она проживает в одной из ночлежек.

– Что же это за шлюха такая, что ее по всем ночлежкам искать нужно? Она что, незаконная дочь какого-либо лорда или графа?

– Нет, у моих заказчиков с ней серьезные счета. Она кое-кого сдала полиции.

– Я буду платить своим девочкам по пенни за каждые два посещенных ими ночлежных дома. В Уайтчепле таких домов более двухсот. А ты заплатишь мне за то, что я найду тебе эту Николз, гинею.

– Мне будет нужно, чтобы она пришла в какое-нибудь условленное место, и на ней был какой-нибудь характерный предмет одежды, по которому ее можно будет отличить от других шлюх.

– Я подарю ей под каким-нибудь предлогом эту шляпку. – Шапиро продемонстрировала мужчинам новую соломенную шляпку, отделанную черным бархатом. – По ней вы ее и узнаете. Эту Николз убьют?

– Так, – подтвердил поляк. – Кстати, а как относятся местные к убийствам проституток?

– Это мало кого волнует.

– И часто ли их убивают?

– Всякое бывает. Довольно часто. Две недели назад в Джордж-Ярде была убита Марта Тейбрам.

– А до этого случая были подобные убийства?

– В апреле подонки из Олд-Николзской банды убили мою знакомую, Эмму Смит, вдову с Джордж-стрит в Спитлфилдсе, – сказала Шапиро. – Когда Эмма выпивала, она становилась похожей на сумасшедшую. Однажды я лично засветила ей фонарь под глазом, когда она заявила ко мне в за-

ведение и пыталась отбить гостей у моих девушек. В Банковский праздник вскоре после полуночи она возвращалась по Осборн-стрит домой в ночлежку на Джордж-стрит – она как раз шла мимо горчично-шоколадной мельницы братьев Тейлор на углу Брик-лейн и Уэнуорт-стрит, – когда трое парней, увязавшиеся за ней около Уайтчеплской церкви, напали на нее. Они ограбили Эмму и изнасиловали.

– Ну и что же с ней стало? – спросил Владимиров.

– Она потащила в ночлежку. Я встретила ее на улице, когда она пыталась добраться домой. Ее лицо было окровавлено, ухо обрезано... Эмма не хотела обращаться к полицейским, и сопротивлялась, когда управляющий ночлежкой и еще один квартирант потащили ее в Лондонский госпиталь, где она впала в бесчувствие и умерла от воспаления брюшины.

– А где проще всего снять какую-нибудь шлюшку? – спросил Фаберовский.

– У Б***ской церкви.

– Как? – опешил Артемий Иванович.

– Так на Адской Кухне называют церковь Св. Ботолфа, – пояснила Шапиро.

– Слишком далеко от Брейди-стрит, – покачал головой Фаберовский. – Ирландцам придется идти через весь Уайтчепл.

– Тогда церковь Марии Матфеллон.

– Вот это то, что надо! – согласился поляк. – Почти у са-

мой мастерской.

* * *

Договорившись с Шапиро, что она в течение дня разыщет Мэри Николз и сразу же сообщит об этом на Эбби-роуд, Фаберовский с Артемием Ивановичем отправились смотреть жилье ирландцев. По дороге поляк сказал Владимирову, что по утверждению Даффи, они поселились так удачно, что лучшего места во всем Уайтчепле для них не сыскать. Однако Фаберовского одолевали большие сомнения и чтобы разрешить их, он был намерен лично осмотреть жилье ирландцев.

Повернув налево за «Слепым нищим» на Брейди-стрит, они дошли до ограды старого еврейского кладбища. Деревья на кладбище походили на огромные вороны гнезда, повсюду на улице валялись сломанные сучья, а дома напротив кладбища, с сорванными вывесками над лавками и битыми кое-где стеклами, имели очень взъерошенный вид.

– Здесь и сейчас хоронят? – спросил Артемий Иванович, заглядывая через кладбищенскую ограду.

– Кладбище закрыто уже лет тридцать.

– Странное какое-то оно. Почему могильные камни стоят здесь так тесно, словно хоронили только карликовых евреев?

– Чтобы сэкономить место, евреи добились разрешения насыпать поверх первого слоя могил несколько футов зем-

ли и хоронить в ней другим слоем. А вот в том доме справа Даффи с Конроем сняли комнату.

Здание, на которое указывал поляк, ничем не отличалось от прочих зданий на Брейди-стрит. В нем было только два этажа, оно находилось между мясной и мелочной лавками, закопченные красные кирпичные стены были лишены каких-либо украшений, а стекла в окнах были грязные и занавешены нечистыми цветастыми занавесками.

– Замечательно! – оценил увиденное Артемий Иванович. – Самое им тут место.

Фаберовский еще раз огляделся вокруг, посмотрел на кладбище и направился к дому.

На второй этаж к ирландцам пришлось подниматься по невероятно скрипучей лестнице. Осторожный поляк, стиснув зубы, попробовал бесшумно пройти по ступенькам у самой стенки, но все его ухищрения были напрасны из-за идущего сзади Артемия Ивановича. В комнате, кроме убогих кроватей и стола, почти ничего не было. На столе в газете лежали остатки жареной картошки с рыбными костями, испускающие адскую вонь, и стоял жестяной чайник с холодным чаем. Даффи лежал на кровати, а старик Конрой стоял у окна, разглядывая на свету зажатый в вытянутой руке отрез бикфордова шнура.

– Что то есть?! – угрожающе спросил поляк.

– Да так, мы с Даффи, раз уж в Лондон выбрались, хотели заодно и насчет Монро...

– Никаких заодно и никаких Монро! Дайте сюда! – Фаберовский отобрал шнур и ткнул в руки Владимирову. Тот недоуменно повертел его в руках и сунул в карман.

– Ну и зачем вы его отдали этому типу? – спросил старый ирландец. – Да мистеру Гурину он нужен, как белый слон.

Фаберовский отобрал у Владимирова шнур обратно и спустился к хозяйке.

– Мне не нравится ваша лестница, миссис Слоупер! – сказал он. – Так, она мне очень не нравится!

– Хотела бы я знать, – упираясь руками в бока, начала хозяйка, – чем вам не угодила моя лестница? Наша королева меньше живет в Букингемском дворце, чем я в этом доме! И никто из жильцов никогда не жаловался на лестницу, хотя, прямо вам скажу, кое-кто с нее и спускался быстрее, чем ему хотелось, особенно когда начинал говорить мне подобные вещи!

– Не хотелось бы снимать иных покоев, но ужасная мигрень от этих скрипящих лестниц... У вас нет комнаты внизу?

– Есть, сэр, прямо под лестницей.

– А другой?

– Больше нет.

– Тогда мы согласны.

– А вас не будет беспокоить скрип лестницы над головой? – участливо спросила хозяйка.

– Над головой – нет, – сказал Фаберовский. – Мигрень – она возникает от скрипов под ногами.

– И запомните: я запираю дверь в полночь, – добавила вслед поднимающемуся наверх поляку миссис Слоупер, – не люблю, чтобы ночью шастали из дома на улицу или наоборот.

В комнате оба ирландца с ужасом следили за Артемием Ивановичем, который сидел, навалившись брюхом на стол, и с урчанием доедал дрянь из газеты.

– Я говорил с хозяйкой по поводу того, как нам спускаться с этой лестницы, – заявил поляк.

– Как, уже? – забеспокоился Артемий Иванович.

– Не волнуйтесь, пан, доедайте свою гадость. Есть еще полчаса. Вы идиот, Даффи, – и Фаберовский обратился к молодому ирландцу с длинной речью. Владимиров понял только начало, вздохнул и стал обсасывать селедочную голову.

– Вы повинны были снять квартиру на первом этаже, чтобы не было скрипящей лестницы, раз, – продолжал, расходясь, поляк. – И чтобы не было лестницы вообще, два. Нужно всегда иметь возможность войти и выйти через окно. Как вы собираетесь незаметно спуститься по той лестнице в три часа ночи, а потом незаметно подняться в четыре? И это при том, что хозяйка намеревается запираť дверь дома в полночь! Иной на моем месте уже спустил бы вас за то с лестницы, как предлагала хозяйка, но я договорился, что она сдаст нам каморку внизу. Чтобы вы не вздумали братья за динамит, отмычку для дверного замка я вам дам. Собирайте ваши объедки, будем переселяться.

Переселение не заняло много времени. Ирландцы прихватили чайник и большой моток бикфордова шнура, который тотчас же был отобран поляком, и спустились вниз.

– Газету здесь оставлять? – спросил Артемий Иванович.

– Возьмите с собою до хотелю. Будете облизывать.

Владимиров гордо скомкал газету и запустил в поляка, но тот уже вышел за дверь и жирный комок не достиг цели.

– Хорошая была комната, – сказал Артемий Иванович, осматривая новое помещение. – Окнами на кладбище. А здесь вообще окон нет.

– Зато и света в них никто не увидит. Тут ирландцам будет уютно, как клопам в ковре.

Разговор с ирландцами о том, что им предстоит делать. Им объясняют, что невозможно запустить мастерскую на работу, так как по достоверным сведениям, Особый отдел что-то пронюхал и вокруг шляются его агенты. Но кто именно является агентом – неизвестно. Поэтому агентов нужно запугать. А сделать это можно, убив нескольких человек и объявив их публично осведомителями Особого отдела.

Когда они вернулись, Фаберовский поднялся к себе в кабинет и принес оттуда чистый лист бумаги и бронзовую чернильницу. Артемий Иванович встал, вооружился пенсне и склонился над бумагой.

– Смотрите, пан: вот так идет Уайтчепл-Хай-роуд, – Фаберовский нарисовал пером две параллельные линии. – Тут Лондонский госпиталь. Это Институт, где мы были на до-

знании, вот здесь Уайтчеплская станция, а это – «Слепой нищий», где мы познакомились со Скуибби. Вдоль Уайтчепл-Хай-роуд в виде этакой вилочки расположена улочка по названию Бакс-роу. Улочка ночью тихая и глухая. На востоке Бакс-роу упирается в Брейди-стрит, где ирландцы сняли комнату. А вот тут буквой «Г» проулок, что выводит с Брейди-стрит через склады прямо на Бакс-роу к конюшенному двору Брауна. Тут мы все и можем совершить.

Напротив конюшенного двора находился склад, так называемый Эссекский Причал, рядом с причалом шерстяной склад Брауна и Игла, и шляпная мастерская. От двора до Брейди-стрит тянулся ряд жилых домов, занимаемых довольно респектабельными торговцами.

– А кто с убийцем пойдет? – буркнул Артемий Иванович, разглядывая нарисованный поляком план. – Пусть Даффи найдет какую-нибудь потаскуху, а Конрой приведет душегуба на место.

– Вечером я пошлю Батчелора и Леграна посмотреть полицейские дозоры и просчитать, сколько времени занимает обход ими всего маршрута. Полагаю, что в интересующем нас месте их должно быть три или четыре. Один констебль наверняка ходит по Бакс-роу, один по Брейди-стрит и еще один, скорее всего, по Бейкерс-роу. Постоянные полицейские посты есть на Уайтчепл-роуд на углу с Грейт-Гарденс-стрит, это чуть ближе к Сити, на перекрестке с Коммершл-стрит и Леман-стрит, около «Белого оленя», и у церкви

Марии Матфеллон – там всегда торчат полицейские.

– Молодой ирландец наверняка сумеет подцепить какую-нибудь курвочку на Олдгейте, – перо Фаберовского зацепилось за бумагу и поставило кляксу. – А потом привести до Бакс-роу.

– И когда он должен туда прийти?

– Где-нибудь в половине четвертого ночи. Самое глухое время.

– Хотел бы я знать, сколько идти от квартиры до конюшни?

– Если не спешить, минут десять.

– Значит, Конрой и душегуб выйдут из дома в двадцать минут четвертого. – Артемий Иванович макнул перо в чернильницу и вывел рядом с домом на Брейди-стрит прямо на скатерти большую цифру «31/3».

– Что вы делаете! – воскликнула Розмари, которая до этого момента, не понимая по-русски, не вмешивалась в разговор. – Убирайте ваши бумажки, пятно надо немедленно застирать!

Фаберовский отнял у Владимирова бумагу и взглянул на чертеж.

– Нет, в двадцать минут четвертого поздно. Потребно пораньше: вдруг что случится? Попадется им на пути какой-нибудь пан Артемий, и считай пропало. Пускай они выйдут в десять минут и подождут в проулке за складами. Там можно встать так, чтобы были видны ворота конюшни. А

Даффи должен подойти к школе ровно в половину, не раньше и не позже, иначе их топтание у ворот конюшенного двора может привлечь внимание какого-нибудь случайного прохожего.

– И тут-то наш убивец ее того! – обрадовался Артемий Иванович.

– Как только всё будет кончено, все трое уйдут проулком в комнату на Брейди-стрит. Надо не забыть взять пальто и перчатки для убийцы на случай, если он испачкается в крови. В любом разе в среду нам придется провести экзерцицию на месте.

Здесь же о том, что с Остругом договорились, что Оструг сдает им свою квартиру для присылаемого убийцы, а сам переселяется в помещение мастерской.

7.

ДЕЛО № 153 ч.1/1909 ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

ПИСЬМО ВЛАДИМИРОВА – РАЧКОВСКОМУ

14/26 августа 1888 года

«Гранд Отель»

Лондон

Любезный Петр Иванович!

Все решено и готово. Поляк нанявши комнату недалеко и поселил там своих ирландцев. Они приведут вашего челове-

ка на место и обратно в комнату. Вы не пожалеете, что поручили нам такое дело. Все содрогнется в ужасе.

Прилагаю с превеликими трудностями добытую мною всего за три фунта конспиративную анархистскую газету «Свобода».

Теперь пишу прямо Вам ввиду того, что мне хочется, чтобы Вы скорее мне выслали немедленно денег, так я совершенно без денег. Если почему-либо у Вас там задержка, то прошу пока выслать мне фунтов 40, так как я тут задолжавши. Расходы на организацию стоили мне много денег. Я бы попросил Вас выслать по телеграфу, хотя этого не стоит делать, а потому еще раз прошу Вас выслать мне, пожалуйста, сейчас же, чем премного обяжете денег

преданного Вам

Гурина.

Об остальном прочтете в следующий раз. Адрес мой Вам известен.

Глава 16

29 августа, в среду

Накануне днем на Лондон обрушилась самая настоящая буря, какой давно не было в этих местах. В три часа дня потоки воды хлынули сверху из разверзшихся небес и такое светопреставление длилось до шести. Поэтому ни Фаберовский, ни Владимиров не рискнули выйти на улицу. Намеченный на этот день визит к найденному ирландцами месту был перенесен на следующий день, после встречи присылаемых Рачковским подкреплений в виде Дарьи и Васильева, которые прибывали на вокзал Ватерлоо в половине шестого утра. Артемий Иванович честно собирался появиться на вокзале в это время, хотя накануне и отметил день Преображения Господня. Он встал, когда на часах не было еще и двух, умылся, побрился, хорошенько подкрепился внизу в ресторане, зная, что предстоит хлопотливый вечер, потом поднялся в номер и решил прикорнуть, чтобы во всеоружии явиться на встречу. Проснулся он только в шесть, когда его новые подчиненные уже полчаса недоуменно толклись на платформе. От былой готовности Артемия Ивановича не осталось и следа. Вскочив с кровати, он долго не мог найти ботинки, потом бегал в од-

них носках по коридору и тростью гонял лакея, требуя вернуть ему обувь, которая в конце концов совместными усилиями была найдена под кроватью.

Артемий Иванович опасался Васильева и очень боялся, что за его опоздание ему будут от убийцы неприятности.

Примчавшись по утренней темноте на вокзал, он обнаружил, что платформа, куда прибывал поезд из Дувра, уже совершенно пуста, даже состав был отогнан в депо. Лишь в дальнем конце рядом с горой подушек стояла гренадерского вида барышня, покачивая из стороны в сторону исполинским турнюром и прижимая к груди огромный, обвязанный в подушки предмет, обернутый поверх одеялом.

– Боже мой-с, Боже мой-с! – растерянно застыл на месте Артемий Иванович, мгновенно узнав в барышне свою несостоящуюся невесту. Чуть погодя он заметил позади нее небольшого щуплого мужчину, в котором без всякого сомнения признал мужа Дарьи. Счастливый обладатель его трех тысяч ехал вместе с его невестой и новорожденным сыном в свадебное путешествие.

Владимиров попытался скрыться, но Дарья давно заприметила его фигуру и закричала басом на весь вокзал:

– Артемий Иванович, голубчик! Пойдите! Ведь я здесь! Артемий Иванович обмер и покорно повернул обратно.

– Куда же вы, Артемий Иванович, – сказала Дарья, протягивая ему свой спеленатый предмет. – Вот, подержите.

– Это что, твой сын?

– Самовар, экий вы пакостник.

– Чего же он такой тяжелый?

– Да из него воду не вылили, – пояснила Дарья. – И так насилиу на вокзал успели. У вас есть Британская энциклопедия?

– Чего?! – возмутился Владимиров.

– У вас должны быть некоторые тома...

– Какие тома?! Ты бредишь, Дарья Ивановна.

– Да как же, Артемий Иванович, – чуть не плача сказала Дарья. – Вы же должны агентов с Парижу встречать!

– И то верно, – согласился Артемий Иванович. – Только где же они?

– Так я вам зачем про тома-то говорила – мне Рачковский сказал, что вы иначе меня не узнаете. Да мы с Коленькой-то и есть агенты!

– Какой еще Коленька?

– Братец мой названный, Коленька Васильев.

– Братец Иванушка! – хмыкнул Артемий Иванович. – Так вот мне кого Рачковский под начало прислал!

– А я тогда кто?! – возмутилась Дарья. – Это мне Петр Иванович велел за Коленькой ухаживать, я даже жить при нем буду.

– Это верно тебя Рачковский за душегубом присматривать отрядил, на такую, как ты, даже у него рука не поднимется. Значит, ты тоже подо мной будешь. И смотри, веди себя хорошо, сама знаешь – у меня не забалуешь! – Артемий

Иванович погрозил Дарье пальцем.

Погрузившись вместе с вещами и подушками в омнибус, Владимир повез Дарью с Васильевым в их новое жилье неподалеку от вокзала.

Фаберовский поселяет Васильева и Дарью на Бетнал-Грин-роуд, 400 у сыроторговца Фрэнка Катера. Тот дает визитные карточки, видя, что это достаточно солидный жилец, для раздачи булочникам, молочникам и пр. Фаберовский вручает визитку Васильеву: «На, выучи как "Отче наш" адрес, по которому будешь жить». Эта карточка потом окажется у Эддоуз. Ее отдал Васильев, сказав: «Вот, спросишь по этому адресу русского доктора».

Хозяйка пансиона провела Артемия Ивановича с Дарьей и Васильевым в квартиру на первом этаже.

* * *

Большой ореховый буфет исторг у Дарьи радостное восклицание. Она припала к нему щекой и гладила, словно отец блудного сына. Васильев угрюмо бродил по комнатам, потом встал посреди одной из спален и сказал себе под нос:

– Я буду спать здесь.

– Как скажешь, Коленька, – подлетела к нему Дарья, оставив буфет в покое. – Я тогда буду спать в соседней спальне. Как тут чудесно нам с тобой будет! Тут и печка с духовкой, будет где пирожки печь.

Начался дележ имущества. Из комнаты в комнату быстро перемещалась Дарья с тюками, за ней слонялся фельдшер, сонно прижимая к себе подушки.

Артемий Иванович, понаблюдав за этим бестолковым движением, решил самолично повесить в углу киот с иконой Богородицы, который не замедлил упасть и расколоться надвое.

– Ах ты, мать Божья! – выругался Владимиров.

– Уйдите вы, Бога ради! – умоляюще воскликнула Дарья.

– Я только хотел помочь, Богородицу повесить! – виновато пояснил Артемий Иванович, делая шаг назад и опрокидывая на пол главное сокровище Дарьи – швейную машину фирмы «Эйдель и Науманн».

– Ты что! – накинулся он на Дарью. – Не нашла другого места свою точилку для карандашей поставить!

– Где хочу, там и ставлю, – с обидой ответила Дарья и поволокла машину к себе в спальню.

Громкий крик раздался из гостиной, сопровождаемый грохотом падения чего-то тяжелого на пол. Дарья взвизгнула и бросилась туда, отбросив своим крупом Владимирова к стенке. Артемий Иванович испуганно поспешил следом, решив, что на Васильева упал шкаф.

Он увидел на полу распростертое тело, выгнутое дугой. Голова была подтянута назад, лицо посинело, а глаза закатились вверх и внутрь. Дарья бросилась перед ним на колени и подсунула руку под затылок, другой всунув между зубов

лезвие большого ножа. Владимиров склонился над Васильевым.

– Чего он?

– Падучка на него напала, вот что, – огрызнулась Дарья.

– В Англии это часто бывает, – сказал Владимиров. – Я тут с первого разу тоже из извозчика выпал, чуть лоб не расшиб.

Он взял Васильева за плечи и попытался приподнять его.

– Деревянный он что ли? – спросил Владимиров в полнейшем изумлении, ощупывая оцепеневшие члены.

Внезапно крупная дрожь пробежала по всему телу фельдшера. От неожиданности Артемий Иванович отпустил Васильева и тот грохнулся в страшных корчах на пол. Владимиров отскочил в сторону.

– Ирод, что же ты делаешь! – закричала на него Дарья. – У него и так весь затылок в шишках!

Судороги сжали Васильеву горло, он заскрежетал зубами по железу. Из рта появилась кровавая пена, он тяжело и часто дышал.

– Может, ему кровь пустить? – издалека спросил Артемий Иванович, опасаясь теперь подходить близко.

– Вам бы только кровь пускать! Кровопивцы! – крикнула Дарья.

– Тогда стопочку водки с перцем да солью влить? Враз полегчает. У нас в Пскове в церкви Василия-на-Горке прихожане так попа одного лечили. Он после Пасхи у себя в храме крест аналойный серебряный украл да пропил.

– Так от чего же его лечили?

– От того и лечили, – мрачно ответил Артемий Иванович.

Через несколько минут Васильев утомился и теперь недвижно лежал на полу. Лицо его порозовело, дыхание успокоилось. Спустя еще несколько минут он очнулся и осмотрелся кругом. Затем встал, ничего не соображая, и Дарья отвела его к дивану, где он тотчас уснул. Крылова с облегчением перекрестилась на иконку Божьей Матери, валяющуюся в углу.

– Ой, выпить бы что-нибудь с такого дела, – сказал Владимир.

Дарья согласно покачала головой, прислушиваясь к сопению на диване.

– Вон, Артемий Иванович, уголек в ведерке в углу. Вы покуда самовар распакуйте, а я лучину нащеплю. Только осторожней, в нем воды налито.

Она взяла большой остро заточенный нож, годный в равной степени как для мясницких работ, так и для разжимания зубов ненаглядному Коленьке, и ловко нащепала лучин из сосновой дощечки. Стоя с угольным ведерком у самовара, Владимир зачарованно смотрел на огромный нож в ее руках.

– Ну что пнем стоите? – Дарья протянула ему пук лучин. – Разжигайте.

– Эх, Даша, как у тебя ловко-то ножом выходит. Вот бы тебя Фаберовский увидел...

– Он что, ваш начальник?

– Ха! Фаберовский – начальник! – оскорбился Артемий Иванович. – Я сам здесь от Пёрда Иваныча поставлен начальником. И вы все у меня в подчинении!

С кряхтением Артемий Иванович встал на колени перед самоваром, размотал его, снял крышку и набил топку лучинами и угольем. После чего чиркнул спичкой о штаны, поджег лучины, и, водрузив трубу на топку, раздул угли. Он слышал, как Дарья выкладывала на стол многочисленные банки с вареньем, вазы с печеньем и коробки с конфетами.

Артемий Иванович прошел в гостиную, где Дарья водружала на стол рядом с обкусанной сахарной головой щипцы, оловянную чайницу с чаем, сахарницу и розетки для варенья. Васильев все также недвижно спал на диване.

Артемий Иванович подошел к буфету и взял так приглянувшийся ему нож. У него было крепкое узкое лезвие с острым концом вершков пяти длиной, вроде тех, которыми орудовали в мясном ряду на Сенном рынке.

«Надо будет позаимствовать для дела», – подумал Владимир.

– А этот, на диване, он сам-то как? – спросил он у Дарьи. – Часто он падает?

– Он сам по себе, когда хочет, тогда и падает.

– Он же на службе! Я вот не сижу каждый божий день в ресторанах!

– Да он же нешшасный, думаете ему нравится – затылком

об пол?

– Ха! Нашла себе несчастного! Урод он тряпошный.

– Да уж получше вас будет.

– Да ты посмотри на себя! Глупая, толстая, страшная, как экзамен по латыни!

– Вы мне совсем другое говорили, когда купец Васин за мной три тыщи давал, – гордо сказала Дарья, уходя к себе в спальню.

Она достала из несессера аккуратно свернутую в трубочку и завернутую в бумагу хромолитографию, изображавшую стоящих у балюстрады в парке даму с красным зонтом и кавалера в голубом камзоле, и повесила на стену над кроватью. Напечатанные под картинкой вирши гласили:

Во мне любовь горит огнем...

Отказа мне не говори.

Поцелуй мне подари —

Все мое блаженство в нем.

Артемий Иванович дополз до ближайшего стула и с трюдом взгромоздился на него.

– Что сидите? – окликнула его из спальни Дарья. – Слышите, самовар шумит? Несите его в гостиную!

Владимиров поспешил в кухню, где убрал с самовара трубу, надел конфорку и установил на нее заварочный чайник. Но обратно в гостиную возвращаться ему не хотелось. Он выглянул в окно в тайной надежде увидеть Фаберовского,

который обещал подъехать, познакомиться с новыми сотрудниками. Минут десять он стоял, боязливо прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся в кухню. Наконец он увидел, как из подъехавшего кэба выбрался поляк и направился в подъезд. Обрадованный Владимиров подхватил самовар за ручки и отнес его на стол на металлический поднос.

– Что пан дрожит, как кролик под осиной? – приветствовал его Фаберовский. – Представляйте наше чудовище!

– Оно совсем не чудовищное. Вон, на диване валяется.

– Так кого же вы страшитесь?

– Я не его. Я вон ту особу! – Артемий Иванович кивнул на Дарью, хозяйничающую у себя в спальне.

– Что то за огром?

– Дарья Крылова, надзирательница его. Бывшая моя невеста. Как-то летом, мне было тогда двадцать четыре года и я был молод и красив... – вздохнул Артемий Иванович, – я ходил в мундире гимназического надзирателя с медалью на груди и все барышни оборачивались мне вослед...

– Что то за медаль? – поинтересовался Фаберовский.

– За турецкую кампанию. Я познакомился с Дарьей Семеновной в то лето, когда она в Петергофе вымокши в фонтане «Дубок». Я защитил ее от насмешек публики и отведши ее в сторожку.

– Пан увидел ее обнаженной и пожелал жениться с ней?

– Но помилуйте, тьфу, вы же сами видите ее!

– Как же пана угораздило сделаться женихом?

– Ее опекун стал давать за ней три тысячи рублей.

– Отчего же пан упустил такую оказию?

– Чертов купец пронюхавши, что меня в свое время выгнали с Введенской гимназии.

– Я не ведал об этом.

– Помогал вешать портрет Государя в кабинете директора.

Пришлось сказаться припадочным. Потом еще эта история со смолянками... Да, я совсем забыл. Наш фельдшер-то тоже припадочный. Он только что так головой о пол бился, просто страсть какая-то!

– Не хватало нам в добавок к пану Артемию еще и припадочных! – испугался Фаберовский. – Я ведаю одного лекаря, который может осмотреть нашего уroda и потом будет молчать обо всем, что бы ему не пришлось увидеть. Разбудите нашего монстра.

Поляк пошел брать кэб, а Владимиров взялся за дело.

– Эй, ты, урод! – Артемий Иванович растолкал фельдшера, дремавшего на диване. – Поднимайся, пора к доктору ехать. И выдадут тебе рубашечку как у меня. Я б еще и Дарье выдал, чтоб эта буйная руки не распускала.

– Мне ваших сорочек не надобно! – подала голос из спальни Дарья. – И поосторожней с Ванечкой!

Фаберовский вернулся и, непочтительно взяв Васильева за шиворот, повлек к экипажу.

– Да что же вы делаете, черт ляшской! – кинулась следом Дарья.

– Знай свое место, дура! – осадил ее поляк, пригрозив тростью. – Напои пока женишка бывшего чаем.

* * *

Фаберовский оставил Васильева у себя дома в Сент-Джонс-Вуд на попечение Розмари и поехал за доктором Смитом.

Это был не самый богатый дом на Харли-стрит, но внутри чувствовалось тщеславное желание хозяина пустить пыль в глаза, для чего стены были украшены репродукциями Арундельского общества поощрения искусств, а на лестнице стояли гипсовые слепки с римских статуй.

– Мистер Фаберовски! – радостно встретила его миссис Смит. – Как поживает ваш русский друг, мистер Гурин?

– Спасибо, хорошо, просил вам кланяться, – Фаберовский наклонился и поцеловал ей ручку.

– С кем это ты там целуешься, Эстер? – из гостиной в прихожую вышла в сопровождении Энтони Гримбла дочь доктора. – Ой, это вы, как мило!

Она была в обычной теннисной юбке, в плотно облегающей вязаной кофте, без привычного корсета и в туфлях на плоских каблуках. Перекинутый через локоть пластрон из оленьей кожи показывал, что Пенелопа, видимо, собиралась ехать в Фехтовальный клуб. Увидев, какую искреннюю открытую улыбку вызвало у нее появление поляка, Гримбл

высокомерно поджал губы, и бросив на пришедшего косою взгляд, подкрутил напомаженные усы. Фаберовский расправил плечи и выпрямил свою сутулую спину.

Дочь доктора Смита протянула ему руку. Тонкое запястье охватывал плетеный кожаный ремешок с серебряными наручными часиками – последний крик моды.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, мисс Пенелопа, – сказал Фаберовский, прикладываясь и к ее ручке тоже.

– Вы еще посетите нас? – кокетливо спросила Пенелопа и во вставленном в глаз доктора Гримбла монокле тотчас зажглась ревность.

– Кто там пришел? – раздался из кабинета сварливый голос доктора Смита. – Это ко мне? Если это Гримбл, гоните его прочь, он мне надоел!

– Нет, папа, это мистер Фейберовски, – ответила Пенелопа.

– Черт побери! – возгласил доктор, но Фаберовский, не дожидаясь приглашения, уже входил в его кабинет и закрывал за собой дверь.

– Необходимо осмотреть одного припадочного больного.

– Пока он не принесет мне извинения за то, что сбил с моей головы цилиндр в присутствии моей жены и дочери, я не сделаю и шага.

– Но это не мистер Гурин! – возразил Фаберовский. – Это совсем иной припадочный.

– Не слишком ли много среди ваших знакомых припадоч-

ных? – спросил доктор. – Я нахожу это странным.

– А я нахожу, что вы должны поехать со мной безропотно и бесплатно, памятуя о наших с вами особых деловых отношениях, сэр.

– Вот, Пенни, – крикнул доктор Смит, обращаясь куда-то в пустоту, – ты называешь этого негодяя самым достойным из известных тебе молодых людей, а он обычный шантажист и вымогатель!

Натянув пальто, доктор первым вышел на улицу и свистком позвал кэб.

– Взгляните, доктор, вот наш больной, – сказал Фаберовский, когда они приехали на Эбби-роуд и вошли в гостиную, где Розмари посадила Васильева на стул.

Завидев незнакомого человека, фельдшер несмело встал.

– Этот?! – брызнул слюной доктор Смит. – Да если он больной, то я вовсе покойник!

– Сегодня утром у него был эпилептический припадок.

– *Mobus sacer*⁶. А ну-ка сядь, – велел доктор Васильеву. – И закатай штанину.

Он раскрыл саквояж и достал из него перкуссионный молоток и стетоскоп.

– Скажите, доктор, когда у него могут проявляться припадки? – спросил поляк, пока доктор вынимал инструменты.

– Припадок может проявиться, если пациент сильно разволнуется, – ответил Смит, отводя Фаберовского за локоть

⁶ *Mobus sacer* (лат.) – эпилепсия

к окну. – А может случиться, когда он спокоен. Зависимости здесь нет. Это хроническая болезнь нервной системы, чистый невроз. О сущности ее наука знает очень мало.

– Почему она возникает?

– Она часто передается из поколения в поколение. И страдают ей по большей части истощенные и слабые субъекты, – доктор ткнул Фаберовского согнутым пальцем в грудь, – а также пьяницы, – палец Смита угодил поляку в живот, – и онанисты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.